

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 3 (42)

2014

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – **В.Л. Чепляев**
Зам. главного редактора – **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук; **О.А. Лиценбергер**, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук; **Е.Ю. Сидорова**, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2014

№ 3 (42)
2014

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
F O R C I V I L S E R V I C E

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: ***V.L. Chepliaev***
Deputy editor-in-chief: ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkulshkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy)*;
V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*;
V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
S.E. Channov, *Doctor of Science (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2014

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

I.A. Doroshin
**Violence and Religion:
Social Horizon and Risks
of Legislative Initiative**

The article details the bill “On Amendments to Article 16 of the Federal Law ‘On Freedom of Conscience and Religious Associations’ and the Code of Administrative Offences” (in terms of regulating the order of performing religious rites associated with violent acts against humans or animals). The initiative of the expulsion from the public space of mass religious events playing a vital role in the cultural codes is analyzed.

Key words and word-combinations: religion, law, freedom of conscience, religious mass prayer ceremonies.

Рассматривается законопроект «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части регулирования порядка совершения религиозных обрядов, сопряженных с насильственными действиями в отношении человека или животного)». Анализируется инициатива исключения из публичного пространства массовых религиозных событий, играющих важнейшую роль в культурных кодах.

Ключевые слова и словосочетания: религия, закон, свобода совести, массовые религиозные молитвенные обряды.

УДК 342.4(470)+343.22/23
ББК 67.400.4+67.408.010

И.А. Дорошин

**НАСИЛИЕ И РЕЛИГИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ
И РИСКИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
ИНИЦИАТИВЫ***

Социально-философский дискурс и религиозно-философские школы, как правило, не касаются вопроса сущностной связи социальных горизонтов насилия и религиозных норм. Западноевропейская социальность достаточно четко оберегает память о религии от вопросов о насилии: «Спрашивая, насколько воинственна или миролюбива та или иная религия, мы словно не замечаем того, что насилие исходит от нас, людей... вопрос о религиозном насилии является прежде всего человеческим вопросом, социальным и антропологическим вопросом, а вовсе не религиозным» [1]. В связи с этим показателен случай, отразивший столкновение параллельных социальных и затронувший саму суть проблемы.

---

* Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01216.

В автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности «находится на рассмотрении» документ, который ставит вопрос насилия в религиозном акте: законопроект № 161207-6 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части регулирования порядка совершения религиозных обрядов, сопряженных с насильственными действиями в отношении человека или животного)» [2]. Пожалуй, так вопрос об амбивалентности всякого религиозного действия ставится впервые. Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, считая, что указанный законопроект соответствует ч. 3 ст. 104 Конституции РФ и ст. 105 Регламента Государственной Думы, предложил принять его к рассмотрению [3]. Статья 1 проекта Федерального закона касается изменения ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4]: «Внести... изменение, дополнив ее пунктом 2.1: Молитвенный обряд, а также религиозные обряды, сопряженные с *насильственными действиями в отношении человека* или животного беспрепятственно совершаются в культовых зданиях и сооружениях, местах и объектах, специально предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества), в учреждениях и на предприятиях религиозных организаций, а также в жилых помещениях. В иных местах совершение молитвенного обряда, а также религиозных обрядов, сопряженных с *насильственными действиями* в отношении человека или животного осуществляется в порядке, установленном нормативно правовыми актами субъектов Российской Федерации». Написать отзыв на законопроект без пояснительной записки было невозможно. Инициатива напомнила задачу, которую обсуждал еще М. Фуко: «...Изгнать религиозный обряд...» [5, с. 215].

Проект был рассмотрен в комитете общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области, было решено направить запрос на профильную кафедру теологии и религиоведения СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Доцентом кафедры И. Дорошиным было дано следующее заключение:

1. Представляется некорректным использование формулировки «насильственные действия в отношении человека» при осуществлении «молитвенных обрядов». Подобная формулировка дискредитирует прежде всего традиционные религии для Российской Федерации, подчеркивая, что в культовых зданиях и специальных сооружениях насилие допустимо и является нормой. Это противоречит духу и характеру всех традиционных религий. Формулировка «насильственные действия» является настолько широкой, что под нее могут подходить и действия, влекущие за собой привлечение к уголовной ответственности, и массовое молитвенное шествие, санкционированное в установленном законодательством порядке.

2. Насилие, применяемое в отношении участников религиозного события, ограничено действующим УК РФ. Действие, расцененное как насилие в отношении окружающих граждан, оказавшихся свидетелями события, ограничено действующим законодательством (УК РФ, КОАП), регулируется согласно п. 5. ст. 16.5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях», нормами Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях,

шествиях и пикетированиях» и не требует дополнительных ограничений. Информация, вызывающая у детей страх, ужас или панику официально относится к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей (ст. 5 п. 3 Федерального закона № 436 от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

3. Согласно п. 2 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях» беспрепятственное проведение религиозных обрядов, церемоний и богослужений гарантировано государством, кроме установленных мест, «в иных местах, предоставленных религиозным организациям для этих целей».

4. Согласно пояснительной записке депутатов И.В. Лебедева и С.В. Иванова к проекту Федерального закона «...события последних лет, проведение ряда религиозных обрядов нарушает и ущемляет права граждан, например совершение молитвенного обряда во время празднования крупных религиозных праздников, сопряженных с большим количеством верующих... Совершение массового молитвенного обряда создает угрозу жизни и здоровью населения, не только из-за стихийности, но и в следствие того, что осложняет работу оперативных служб (полиции, скорой помощи, МЧС и т.д.)». Под подобное определение «молитвенных обрядов» подпадает ряд массовых мероприятий, традиционных для мировых религий (крестный ход и другие события).

5. Традиционные массовые религиозные молитвенные обряды действительно могут быть сопряжены с угрозой здоровью участников (как случайным событием) или причинить беспокойство лицам, которые придерживаются иных идей, что тем не менее не является основанием для квалификации в законодательной норме как «насилия в отношении человека» (обязательное событие). Свобода собраний, закрепленная в ст. 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут причинить беспокойство либо нанести оскорбление лицам, придерживающимся придерживаются противоположных идей или требований (см. *mutatis mutandis*, Станков против Болгарии, № 29221.95 и 29225/95, п. 90).

6. Предложенная формулировка «Молитвенный обряд, а также религиозные обряды, сопряженные с насильственными действиями в отношении человека или животного беспрепятственно совершаются в культовых зданиях...» в случае принятия может привести к эскалации религиозной розни и экстремизма, ущемлению и нарушению прав верующих граждан.

7. Тем не менее действительно правовое содержание терминов «религиозные обряды и церемонии» (п. 16.2) не раскрыто в нормах действующего законодательства; жертвоприношения животных должны совершаться в специальных местах. В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о собраниях проведение религиозных обрядов и церемоний регулируется Законом о свободе совести. Но согласно п. 5 ст. 16. Закона о свободе совести «в иных случаях публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций». Таким образом, сегодня в законодательстве сохраняется противоречие, когда законы содержат ссылки на другие законы.

По итогам рассмотрения в комитете общественных связей и национальной политики Саратовской области был подготовлен ответ следующего содержания:

«Представляется некорректным использование формулировки “насильственные действия в отношении человека” при осуществлении “молитвенных обрядов”. Такая формулировка дискредитирует прежде всего традиционные религии для Российской Федерации, подчеркивая, что в культовых зданиях и специальных сооружениях насилие допустимо и является нормой. Это противоречит духу и характеру всех традиционных религий. Формулировка “насильственные действия” является настолько широкой, что под нее могут подходить и действия, влекущие за собой привлечение к уголовной ответственности, и массовое молитвенное шествие, санкционированное в установленном законодательством порядке».

Комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству после рассмотрения в части вопросов своего ведения на заседании Комитета 18 января 2013 г. внесенного проекта также заявил, что не поддерживает предложенную редакцию законопроекта: «... не ясно, что будет пониматься под нарушением установленного порядка совершения молитвенного обряда, а также не раскрывается понятие “насильственных действий в отношении человека или животного и т.д.”» [6]. Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций дал также отрицательный отзыв: «Полагаем необходимым отметить, что правонарушения, связанные с насильственными действиями, предусматривают установление уголовной ответственности, не предусмотрено, кто будет составлять протоколы, а также рассматривать дела... следует также отметить, что в законодательстве Российской Федерации не употребляется термин “молитвенный обряд”» [7].

Что касается географии отзывов то количество законодательных собраний, активно реагирующих на вопросы свободы совести, оказалось небольшим [8]. Рассмотрев проект, Парламент Кабардино-Балкарской Республики постановил – не поддерживать, отметив в отзыве терминологическую путаницу и неопределенность в соотношении вводимого законопроектом термина «молитвенный обряд» и используемого в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» термина «религиозный обряд». Законодательное Собрание Ульяновской области также приняло решение не поддерживать, как и Законодательное Собрание Вологодской области, которое посчитало невозможным поддержать проект. Таким образом, количество законодательных собраний, активно реагирующих на вопросы свободы совести, невелико. Положительный отзыв оказался только один. Дума Астраханской области пятого созыва решила инициативу поддержать. Встает вопрос о том, что же вызвало сомнение практически всех, кто ознакомился с документом.

Данным законопроектом согласно Пояснительной записке предлагается установить особый порядок для совершения молитвенных обрядов и обрядов, связанных с жертвоприношением животных, иными насильственными действиями. «В действующем законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за нарушение установленного порядка, проведения религиозных обрядов, церемоний и богослужений», но необходимо ли конкретизировать религиозность или нерелигиозность массового события? Возможно, в масштабах нашей государственности это может стать основанием для ухудшения правового статуса верующих. Массовые события и крестные ходы, массовая молитва на улице, если в мечети не хватает места, – это грани религиозных

цивилизаций. Цивилизационная граница, несомненно, – пространство риска, даже если она пролегает по пути вашего следования на работу. Применение норм административного права, предусматривающих ответственность за нарушение порядка, установленного для проведения митингов, шествий и демонстраций, в отношении религиозных обрядов ограничено, так как они не учитывают особенности регулируемых отношений. В тексте, впрочем, не указано, какие особенности, отличающие религиозное шествие от нерелигиозного, необходимо учитывать. Все указанные варианты «насилия» в записке отличают в той же степени любое шествие. Seriously отличается масштаб религиозных событий в современной России от иных массовых мероприятий. О размахе, естественно, ничего не говорится в записке. Многодневное стояние к поясу Богородицы в Москве, по словам А. Архангельского, показало, что «в современной России много России» [9]. Возможно, как считают аналитики [10], этот страх и стал причиной развернутой информационной эпопеи вокруг Русской Православной Церкви и Патриарха в 2013 г. Слишком невероятное количество «демонстрантов» представляет Церковь – число людей, в разы превышающее количество участников всякой политической акции.

Далее авторы записки поясняют, что «...проведение ряда религиозных обрядов ущемляет права граждан, например, совершение молитвенного обряда во время празднования крупных религиозных праздников, сопряженных с большим количеством верующих». Причина указана следующая – перекрытие транспортных и пешеходных потоков, резкое увеличение плотности потоков на подходах к месту проведения молитвенного обряда «...вызывает в обществе социальную напряженность на религиозной почве». Всякая ли ситуация риска должна приводить к запрету? Неявляются ли подобные противоречия, наоборот, симптомом выздоровления, условием развития, в случае масштабных религиозных событий – нравственного возрождения? Не понятно, почему верующие должны вести себя так, чтобы ими были довольны неверующие: «Граждане, не принимающие участия в совершении религиозного обряда, возмущены ограничениями, возникающими в связи с проведением данного обряда, а верующие тем, что им мешают совершать молитвенный обряд». Религиозный призыв к нравственному возрождению, как правило, воспринимается враждебно и скандално. Слово «скандал» апостолы, например, прилагают сами к своей проповеди [11]: «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн (укъндблпн), а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23). Для религиозного поведения характерно принятие риска, а не уход от амбивалентных ситуаций. Тем не менее возможна и обратная ситуация, когда иначе как специальной поддержкой проблемы не решить: «Решающая роль в межрелигиозном диалоге принадлежит государственной власти, которая должна законодательно закрепить правовой и культурный статус религий в соответствии с социальным фактором и вкладом в историко-культурное наследие страны» [12, с. 215].

«Нарекания в обществе также вызывают и обряды, связанные с жертвоприношением животных, проводимые на улицах городов, на глазах простых граждан, в том числе и детей», указывают авторы пояснительной записки. Речь идет, несомненно, о случаях жертвенного забоя животных на улицах крупных городов, где мечети могут не иметь необходимой территории [13].

Действующий Закон о свободе совести уже содержит норму, действующую при проведении уличных религиозных обрядов. Представляется также, что фор-

мулировки проекта не согласуются с п. 2 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях»: «Богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются... *в иных местах*, предоставленных религиозным организациям для этих целей...». В п. 5 ст. 16 Закона о свободе совести: «...в иных случаях публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций». Но в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о собраниях проведение религиозных обрядов и церемоний регулируется Законом о свободе совести. Таким образом, здесь сохраняется противоречие, при котором законы содержат отсылки друг к другу [14]. Возможно, именно это и пытаются исправить авторы проекта о насилии над человеком и животными.

Один из авторов проекта – заместитель Председателя Госдумы и руководитель Высшего Совета ЛДПР – Игорь Лебедев заявил ИА Islam News: «...Мы ничего не легализуем и не запрещаем. Мы постарались максимально расширить формулировку, чтобы охватить любые возможные обряды, которые способны шокировать простого гражданина. Эти обряды не должны становиться предметом всеобщего обозрения – вот и все» [15]. По мнению В.Б. Устьянцева, современный город становится пространством высочайшей концентрации рисков [16, с. 30].

В законопроекте есть тем не менее рациональная часть – жертвоприношения животных в условиях городской жизни должны совершаться в специальных местах, вдали от глаз прохожих, тем более детей. Чем руководствовались депутаты, вносявшие законопроект с формулировкой «религиозные обряды, сопряженные с насильственными действиями в отношении человека»? Закон о насилии над животными при публикации журналисты оценили бы однозначно – закон против мусульман, поскольку кроме них в жертву животных приносят в городах разве что язычники и сатанисты, но делают это как раз «в специально отведенных местах». Думается, что в современной России отдельный закон, специально ограничивающий практику ислама, невозможен.

Конечно, «дух и характер» традиционных религий, сомнение во фразе «молитвенный обряд» и прочих формулировках – это нормально для юриста, но совершенно не убедительно для философа. При первом приближении возникают сомнения относительно того, где проходит граница, которая отделяет насилие от ненасилия в духовной коммуникации. Насилие – это принуждение людей к принятию определенных условий или к какому-то поведению с помощью (чаще всего воображаемого) разрушения их биологической или психической жизни либо с помощью угрозы такого разрушения [17, с. 54]. Массовые религиозные шествия предполагают, скорее, ненасильственные действия, «...в ходе которых действующее лицо *остается в конфликтной ситуации*, то есть не отказывается от борьбы за какое-то благо, но избегает при этом и уничтожения противника... ненасильственные действия – это последовательное в этическом отношении поведение, направляемое отчетливым моральным идеалом, основанным на уважении и любви к противнику...» [17, с. 55]. Кажется, определение А. Гжегорчика вполне удовлетворяет описанию, например, «стояния к поясу Богородицы», массового крестного хода и т.п.

Совершенно ясно, что мы живем при режиме власти, которая налагается посредством насилия, даже если орудия этого насилия являются институцио-

нальными и конституционными [5, с. 118]. Дискурс такого типа не стремится судить историю, несправедливые правительства, злоупотребления и насилия с идеальной, по сути, точки зрения закона, наоборот, под образами институтов систем законодательства вновь «пробуждает засохшую в кодексах кровь» [5]. Другими словами, данный дискурс и критичен, и мифичен – в законодательной инициативе депутатов от фракции ЛДПР явно есть и то, и другое.

Итак, «...борьба за право на неколонизированное пространство...» [18], как ни странно, перемещается с забытых экологических уголков в самый центр современного города. В «каменные джунгли» тесных улиц парадным шествием вторгаются победители-миссионеры. К сожалению, изгнание из публичного пространства массовых религиозных событий слишком напоминает отторжение «иных», которые не заняты рядом с нами теми же повседневными хлопотами: сумасшедших, престарелых, детей с задержкой развития и без родителей. Что касается фактора насилия, то он опирается на принцип «не заметить человека, переступить через него, использовать его как средство сомнительных целей» [19], применять его в отношении традиционных для нашей культуры религиозных событий не стоит.

Библиографический список

1. *Жирав Р.* Насилие и религия: причина или следствие? // Логос. 2008. № 4. С. 129–139.
2. О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект № 161207-6 // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД). URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
3. Письмо в Совет Государственной Думы // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
4. СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; 2002. № 12. Ст. 1093; 2003. № 50. Ст. 4855; 2004. № 27. Ст. 2711; 2008. № 30. Ст. 3616; 2011. № 27. Ст. 3880.
5. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избр. полит. статьи, выступления и интервью. М., 2002.
6. Заключение Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству на проект федерального закона № 161207-6 // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
7. Заключение Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций по проекту федерального закона № 161207-6 // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
8. Отзывы на проект федерального закона № 161207-6 // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
9. *Архангельский А.* Пояс Богородицы как точка пересечения параллельных России // РИА «Новости». URL: http://ria.ru/tv_authors/20111124/497021617.html
10. Религии в обществе риска: ценности, системы, стратегии: курсы лекций. М., 2012.
11. *Куряев А.* Почему православные такие «упертые»? // Библиотека Svitk.ru. URL: http://svitk.ru/004_book_book/2b/499_kuraev-pohemu-pravoslavnie-takie.php
12. *Орлов М.О.* Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009.
13. Российские звезды просят запретить публичный забой животных на Курбан-байрам // В Москве. URL: http://www.newsmsk.com/article/19Nov2010/zaboy_zapretit.html
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о рели-

гиозных объединениях / М.О. Шахов, ин. Ксения (О.А. Чернега), В.В. Ряховский, Т.В. Вагина, А.Е. Себенцов и др.; под ред. Р.В. Маранова. М., 2011.

15. *Ильина В.* Госдума обсуждает «человеческие жертвоприношения»: ЛДПР отправит секту хлыстов и флагеллантов в резервации, чтобы не смущали народ // Islam News. URL: <http://www.islamnews.ru/news-137156.html>

16. *Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А.* Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2010.

17. *Гжегорчик А.* Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 54–64.

18. *Кляйн Н.* No Logo. Люди против брэндов. М., 2008.

19. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб., 2006.

A.N. Sergeev

Secular and Atheistic Models of the Relationship between Church and the State in the Scientific and Political Thought

The relationship between the state and religion in historical periods of the Russian state is considered. The key concepts associated with comparing models of the secular state in conceptions of various authors. The author argues the need to introduce the term “anti-religious ideocracy” for a political science conceptual apparatus to denote the corresponding model of the state and church relations.

Key words and word-combinations: secular state, secular quasi-religion, anti-religion ideocracy.

Рассматриваются государственно-церковные отношения, свойственные разным историческим периодам Российского государства. Анализируются ключевые концепты сопоставления моделей секулярного государства в трудах различных исследователей. Автор предлагает введение в понятийный политологический аппарат термина «антирелигиозная идеократия» для обозначения соответствующей модели государственно-церковных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: секулярное государство, квазирелигия, антирелигиозная идеократия.

УДК 342.4

ББК 67.400.2+67.400.4

А.Н. Сергеев

СЕКУЛЯРНАЯ И АТЕИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

В современном политико-правовом сознании утвердилось положение о необходимости отделения церкви от государства и, соответственно, о нормативно-правовом закреплении светского характера последнего. Однако на протяжении истории борьба между тенденциями секуляризма и клерикализма принимала самые разные формы, подчас крайне радикальные. Огромное значение имеет попытка теоретического постижения многообразия секулярных феноменов, поскольку уроки истории, преподнесенные прошедшим столетием, свидетельствуют о необходимости поиска мирных форм сосуществования религии и государства, не нарушающего права и свободы человека в поликонфессиональ-

ном обществе. Стремление реализации этого идеала в рамках государственно-конфессиональных отношений нашло свое выражение в концепте светского государства.

Значимость дискурса, посвященного понятию светскости и проблеме светского государства, не вызывает сомнения, однако вопрос об отделении церкви от государства не сводится только к этим феноменам. В научной литературе встречается термин «атеистическое государство» [1, с. 156–161], которое, по мнению многих исследователей, не является светским и даже противостоит идеалу светскости, поскольку последний подразумевает наличие институционально закрепленного свободомыслия и мировоззренческого самоопределения, а пропаганда атеизма в таком государстве насаждается обществом как элемент обязательной идеологии. Ставить термин «атеистическое государство» в одном классификационном ряду (взяв в качестве основания «отношение» государства, отделенного от церкви, к религии) [2] вместе с термином «светское государство» представляется не вполне корректным. В данном случае упускается из виду борьба не с религией как таковой (как формой общественного сознания, сущностью которой выступает вера в сверхъестественное), а лишь с институциональными ее проявлениями (примером такой борьбы может служить движение лаицизма) [3]. Например, запрет публичных манифестаций с религиозными призывами, которые подчас могут носить откровенно реакционный характер, способствовать разжиганию розни и от которых не застрахована ни одна религия в современный период. Но при этом отсутствует дискриминация граждан, которые придерживаются тех или иных религиозных воззрений, а также занимаются отправлением религиозного культа в кругу своих единомышленников без широкого общественного резонанса. В научной литературе также можно встретить термин «сепарационная модель», которая описывает подобную разновидность отношений церкви и государства [4, с. 107].

В сущности, такая модель секулярного государства может и не противоречить принципу свободного мировоззренческого самоопределения, но лишь тогда, когда вытеснение института религии из общественной жизни исходит не со стороны государства и имеет насильственный характер, а со стороны гражданского общества, публичной власти и имеет законодательный характер. В случае развития тенденций клерикализации общества данная модель, взятая в качестве основы для политической практики, может помешать становлению или возрождению теократии или близкой к теократии модели клерикального государства. Другое дело, что открытым остается вопрос о том, можно ли считать толерантность и стремление к мировоззренческому плюрализму также некоей идеологией, которая может насаждаться культурно-гомогенному консервативному обществу политической элитой, стремящейся к реализации либеральных идеалов светского общества, как, например, это происходило в Турции при правлении Ататюрка? И если подобное действительно имеет место, но навязано силой, то будет ли правомерно называть такое государство светским? Действительно, описанные образы секулярного государства находятся на стыке между светским государством и так называемом «атеистическим».

Характеризуя атеистическую модель взаимоотношения церкви и государства,

ряд исследователей, таких, как В.М. Сторчак [5], Д.В. Пивоваров [6] и др., используют термин «квазирелигия». Другой исследователь, И.В. Понкин, в своей обширной монографии «Правовые основы светскости государства и образования» ввел понятие «модель секулярной квазирелигии». По его мнению, можно выделить следующие существенные ее признаки:

- запрет на свободное мировоззренческое самоопределение;
- установление в качестве государственной идеологии и активное навязывание обществу общеобязательной секулярной квазирелигии;
- дискриминация верующих граждан и (или) граждан, придерживающихся убеждений, отличных от секулярной квазирелигии, установленной в качестве государственной и общеобязательной идеологии;
- значительное, вплоть до определяющего, влияние государственной секулярной квазирелигии на правовую систему;
- полный запрет (вплоть до введения уголовной ответственности) какого бы то ни было влияния религии на систему образования;
- подмена государственных органов объединениями последователей общеобязательной секулярной квазирелигии и их руководителями, размывание разделения компетенции государства и объединений последователей общеобязательной секулярной квазирелигии, вплоть до полного отсутствия такого разделения [7, с. 176]. Однако ввиду того, что уподобление идеологии религиозной вере имеет весьма поверхностный характер, а также поскольку богоборчество акцидентально квазирелигии (например, идеологии фашистской Италии и нацистской Германии не были антирелигиозными), то обозначение модели богоборческого антицерковного государства термином «государственная квазирелигия» является некорректным.

Не спасает положение прибавление к понятию квазирелигии термина «секулярная», поскольку секулярность не обязательно подразумевает принципиальную радикальность по отношению к религии и уж тем более не подразумевает систематический характер государственного террора по отношению к церкви, если речь идет о крайней степени секуляризации. К тому же если исходить из того, как понимал феномен квазирелигии Пауль Тиллих [8] (именно Тиллих ввел понятие «квазирелигия» в научно-философский оборот), то необходимо признать тавтологический характер понятия «секулярная квазирелигия», так как квазирелигия являет собой именно секулярный феномен. На наш взгляд, наиболее приемлемым термином, обозначающим государство, в котором имеется общеобязательная идеология, вступающая с религией в противоречие и стремящаяся к ее уничтожению, представляется «антирелигиозная идеократия» (от греч. *ιδέα* – идея и *κράτις* – власть). Данный термин фиксирует оба указанных сущностных момента – антирелигиозную направленность государства и наличие общеобязательной навязываемой идеологии.

Под атеистическим государством авторы обычно подразумевают СССР как практическое воплощение этой модели [6, с. 210–211]. Действительно, многие из выделяемых признаков антирелигиозной идеократии были реализованы в рамках данных государственно-церковных отношений, например наличие общеобязательной официальной антирелигиозной идеологии, репрессии против

духовенства и верующих, различные препятствия для отправления религиозного культа и т.п. Однако неверно сводить всю полноту государственно-церковных отношений в СССР к модели антирелигиозной идеократии, поскольку в различные исторические периоды некоторые из ее атрибутов либо ослаблялись, либо вообще исчезали. Так, репрессии против духовенства преобладали на заре Советского государства, но утратили свою масштабность с восстановлением патриаршества в 1943 г. Пропаганда атеизма также имела свои особенности в различные периоды. Например, в 1920-е годы она проводилась с большей силой, нежели в период перестройки. Вообще государственно-церковные отношения в СССР лавировали между двумя формами секулярных моделей: если СССР 1930-х годов полностью соответствовал модели антирелигиозной идеократии, то, к примеру, на рубеже 1970–1980-х годов он в большей степени относился к модели антиклерикального государства.

Несостоятельность сведения государственно-церковных отношений в СССР к модели атеистического государства заключается также в том, что данная модель предусматривает отделение церкви от государства. Однако в Советском Союзе церковь использовалась, например, как инструмент внешней политики, а назначение тех или иных представителей духовенства в некоторые периоды по большей мере происходило в соответствии с мнением власти в лице председателя совета по делам религий. Так, в записи беседы председателя указанного совета Г.Г. Карпова с патриархом Алексием 13 ноября 1956 г. Карпов посоветовал патриарху после возвращения митрополита Николая разработать проекты его личных обращений к главе Англиканской церкви с требованием вывода войск из Египта [9, с. 134–135], а 18 декабря 1957 г., «Карпов сказал, что в данное время нет необходимости увеличивать число епископов» [9, с. 149]. Данные факты в большей степени относятся к цезаропапистской модели клерикального государства, нежели к государству, имеющему в качестве цели уничтожение религии как таковой. В сущности, указанные обстоятельства можно рассматривать как некий цивилизационный возврат к более ранним формам государственно-церковного институционального взаимодействия, характерным для дореволюционного периода, тем более что политическая система с высокой степенью централизации исторически сопутствовала цезаропапизму. Если абстрагироваться от коммунистической риторики советского руководства, а также от коммунистической символики и идеологии, которая, по мнению некоторых авторов, была лишь ширмой для диктата партийной номенклатуры (Ю.И. Семёнов, А.Н. Тарасов), то подобная модель государственно-церковных отношений была бы вполне естественна и проявлялась бы в более значительных масштабах, что и случилось после крушения СССР.

Таким образом, исходя из приведенных соображений, можно подразделить государства с отделенным от них институтом церкви на следующие разновидности. Во-первых, государство светское, в котором при отсутствии влияния церкви на политическую систему, правовую сферу и т.д. религиозные организации не преследуются, не подвергаются дискриминации, а граждане могут исповедовать какую угодно религию, свободно выбирать себе мировоззрение. Во-вторых, государство секулярное, в котором независимо от того, осуществляются

ли гонения на верующих или нет и, возможно, отсутствует какая бы то ни было официальная идеология, идет борьба против институциональных форм религии, а также наличествует стремление политической элиты и доминирующих групп давления вытеснить церковь из общественной жизни или не допустить ее влияние на последнюю. В-третьих, атеистическое государство (или модель антирелигиозной идеократии), в котором помимо декларирования открытой враждебности религии как социальному институту ведется борьба против религии как формы общественного сознания. Однако, как уже отмечалось, модель атеистического государства не находится в одном ряду с государством светским, так как критерием разграничения сепарационной и «богоборческой» моделей является не отношение государства к церкви, а степень негативности этого отношения. Поэтому атеистическое государство является подвидом государства секулярного [10, с. 36]. Другим же подвидом секулярного государства является государство «антиклерикальное», или сепарационная модель государственно-церковных отношений.

Однако необходимо учитывать то, что реальные феномены всегда содержательно богаче описывающих их моделей, поэтому в ходе развития секулярных тенденций эти модели, реализующиеся в действительности, могут иметь преемственный или смешанный характер.

Библиографический список

1. Государственное право Российской Федерации: учебник / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1996.
2. Коробова Е.Г. Взаимоотношения государства и церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии // Библиотека юридических наук Law Theses. 2009. URL: <http://lawtheses.com/vzaimootnosheniya-gosudarstva-i-tserkvi-v-rossii-problemy-tipologii-i-periodizatsii-v-aspekte-voploscheniya-idei-teokrati>
3. Моран Г. Роль церкви и государства в установлении межконфессиональных отношений: история и современность // Межконфессиональный мир и консолидация общества: мат-лы междунар. конф. (Москва, 27–28 февр. 1997 г.). М., 1997. С. 21–38.
4. Григоренко А.Ю. Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: мат-лы междунар. конф. (Москва, 23–24 марта 1999 г.). М., 2000.
5. Сторчак В.М. Религиозные истоки и смысл большевистского мессианизма (статья первая) // Религиоведение. 2004. № 3. С. 33–47.
6. Пивоваров Д.В. Философия религии. М., 2006.
7. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003.
8. Tillich P. Christianity and the Encounter of the World Religions. London, 1963.
9. Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты: Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011.
10. Одинцов М.И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: мат-лы междунар. конф. (Москва, 23–24 марта 1999 г.). М., 2000.

**Yu.V. Gavrilkina
Non-Competitive Appointment
to Civil Service:
Conflicts in the Existing
Legislation**

The grounds for non-competitive appointment to civil service posts are analyzed. The problem of the internal conflict of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" is considered. Mechanisms to improve the legislation related to the need for the non-competitive civil service staff forming are proposed.

Key words and word-combinations: civil service, legislation, conflicts, non-competitive appointment.

Анализируются основания внеконкурсного замещения должностей государственной гражданской службы. Рассматривается проблема внутренней коллизии Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Предлагаются механизмы совершенствования законодательства, связанного с необходимостью внеконкурсного формирования кадрового состава государственной службы.

Ключевые слова и словосочетания: государственная служба, законодательство, коллизии, внеконкурсное назначение.

УДК 342:35+351.9
ББК 67.401.06+67.401.02

Ю.В. Гаврилкина

**ВНЕКОНКУРСНОЕ
НАЗНАЧЕНИЕ
НА ДОЛЖНОСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ:
КОЛЛИЗИИ
ДЕЙСТВУЮЩЕГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Действующий Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает, что по общему правилу поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы или замещение гражданским служащим другой должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса (ст. 22). Сам по себе конкурсный порядок формирования кадрового состава государственной службы не является новым для российского законодательства. Так, в ст. 7 Федерального закона от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации» указывалось, что назначение впервые или вновь поступающих на должности государственной службы 2, 3, 4 и 5-й групп категории «В» осуществляется по результатам конкурса.

Вместе с тем известным определением Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 198-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Архипова Владимира Васильевича, обжалующего существовавший в то время порядок конкурсного замещения должностей государственной службы. Заявитель просил признать не соответствующим Конституции РФ пункт 3 Положения о проведении конкурса на замещение вакант-

ной государственной должности федеральной государственной службы, утвержденном Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г № 604 (не действует). Данным нормативным актом было установлено, что конкурс в государственном органе объявляется при наличии вакантной государственной должности и отсутствии резерва государственных служащих для ее замещения. Иными словами, Федеральным законом был предусмотрен конкурсный порядок назначения на должность, а Указом Президента РФ устанавливалось исключение в отношении лиц, назначаемых из кадрового резерва.

Хотя Конституционный Суд РФ и отказал в принятии данной жалобы, однако он дал оценку действовавшим правовым нормам по существу. В частности, в названном ранее определении отмечено, что «конкурс не является единственным условием для замещения вакантных государственных должностей государственной службы. Они могут быть замещены и путем перевода государственных служащих с учетом их профессионализма и компетентности с одной государственной должности на другую, что не может расцениваться как нарушение равенства в доступе к государственной службе» [1].

Описанная ситуация позволяет поставить проблему, которая является предметом исследования в рамках данной статьи: вопрос о «неявных», то есть прямо не предусмотренных основаниях внеконкурсного замещения должностей государственной гражданской службы.

С принятием Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» роль конкурсного механизма в формировании кадрового состава государственной службы существенно изменилась. В частности, конкурс теперь является основным способом замещения должностей государственной гражданской службы, причем как для впервые поступающих на государственную службу, так и в случае переводов на иную должность. Исчерпывающий перечень исключений из этого общего правила закрепляется в ст. 22 Закона.

В первоначальной редакции данный перечень не являлся исчерпывающим: допускалось закрепление федеральным законом и иных ситуаций, в которых гражданский служащий назначался бы на должность без проведения процедуры конкурсного отбора. Однако, Комитетом Государственной Думы по делам федерации и региональной политике в числе прочего было высказано предложение ограничить возможности замещения вакантных должностей без проведения конкурса, для чего сформулировать перечень ситуаций, когда это возможно, закрытым способом, не допускающим толкования по усмотрению руководителя, назначающего на должность. Это предложение было учтено законодателем, и действующая редакция Закона не содержит традиционной оговорки «и в иных случаях, предусмотренных федеральным законом». Отчасти благодаря такому жесткому решению законодателя и возникают многие практические проблемы.

Прежде всего, это проблема внутренней коллизии самого Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Так, ряд его норм явно или неявно предполагают внеконкурсное назначение на должность гражданской службы в ситуациях, не предусмотрен-

ренных ст. 22. Согласно п. 7 ст. 27 Закона (Испытание при поступлении на гражданскую службу) при неудовлетворительном результате испытания представитель нанимателя имеет право не только расторгнуть служебный контракт с гражданским служащим по результатам испытания (как по трудовому законодательству), но и предоставить гражданскому служащему ранее замещаемую должность гражданской службы. Возникает вопрос: а как это согласуется с положениями ст. 22, которая, как уже отмечалось, закрепляет замкнутый перечень внеконкурсного назначения на должность? Другими словами, можно ли в данном случае предоставить гражданскому служащему ранее замещаемую должность без проведения процедуры конкурса?

Как представляется, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Согласно Положению о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, утвержденному Указом Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 112 конкурс обеспечивает конституционное право граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе, а также право государственных гражданских служащих на должностной рост на конкурсной основе. Одним из основополагающих принципов гражданской службы является равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к гражданской службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами гражданского служащего.

Иными словами, предоставив прежнюю должность гражданской службы без проведения конкурса представитель нанимателя нарушает право на равный доступ к государственной службе иных граждан, которые могли бы выразить желание поступить на государственную службу. Таким образом, замещение прежней должности при неудовлетворительном результате испытания должно осуществляться на конкурсной основе, если отсутствуют иные основания внеконкурсного замещения данной должности, предусмотренные ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Однако это выхолащивает смысл рассматриваемой нормы, поскольку гражданский служащий, как и любой другой гражданин, в любом случае может принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности государственной службы [2].

Далее, в ст. 25 в числе прочих оснований заключения срочного служебного контракта предусматривается, что он может заключаться для замещения временной должности гражданской службы или должности гражданской службы на период временного отсутствия гражданского служащего по соглашению сторон служебного контракта (п. 6). Эту ситуацию следует отличать от основания заключения срочного служебного контракта, предусмотренного п. 2 той же статьи – замещение должности гражданской службы на период отсутствия гражданского служащего, за которым в соответствии с законом сохраняется

должность гражданской службы. В п. 6 речь идет о возможности быстрой «переброски» гражданского служащего на другую должность, когда возникает такая необходимость и нет времени для подготовки иного лица для надлежащего исполнения должностных обязанностей. Например, если гражданский служащий ушел в отпуск, уехал в командировку.

Возникает вопрос: как быть с переведенным гражданским служащим после возвращения лица, для замещения которого заключался срочный служебный контракт? Можно ли предоставить ему ранее замещаемую должность? В отличие от ст. 72.2 Трудового кодекса РФ, которая прямо предусматривает такую возможность в аналогичной ситуации, Закон о государственной гражданской службе обошел данную проблему молчанием. В силу исчерпывающего характера перечня внеконкурсного замещения должностей следует сделать вывод, что у представителя нанимателя отсутствует законная возможность предоставить переведенному гражданскому служащему прежнюю должность без проведения конкурса. Как и следовало ожидать, в такой ситуации рассматриваемая норма на практике почти не применяется.

Можно отметить и иные проблемы. Согласно ст. 48 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в том случае, если по результатам аттестации комиссия придет к выводу, что гражданский служащий не соответствует замещаемой должности, представитель нанимателя может принять решение о направлении его для получения дополнительного профессионального образования либо о понижении в должности гражданской службы. Однако можно ли понизить гражданского служащего в должности и назначить его на нижестоящую должность гражданской службы без проведения конкурса? Статья 22 не содержит такого основания назначения на вакантную должность вне конкурса.

Подпункт б п. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», позволяющий представителю нанимателя расторгнуть служебный контракт при несоответствии гражданского служащего замещаемой должности гражданской службы вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации, может применяться только с учетом рассмотренных положений ст. 48. Это означает, что представитель нанимателя вправе освободить гражданского служащего от замещаемой должности и уволить его с гражданской службы только при отказе гражданского служащего от получения дополнительного профессионального образования или перевода на другую должность гражданской службы. Таким образом, формально юридически у представителя нанимателя имеется только одна возможность воздействовать на некомпетентного гражданского служащего – направить его на дополнительное образование.

Еще большие сложности обнаруживает субсидиарное применение трудового законодательства к регулированию служебных отношений в данной сфере. Согласно ст. 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные

правовые акты субъектов РФ, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной данным законом. Вместе с тем возникают «неявные» коллизии, связанные с применением ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», блокирующие многие институты трудового законодательства на государственной гражданской службе. Особенно сложные вопросы возникают в связи с распространением на гражданского служащего государственных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством.

Например, п. 5 ст. 33 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», как и Трудовой кодекс РФ, предусматривает такое основание прекращения служебного контракта, как перевод гражданского служащего по его просьбе или с его согласия в другой государственный орган или на государственную службу иного вида. Однако трудовым законодательством предусматривается безусловный запрет отказывать в заключении трудового договора работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы. Распространяется ли данная гарантия на гражданских служащих? Формально – да, однако она полностью нивелируется обязательностью проведения в данном случае конкурсного отбора, а основания назначения на должность без проведения конкурса в данном случае закон не содержит.

Другой пример: согласно ст. 254 ТК РФ беременным женщинам в соответствии с медицинским заключением и по их заявлению снижаются нормы выработки, нормы обслуживания либо эти женщины переводятся на другую работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе. Женщины, имеющие детей в возрасте до полутора лет, в случае невозможности выполнения прежней работы переводятся по их заявлению на другую работу с оплатой труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе до достижения ребенком возраста полутора лет.

Эти нормы, безусловно, должны распространяться и на женщин – гражданских служащих. Однако задумаемся, что произойдет после такого перевода? Должность, которую ранее занимала такая женщина, должна считаться вакантной, поскольку она была именно переведена, а не отсутствует на службе. Далее вступает в дело конкурсный механизм замещения вакантных должностей, поскольку у представителя нанимателя отсутствует возможность заключить в данном случае служебный контракт на неопределенный срок [3].

Как представляется, возможно два пути решения обозначенных проблем. Первый – казуальный – заключается в том, чтобы по методу «ad hoc» (т.е. для конкретного случая) внести соответствующие изменения в текст ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и предусмотреть все иные случаи замещения вакантной должности гражданской службы без проведения процедуры конкурсного отбора. Од-

нако можно предположить, что перечень проблемных ситуаций, рассмотренных в данной статье, является лишь иллюстративным, но не исчерпывающим. Кроме того, в связи с развитием и усложнением государственно-служебных отношений и, как следствие, расширением нормативно-правовых основ их регулирования могут возникнуть и иные коллизии, связанные с необходимостью внеконкурсного формирования кадрового состава государственной службы. В связи с этим мы считаем наиболее перспективным второй путь решения данной проблемы – предусмотреть в ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», что перечень оснований назначения на должность гражданской службы может быть расширен федеральными законами.

Библиографический список

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Архипова Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав положением пункта 7 статьи 21 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 198-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Антошина Н.М. Проблемы и перспективы реализации государственной кадровой политики в сфере государственной гражданской службы // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 4 (21).
3. Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Замещение должностей государственной гражданской службы из кадрового резерва // Кадровик: Трудовое право для кадровика. 2009. № 10.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

N.A. Luchkov, R.A. Kalugin
**Transformation of State-Patriotic
Ideology in the Post-Soviet Space**

The issue of state-patriotic ideology formation in the post-Soviet space is studied. Special attention is paid to the analysis of the socio-political environment, both in Russia and in Ukraine, associated with the need for consolidation of the society against destructive phenomena of terrorism, loss of moral guidelines and ideological bases.

Key words and word-combinations: values, education, state-patriotic ideology.

Исследуется проблема формирования государственно-патриотической идеологии на постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется анализу социально-политической обстановки как в России, так и на Украине, связанной с необходимостью консолидации общества против разрушающих явлений терроризма, утери нравственных ориентиров и идеологических основ.

Ключевые слова и словосочетания: ценности, воспитание, государственно-патриотическая идеология.

УДК 316.75:32+323.1
ББК 66.05+66.094

Н.А. Лучков, Р.А. Калугин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Изучение механизма смены государства от социалистического пути развития к капиталистическому с заменой государственной идеологии представляется возможным через обращение к категориям «ценность» и «воспитание». Методологическим «навигатором» в данном случае послужила идея А.А. Зиновьева «о таком новом для русских людей заболевании, как депрессия, одной из причин (если не главной причиной) его является лишение привычной для нас, совок, государственной идеологии. Именно лишение, ибо ее просто отменили, то есть уничтожили идеологический механизм и лишили марксистско-ленинское учение статуса обязательного для всех граждан» [1, с. 33].

Не углубляясь в детали дискуссии по поводу названных категорий, которые постоянно ведутся в научной литературе, нам

представляется важным в качестве критерия выделить понятия добра, как высшей ценности, и зла, отражающие исходные ориентации человека в окружающем мире, мире ценностей и раскрывающие человеческие поступки, выражающиеся в поведении людей. Л. Фейербах, определяя сущность человека, писал: «Совершенный человек обладает силой мышления, силой воли и силой чувства. Сила мышления есть свет познания, сила воли – энергия характера, сила чувства – любовь» [2, с. 31–32]. Доминирующей способностью, которой обладает человек от природы, является разум, однако важно и воздействие общества на человека – воспитание. Воспитывать современных молодых людей следует на трудолюбии, мужестве, благородстве жизненных целей, гуманизме, четкой нравственной гражданской позиции, формируя объективную оценку происходящих в мире событий.

Что происходит сегодня в мировом сообществе? События в Ираке, Ливии, Египте, Афганистане, Сирии, Украине свидетельствуют о попытках США и НАТО подчинить мировые ресурсы и изменить политические режимы в своих интересах. Нужно признаться в том, что им частично это удастся. Что касается стран постсоветского и постсоциалистического пространства, то здесь для США открылись новые возможности привлечь ряд стран в НАТО. Из 28 государств – членов НАТО девять из них являются бывшими социалистическими странами (Венгрия, Польша, Чехия, Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Албания, Хорватия) и три – бывшими советскими республиками, а ныне независимыми государствами (Латвия, Литва, Эстония). Процесс втягивания в НАТО государств, граничащих с Россией, продолжается, несмотря на подписанные соглашения. Вариант развития политических событий, изложенный в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы», постепенно воплощается в жизнь в том или ином виде, свидетелями чего являются граждане многих стран. Однако россияне это беспокоит больше, так как НАТО вплотную приближается к границам России.

В контексте нашего исследования важно подчеркнуть тесную связь социальных ценностей с воспитанием, которое возникает лишь при условии существования государственно-патриотической идеологии, противостоящей «растлению», в особенности молодых граждан. Можно предположить, что для более успешного развития нашего общества необходимо, помимо функционирования важнейших сфер, обратить особое внимание на формирование современного типа личности, базирующейся на государственно-патриотической идеологии. Политические режимы, равно как и политическая система общества, подвержены различным преобразованиям, и это вполне оправдано.

Умалить возрастающую роль информации и возможности информационных технологий в современном мире было бы неправомерно, но формировать у граждан Российской Федерации государственно-патриотическую идеологию в качестве некоего «фильтра» актуально, теоретически и практически значимо. В XXI в. фактически создано единое мировое информационное пространство, которое осуществляет потребление, хранение, изменение и

обмен информации между различными организациями, государствами и даже отдельными людьми. Сегодня украинские СМИ манипулируют сознанием собственных граждан на тех территориях, где заблокированы трансляции российских и других зарубежных каналов, предоставляющих фактическую информацию о происходящих событиях на юго-востоке Украины. Украинские СМИ насаждают образ врага в лице России, якобы оккупировавшего юго-восточную часть страны. Нужно признаться, что некоторая часть населения Украины искренне верит этой пропаганде, более того, они убеждены, что именно так происходит из-за действий России. Чтобы нечто подобное не происходило в нашей стране, необходимо всерьез противопоставить государственно-патриотическую идеологию разрушительным действиям «информационного оружия», которое используют некоторые государства, организации и отдельные личности. Согласно позиции А.Ф. Андреева и И.С. Белобрагина, «информационное противоборство» ведется сегодня перманентно как в условиях мирного, так и в условиях военного времени: «Консциентальная война – это воздействие на все структуры сознания без физического устранения противника по содержанию и информационная по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего его первичные цели заменяются вторичными, третичными, более низкими, приземленного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения» [3, с. 26]. Следовательно, консциентальная война – это война мировоззрений. В результате такой войны определенные типы мировоззрения просто должны перестать существовать, а носители этих мировоззрений, наоборот, могут быть сохранены, приняв ценностные установки противника, тем самым впоследствии составив с ним одно целое.

В настоящее время как никогда важно в культуре всех членов общества обеспечить приоритет ценностей, объединяющих нацию, укрепляющих общество, государство, гарантирующих безопасную жизнь человека, его права и свободы. Гарантом этого является не только верховная власть, но и важнейшие социальные институты: семья, государство, образование, армия, полиция, церковь, наука, право и т.д. «Становой хребет» в развитии любого общества составляет «идеология – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [4, с. 199]. Считаем, что представители большинства политических партий, функционирующих на территории современной России, несмотря на их различие в подходах к тем или иным проблемам развития политической системы, в данном вопросе будут солидарны. Безусловно, общество по-прежнему должно сохранить многообразие точек зрения по тем или иным проблемам, быть плюралистическим и мультикультурным. Нужно согласиться с суждением К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенным в «Немецкой идеологии» и не утратившим своей актуальности: «Там,

где прекращается спекулятивное мышление, – перед лицом действительной жизни, – там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание» [5, с. 21].

Анализ распада СССР, Югославии, «веер цветных революций» в Киргизии, Грузии и Украине наглядно свидетельствует об объективных угрозах использования в данный момент в отношении России не столько военных средств и способов, а скорее, скрытых и открытых методов экономического, информационного, политического, дипломатического воздействия, а также различных подрывных действий и вмешательства во внутренние дела других стран. Представляется, что единственно разумным фактором противостояния этим угрозам могла бы стать государственно-патриотическая идеология, которая бы консолидировала все социальные слои на защиту интересов безопасности России, воспитывая население на традиционных ценностях с учетом опыта предшествующих поколений.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в трактате «Восстание масс» (1929–1930) писал: «Всеми признано, что в Европе с некоторых пор творятся диковинные вещи. В качестве примера назову две – синдикализм и фашизм. И диковинность их отнюдь не в новизне. Страсть к обновлению в европейцах настолько неистребима, что сделала их историю самой беспокойной в мире. Следовательно, удивляет в упомянутых политических течениях не то, что в них нового, а знак качества этой новизны, доселе невиданный. Под маркой синдикализма и фашизма впервые возникает в Европе тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю. Вот что вновь – право не быть правым, право произвола. Я считаю это самым наглядным проявлением новой жизнедеятельности масс, исполненной решимости управлять обществом при полной к тому неспособности» [6, с. 324].

Все изложенное свидетельствует о возвышении культа безличности, двойных стандартов, терроризме. К сожалению, терроризм XXI в. представляется не только как угроза для человечества, но и как средство захвата власти в многонациональных государствах при поддержке правящей элиты США. Сегодня в мире, на наш взгляд, произошло слияние глобальной гегемонии капитала с терроризмом. Анализ событий 2000–2014 гг. показывает определенную закономерность: чем больше нищета и угнетение в странах «третьего мира», тем выше уровень насилия различными субъектами глобальной гегемонии капитала (МБРР, ТНК, МВФ и т.д.), а вместе с ним и власть теневого бизнеса. США во многих странах мира применяют массовое насилие, государственный терроризм, локальные войны (Ирак, Сирия, Ливия, Украина и др.). Современный терроризм динамичен и многолик, постоянно меняет содержание и форму, а равно и «географию распространения» на планете Земля. Также трансформировалась идеология неонацизма. Справедливо утверждение о том, что история развития общества представляет собой «раскручивающуюся спираль», и события настоящего времени – очередная попытка захвата власти и управления миром из одного центра – США.

Как известно, убеждение представляет осознанную потребность личности, побуждающую ее к действию в соответствии со своими ценностными ориентациями. Побудительность убеждений определяется содержанием и характером потребностей индивида, то есть наличием определенной нужды в чем-либо, напряжением, неудовлетворенностью и стремлением устранить их конкретной деятельностью и достичь желаемого. В свою очередь, осознанные убеждения проявляются как интересы личности. Если определить место убеждений в целенаправленном психологическом процессе личности, то в начале будут потребности, затем убеждения, потом интересы. Все они выступают побудителями к действию, пронизаны определенным значением, ценностными ориентациями. Например, чувство патриотизма формируется в качестве убеждения и элемента мировоззрения у личности преимущественно на основе воздействия не только политического плюрализма, но и практической деятельности средств массовой информации, а точнее, многое зависит от ценностных ориентиров конкретных работников, представляющих «четвертую власть».

Президент России В.В. Путин в ходе «Прямой линии» 17 апреля 2014 г. заявил, что патриотизм – неотъемлемая суть российского народа: «Смотрите, как события в Крыму и Севастополе всколыхнули общество. Оказалось, что патриотизм где-то глубоко у нас сидит. Хорошо, что вас, журналистов, это задевает. Нужно ли закон принять – это движение в абсолютно правильном направлении, но нужно ли усилить с точки зрения нормативно-правовой базы – сейчас не готов ответить. Чрезвычайно важная вещь – создать условия для воспитания ребенка, поставить его на ноги. Еще раз посмотрим на это с точки зрения возможности материального обеспечения. В Крыму мы тоже намерены создать учебные подразделения, в том числе и кадетские» [7]. Кроме того, глава государства сообщил, что воспитан в абсолютной преданности народу и государству: «Вы знаете, что мое первое место работы было КГБ СССР, внешняя разведка, нас там воспитывали определенным образом. Это воспитание заключалось в абсолютной преданности своему народу, своей стране» [7].

Считаем, что программа развития народа, порождаемого им общества, государства, индивида заключается в идее достойной жизни. Как полагает В.В. Ильин, «смысл бытия нации выражается не внешними, а внутренними ценностями, совпадающими с доподлинно ключевыми, фундаментальными началами, такими, как Земля, Страна, Люди. Изначально близкие сердцу идейные образы почвы, домена – суть естественные кариатиды, подпирающие своды арки, именуемой национальным существованием. Облагораживание собственного жизненного пространства, вершение собственной истории, продление своего рода, возделывание своей среды обитания, чувство Родины, соплеменников, сознание самобытности, наличие субъективности, способности к внятному целеполаганию, органичному развитию, поступи, действию – не это ли остов, план, горизонт, вождение и сверхцель национально-народной жизни?!» [8, с. 339]. Таким образом, современный этап развития российского социума, на наш взгляд, немислим без государственно-патриотической идео-

логии, которая выступает специфическим «духовным компасом» противостоящим беспорядкам, хаосу, разобщенности многонационального народа Российской Федерации, что во многом способствует жизнестойкости нации, ее консолидации на базе богатейшей российской культуры, традиционных ценностях, воспитанию граждан, адекватному реагированию на внутренние и внешние террористические угрозы, формированию геополитической устойчивости России в современном мире.

Необходимым условием противодействия угрозам общества должно стать его объединение против разрушающих нас и извне, и изнутри таких явлений, как: терроризм, наркомания, алкоголизм, хамство, вседозволенность, беспредел в отношении добропорядочных граждан. Проблемой нравственного воспитания нужно заниматься не только в семье и школе, но и в других социальных институтах. Юридические законы прописаны на бумаге, но не всегда эффективно действуют, без серьезной опоры на неписанные законы нравственности. Борьба с коррупцией в современном российском обществе будет безуспешной без должной опоры на высоконравственные личности современной молодежи, воспитанные на ценностных ориентациях, закрепленных в рамках государственно-патриотической идеологии. Процессы модернизации и демократизации будут успешными только в том случае, когда эта работа обретет осмысленный характер в масштабах государства. К сожалению после развала СССР наблюдается процесс социальной деградации в отдельных субъектах нашей страны. К. Поппер писал: «Мы никогда не имеем достаточных оснований для веры в то, что мы достигли истины... Пользуясь языком Платона и Аристотеля, можно сказать, что мы добились в науке лишь “мнения”... Больше того, это значит, что в науке (исключая, разумеется чистую математику и логику) мы не имеем доказательств» [9, с. 226].

Некоторые молодые люди достаточно индифферентны к различным социальным событиям, происходящим в России и за рубежом. Психологией конформизма «заражена» некоторая часть населения нашей страны (особенно молодое поколение), постепенно утрачивающая существующие ценности. Данная позиция неприемлема для развития современного российского общества. Мы согласны с Э. Тоффлером, что «в культуре, где стандарты ранее были четко определены и выстроены в иерархию, закручивается водоворот идей, образов и символов, и каждый может выбрать себе элементы, из которых строить собственный коллаж или мозаику. Существующие ценности ставятся под сомнение или просто не замечаются» [10, с. 52].

Ценности должны применяться во всех сферах жизнедеятельности российского социума, успешно функционируя в рамках целостной системы: семья – школа – вуз, младшие – старшие, молодые – зрелые, базирующейся на взаимоуважении. Эти Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «В наши дни государство стало чудовищной машиной невысказанных возможностей, которая действует фантастически точно и оперативно. Это средоточие общества, и достаточно нажатия кнопки, чтобы гигантские рычаги молниеносно обработали каждую пядь социального тела. Современное государство – самый

явный и наглядный продукт цивилизации. И отношение к нему массового человека проливает свет на многое. Он гордится государством и знает, что именно оно гарантирует ему жизнь, но не сознает, что это творение человеческих рук, что оно создано определенными людьми и держится на определенных человеческих ценностях, которые сегодня есть, а завтра могут улетучиться. С другой стороны, массовый человек видит в государстве безликую силу, а поскольку и себя ощущает безликим, то считает его своим. И если в жизни страны возникнут какие-либо трудности, конфликты, проблемы, массовый человек постарается, чтобы власти немедленно вмешались и взяли заботу, на себя, употребив на это все свои безотказные и неограниченные средства» [7, с. 344]. Мы солидарны с Л.Н. Гумилевым, который отмечал следующее: «Взаимоотношения России и Украины... сводятся к взаимосвязи двух культур, точнее двух “индивидуаций” русской культуры. Причем, если “нижний этаж” каждого “краевого варианта” культуры национален, то именно в “верхнем этаже” русская культура достигает своего единства. Термины “нижний” и “верхний” этажи культуры находят пояснения у самого Н.С. Трубецкого. Не неся элемента оценки, эти понятия у автора означают лишь две функции культуры, в значительной мере противопоставленные друг другу. “Обращенный к народным корням” нижний этаж и “обращенный к высшей духовной и умственной жизни” верхний формируют многофункциональную культуру. При этом каких-либо барьеров между “этажами” культуры не существует» [11, с. 55–56].

Таким образом, государственно-патриотическая идеология, ценности, воспитание людей могут стать надежным ориентиром модернизации всех сфер жизни в вопросах «пробуждения от спячки» и ожидания построения великой и процветающей страны, живущей в мире и согласии со всеми цивилизованными народами.

Библиографический список

1. *Зиновьев А.А.* Русская трагедия: Гибель утопии. М., 2002.
2. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2.
3. *Андреев А.Ф., Белобрагин И.С.* Информационное противоборство и безопасность государства // Вестник Академии военных наук. 2006. № 4 (17).
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения: в 9 т. М., 1985. Т. 2.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика: Философия культуры. М., 1991.
7. Онлайн-трансляция «Прямой линии с Владимиром Путиным». URL: <http://www.rg.ru/2014/04/17/patriotizm-anons.html>
8. *Ильин В.В.* Политология: учебник для вузов. М., 1999.
9. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
10. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться: Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005.
11. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб., 2009.

A.N. Nurmukhamedov
**Constitution and Civil Society:
Gaining the Optimal Balance
of Interests in the Republic
of Uzbekistan**

The role, significance and the targets of the Constitution in the life of modern society are studied. Various aspects of the correlation between civil society and the constitution are highlighted. The role of the Principle Document in guaranteeing the balance of interests by the example of the Republic of Uzbekistan is analyzed. Further development and efficiency improvement of the constitutional legislature as the normative basis of the state and social life is considered.

Key words and word-combinations:
Constitution, Uzbekistan, civil society, balance of interests.

Исследуется место, значение и задачи Конституции в жизни современного общества. Выделяются различные аспекты взаимосвязи гражданского общества и Конституции государства. Анализируется роль Основного Закона в обеспечении баланса интересов на примере Республики Узбекистан. Рассматривается дальнейшее совершенствование и повышение эффективности конституционного законодательства как нормативной основы общественной и государственной жизни.

Ключевые слова и словосочетания: Конституция, Узбекистан, гражданское общество, баланс интересов.

УДК 342(4/9)
ББК 67.400.2(4/8)

А.Н. Нурмухамедов

КОНСТИТУЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ДОСТИЖЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

С первых дней независимости Республика Узбекистан поставила перед собой цель войти в число развитых демократических государств, обеспечивающих гражданам достойные условия жизни, а также занять достойное место в мировом сообществе. При этом страна избрала собственную модель развития – реформы, базирующиеся на таких принципах, как обеспечение верховенства закона, а также поэтапность и постепенность реформ.

Одной из приоритетных задач руководства Республики Узбекистан в этом направлении стало развитие институтов гражданского общества, выступающих защитниками прав и свобод различных слоев населения, тем самым поддерживая оптимальный баланс интересов в социуме, а особая роль в данном процессе отведена Основному Закону – Конституции Республики Узбекистан. В соответствии с ней народ является единственным источником государственной власти, а государство, выражая волю народа, служит его интересам.

В конституциях большинства демократических государств не содержится норм о гражданском обществе. Но отсутствие в них этого собирательного понятия вовсе не означает, что отношения, складывающиеся при функционировании гражданского общества, не могут быть предметом конституционно-правового регулирования.

В структуру гражданского общества входят различные общественные объединения, в том числе партии, негосударственные институты собственности, труда, предпринимательства, воспитания, образования, культуры, средств массовой информации, семья и т.п. Негосударственный характер этих институтов означает, что они а) представляют собой в основном сферу частных интересов людей; б) основаны на горизонтальных связях, предполагающих юридическое равенство и договорные начала во взаимодействии формально независимых друг от друга людей; в) действуют на основе принципов свободы, самоуправления и координации.

Степень и характер правового регулирования этих отношений существенно отличаются от отношений в сфере государственного устройства. Если для системы государственных органов право является единственным нормативным регулятором, определяющим порядок их формирования и деятельности, то в регулировании организации и деятельности институтов гражданского общества право далеко не единственный, а порой и не основной источник.

Поскольку и государственные институты, и институты гражданского общества составляют единый организм, то есть совокупность исторически сложившейся на определенной территории формы деятельности людей, то отношения в гражданском обществе не могут быть полностью освобождены от правового регулирования. Данные институты не способны действовать изолированно друг от друга, и государство как организация политической власти всего общества в общих интересах должно направлять и координировать деятельность всех негосударственных социальных структур. В зависимости от степени и методов такого управления со стороны государства можно судить о характере сложившегося в обществе политического режима (демократического, либерального, авторитарного, тоталитарного, и т.д.).

Формирование зрелого гражданского общества является основным назначением коренной конституционной реформы, осуществляемой в ряде стран. Гражданское общество с известной условностью можно рассматривать как социальное пространство, в котором и реализуется конституционный строй. Именно в Конституции должны опосредоваться связи между личностью и государством в сфере таких отношений и институтов, которые по своему происхождению и социальной природе не являются политическими, публично-властными, не выступают производными от государства; именно в этих отношениях и институтах находят воплощение и с их помощью осуществляются права, свободы, обязанности личности.

Так, гражданское общество представляет собой необходимый и рациональный способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии. Отсутствие гражданского общества исключает демократический порядок экономической и политической жизни. В условиях гражданского общества создается реальная возможность для самореализации личности и групп и тем самым устанавливается оптимальная мера вовлеченности в экономический, социальный и духовный процесс. В рамках гражданского общества воплощается большая часть прав и свобод человека, поэтому его отношения и институты в современных государствах пользуются поддержкой и защитой закона.

Учитывая изложенное, можно выделить следующие аспекты взаимосвязи гражданского общества и Конституции: создание развитых правовых отношений институтов гражданского общества и государства; определение и нормативное закрепление обязанности государства служить интересам человека и

общества; обеспечение высокого правового статуса членов и институтов гражданского общества; содействие структурированию общества в развитое, упорядоченное, культурное, то есть гражданское.

Формируют гражданское общество три начала: коллектив, индивид, власть, что созвучно Конституции, построенной на взаимодействии трех уровней: личность – гражданское общество – государство. Гражданское общество, таким образом, является микромоделью срединной части всей конституционной конструкции, повторяющей взаимодействие трех уровней. В Конституции Республики Узбекистан учтены все аспекты гражданского общества: социально-экономические отношения и институты, организация и деятельность общественных объединений, политических партий и т.п. Перечень этот не является исчерпывающим, но включает в себя наиболее значимые сферы жизнедеятельности гражданского общества.

Кроме того, одной из особенностей гражданского общества является его динамика, непрерывное движение. Конституция призвана обеспечивать эту динамику, почти по Руссо – как движение к гражданственности, разумности и цивилизованности, что в нашем случае означает формирование развитой личности, совершенных гражданских отношений, рациональной цивилизованной власти. Концепция гражданского общества из философской превращается в политико-правовую и даже прикладную. Конституция изначально задумывалась как документ баланса и равновесия на разных уровнях, включая указанные.

Осуществленная после обретения независимости, конституционно-правовая реформа в Узбекистане не только учла опыт развитых стран, но и способствовала проведению серьезных преобразований, имеющих большое значение для современности и будущего Узбекистана. Принятие Конституции создало правовой фундамент для эволюционной либерализации и демократизации общественной жизни страны, положило начало формированию основ правового государства.

Конституция Узбекистана ввела эффективные ограничения полномочий органов государственной власти, возложила на них обязательства по обеспечению и охране прав и свобод личности. Прямым следствием ее действия стало создание конституционного строя, когда реальные общественные отношения стали приводиться в соответствие с конституционными принципами и нормами.

В Узбекистане в политико-правовом контексте Конституция стала рассматриваться в качестве юридического, узаконенного баланса интересов всех социальных слоев общества, которые обуславливают волю народа, лежащую в ее основе. Но Конституция не ограничивается фиксацией уже достигнутого, она содержит еще и программу, направленную в будущее. Программные положения Конституции имеют важное значение, поскольку определяют цели и указывают на ценности, служащие правовым ориентиром в развитии государства, определяют параметры дальнейшего продвижения вперед общества, ставящего перед собой все новые цели и требования. Поэтому в главном документе страны мы видим тот правовой идеал, к которому должны стремиться, который должны воплотить в реальные жизненные отношения – развитое гражданское общество, правовое государство.

Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов справедливо отмечает, что обеспечение верховенства закона, усиление охраны прав и интересов личности, семьи, общества и государства, повышение правовой культуры и правосознания населения, воспитание законопослушных граждан – не только цель, но и сред-

ство, важнейшее условие построения подлинно демократического, правового государства и гражданского общества с развитой рыночной экономикой [1].

Текущий этап конституционно-правовых преобразований во многом связан с поиском наиболее эффективного варианта конституционной модели организации и деятельности институтов государственной власти и их согласованного функционирования и взаимодействия в рамках единой конституционной системы. Так, коренным образом изменилась система взаимосвязей и полномочий Президента, парламента и правительства. Осуществленные изменения и дополнения Конституции характеризовались эволюционным и в то же время серьезным совершенствованием конституционных институтов, вызванных социально-экономическими и политическими изменениями, модернизацией страны.

Кроме того, Основной Закон является актом учредительным, закрепляющим наиболее фундаментальные устои общества и государства, его исходные принципы и институты. Конституция учреждает территориальные, организационные формы власти, очерчивает основы правового положения, определяет место страны в мире. Например, в Конституции Республики Узбекистан это находит свое непосредственное выражение как на территориальном, так и на функционально-компетенционном уровне:

– в ст. 11 Конституции Республики Узбекистан закреплено, что система государственной власти основывается на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную;

– представительными органами власти в области, районах и городах являются Кенгаши народных депутатов, возглавляемые хокимами, которые, исходя из интересов государства и граждан, решают вопросы, отнесенные к их компетенции (ст. 99 Конституции Республики Узбекистан);

– в ст. 105 устанавливается, что «органами самоуправления граждан в поселках, кишлаках и аулах, а также в махаллях городов, поселков, кишлаков и аулов являются сходы граждан...» [2].

В законодательстве есть множество актов, более объемных, чем Конституция, однако ни один из них не имеет такого масштабного предмета регулирования, как Основной Закон. Отношения, учреждаемые названными актами, производны от отношений, учреждаемых Конституцией, поэтому Конституцию еще можно охарактеризовать как первичный учредительный акт.

Конституция не только учреждает общественные и государственные институты, но и регулирует их текущую деятельность с помощью закрепления прав, свобод, обязанностей, полномочий, запретов. Конституция обеспечивает как положительное, так и охранительное регулирование. В этой части она действует, как и другие нормативные правовые акты. Необычность регулятивной функции Конституции, в отличие от регулирующего действия иных актов, проявляется лишь в самом предмете регулирования: отношениях по отправлению верховной государственной власти, ограничению государственной власти и обеспечению статуса индивидов в обществе. Основной Закон имеет и ярко выраженное духовно-мировоззренческое назначение. Закрепляя общественно-государственное устройство, место в нем человека, Конституция зримо отражает определенное мировоззрение, делает тот или иной идеологический выбор.

Конституция призвана обеспечивать устойчивость и баланс в обществе, сопря-

гать воедино разные поколения, десятилетия, даже столетия. Конституция, пережившая несколько людских поколений, начинает восприниматься людьми как часть среды, которую им не дано менять и которая ценна сама по себе, а не как прикладное средство решения очередных политических задач. Конституция не может не решать проблему соотношения в обществе традиций и модернизации, культурно-исторической преемственности и введения в социально-экономическую, политическую, духовную жизнь общества новых элементов, ценностей иных народов, культур, что делает конституционный процесс внутренне противоречивым. Следовательно, необходим поиск путей, позволяющих обеспечить одновременно и историческое затверждение конституционного материала, и его непрерывное соответствие вечно изменяющейся общественно-политической практике.

Традиции и модернизация, как обеспечиваемые правом ценности, разводят Конституцию и текущее законодательство. Конституция должна быть направлена по преимуществу на сохранение сложившихся устоев общества, а обычное законодательство, наоборот, важно и нужно нацеливать на обеспечение необходимых изменений в допускаемых Конституцией пределах.

Можно отметить и такую функцию Конституции в обществе, как стратегическое целеполагание. Так, она закрепляет цели развития государства, всего общества, ориентирует национальное право, стимулирует совершенствование законодательства, направляя последнее на детализацию собственного содержания применительно к конкретным общественным условиям. В Узбекистане в целях повышения правового сознания и культуры молодежи, обеспечения необходимых условий для глубокого изучения норм и положений Конституции Республики Узбекистан гражданами правительство страны в 2003 г. постановило издать текст Конституции Республики Узбекистан с учетом поправок и дополнений, внесенных в Основной Закон на XI сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва, общим тиражом 250 тыс. экземпляров (200 тыс. – на узбекском, 50 тыс. – на русском языках). Бесплатными изданиями Конституции Республики Узбекистан обеспечены библиотеки учебных заведений Министерства народного образования, Министерства высшего и среднего специального образования, публичные библиотеки Министерства по делам культуры и Республиканского совета профсоюзов [3].

Таким образом, Конституция – это особым образом выраженный план творческой деятельности всех управомоченных субъектов, основа систематизации национального права, предопределяющая его структуру. Конституция содержит правовые стандарты, эталоны, обязательные для законодателя, правоприменителей, иных субъектов права. Конституция является своеобразным инструментом, с помощью которого выявляются и разрешаются внутриправовые противоречия, а значит, усиливается системность права.

Дальнейшее совершенствование конституционного законодательства как нормативной основы общественной и государственной жизни видится в его постоянном обновлении, своевременном принятии новых законов по его реализации, внесении в действующие нормативные акты необходимых изменений, дополнений и уточнений. Конституция, являясь мощным практическим средством регулятивного воздействия на общественные отношения, поведение людей, деятельность объединений, должна и далее быть юридическим ресурсом и инструментом поддержания баланса происходящих демократических преобразований в обществе.

Библиографический список

1. Каримов И.А. Справедливость – в приоритете закона: доклад на VI сессии Олий Мажлиса второго созыва, 29 августа 2001 г. // Веб-сайт пресс-службы Президента Республики Узбекистан. URL: www.press-service.uz
2. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2012.
3. Об обеспечении библиотек учебных заведений и публичных библиотек новым изданием Конституции Республики Узбекистан: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 5 авг. 2003 г. URL: www.lex.uz

T.R. Aliev
Prospects of Application of House Arrest in the Criminal Law of Azerbaijan: the Experience of the Russian Legal System

Application of preventive measures in the form of house arrest as a novelty of modern criminal procedure legislation of Azerbaijan and Russia, which should provide additional safeguards for the rights and legitimate interests of citizens in the criminal justice system is analyzed. The problems and prospects of the development of the preventive measure of house arrest are considered. Certain amendments to the criminal procedure legislation of Azerbaijan and the Russian Federation are proposed.

Key words and word-combinations: house arrest, preventive measure, the Criminal Procedure Code of Azerbaijan, the court.

Анализируется применение меры пресечения в виде домашнего ареста, являющейся новеллой современного уголовно-процессуального законодательства Азербайджана и России и дающей дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов граждан на стадии уголовного судопроизводства. Рассматриваются проблемы, перспективы и развитие меры пресечения «домашний арест». Автором предлагаются поправки в уголовно-процессуальное законодательство Азербайджана и Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: домашний арест, мера пресечения, УПК Азербайджана, суд.

УДК 343.13+34(4/9)
ББК 67.410.20+67.99

Т.Р. Алиев

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРИМЕНЕНИЯ
ДОМАШНЕГО АРЕСТА
В УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
АЗЕРБАЙДЖАНА:
ОПЫТ РОССИЙСКОЙ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ**

Домашний арест как мера пресечения существовал в России еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. УПК РСФСР 1923 г. также предусматривал домашний арест, который тогда достаточно широко применялся. Однако из УПК РСФСР 1960 г. данная мера пресечения была исключена. В 2002 г. ее вновь закрепила 107 ст. УПК РФ [1, с. 8–10]. Норма о применении домашнего ареста в качестве меры пресечения вступила в действие с 1 июля 2002 г. Законодательство засчитывает время домашнего ареста в срок содержания под стражей.

Основное ограничение, связанное с применением данной меры пресечения, заключается в том, что обвиняемый и подозреваем-

мый не свободен в передвижении, то есть не вправе покидать место своего постоянного или временного проживания (квартиру, дом, дачу и т.д.). Ограничения по запрету общаться с определенным кругом лиц, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи являются сопутствующими. Они могут применяться в отношении лица, которому избрана эта мера пресечения, а могут и не применяться. Возможность применения домашнего ареста предусмотрена, когда полная изоляция лица не вызывается необходимостью, а также с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других заслуживающих внимания обстоятельств.

В.И. Сергеев предлагает следующее определение: «Домашний арест заключается в установленном законом ограничении свободы передвижения подозреваемого (обвиняемого) в период его нахождения в индивидуальном жилом доме с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, т.е. в запрете ему покидать свое домовладение без разрешения лица, производящего расследование» [2, с. 224].

Домашний арест в УПК Азербайджана, с нашей точки зрения, не совсем актуален, что вызывает недовольство среди юридической общественности республики, а также населения. Самый же распространенный вид меры пресечения в Азербайджане – арест.

Согласно данным мониторинга Комитета юристов по правам человека Азербайджана, для применения меры пресечения в виде ареста из прокуратуры в районные (городские) и военные суды городов и районов, в которых проводились мониторинги, поступило 812 представлений, из которых 806 были удовлетворены, а шесть – заменены другими мерами пресечения. Интересен тот факт, что за отчетный период неудовлетворенных представлений нет.

Поступили жалобы по восьми принятым решениям, из которых только одна была удовлетворена. Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, в отношении лица, обвиняемого в преступлении, санкция по которому предусматривает лишение свободы сроком свыше двух лет, мера пресечения в виде ареста применяется в случае, если есть основание считать, что указанное лицо скрывается от органа, осуществляющего уголовный процесс, скрывает и фальсифицирует доказательства, оказывает незаконное воздействие на участников уголовного процесса, совершит повторное преступление и создаст угрозу для общества.

При вынесении приговора орган следствия или суд должны учесть тяжесть, условия совершения и характер деяния, а также личность, возраст, здоровье, семейное, материальное и социальное положение лица, нахождение на его попечении других лиц и наличие места постоянного жительства, совершение преступлений до этого и другие важные обстоятельства.

До принятия нового Уголовного кодекса полномочия на выдачу санкции об аресте принадлежали прокуратуре. В решениях Евросуда по правам человека отмечено, что веское подозрение на совершение преступления лицом является обязательным условием для его ареста. Вместе с тем такого типа подозрения недостаточно для длительного содержания лица под арестом.

Для продолжения пребывания лица под арестом наряду с вескими подозрениями должны существовать и другие основания. К таким основаниям можно отнести возможность скрыться от судебных органов, уничтожить доказатель-

ства или создать препятствия для их получения, а также возможность совершить новое преступление. Данные основания должны быть реальными и подтверждаться достоверной информацией. При продлении меры пресечения в виде ареста суды в своих решениях должны указывать причину и подтверждающие данное решение доказательства.

Из 812 представлений стороны обвинения о применении меры пресечения в виде ареста 60 касаются преступлений, не представляющих большой общественной опасности, 535 – менее тяжких, 193 – тяжких, а 24 – особо тяжких преступлений, как указано в отчете Комитета юристов по правам человека Азербайджана [3].

В Российской Федерации домашний арест как мера пресечения более распространен и актуален, чем в Азербайджане. Сравним основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции в России за первое полугодие 2013 г. с аналогичными показателями за первое полугодие 2012 г. (табл. 1) [4].

Таблица 1

**Применение домашнего ареста В Российской Федерации
в первом полугодии 2013 года**

Судебные инстанции	Условия применения	2013 г.	Для сравнения: 2012 г.
I инстанция	Применение домашнего ареста судом (замена иной меры пресечения на домашний арест)	2683	1731
Апелляционная инстанция на судебные постановления, вынесенные федеральными судами (заполняют областные и равные им суды, окружные (флотские) военные суды, Верховный Суд РФ)	Замена меры пресечения на домашний арест при пересмотре судебных постановлений по ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей (об удовлетворении и об отказе в удовлетворении)	122	34
Итого:		2805	1765

Следовательно, можно сделать вывод, что с каждым годом в России применение такой меры пресечения, как домашний арест, растет.

По словам судьи Верховного суда Азербайджана М. Агазаде, после передачи полномочий на применение меры пресечения в виде ареста судам количество решений о применении ареста не сократилось. При вынесении приговора в связи с мерой пресечения суды должны быть независимы [5]. Преобладание в решениях судей применения ареста судья Верховного суда связывает с безответственностью судей: «При применении меры пресечения в виде ареста судья должен обосновать свое решение. Для этого судья должен провести исследование и глубоко изучить уголовное дело, но многие наши судьи этого не делают. Суды принимают решения об аресте в случаях, когда в этом нет необходимости» [3]. Судья Верховного суда отметил: «Избрание ареста облегчает работу следствия. При избрании других мер пресечения в работе следствия возникают некоторые проблемы, но и это не является поводом для применения ареста.

Арестованные лица пребывают в страхе, и от них можно получить любое показание. На практике существуют подобные факты» [3].

В связи с данной проблемой в июне 2013 г. от имени председателя Верховного суда во все апелляционные суды направлены письма, в которых судьям рекомендуется быть внимательными при принятии решений об аресте.

Уголовно-процессуальным законодательством Азербайджана помимо домашнего ареста определены такие меры пресечения, как залог, обязательство о невыезде, личное поручительство, поручительство предприятия, сдача под контроль полиции, сдача под контроль, сдача под наблюдение командования, а также отстранение от должности, но эти меры не пользуются признанием.

В представлениях об аресте прокуратура в основном ссылается на предположения и гипотезы, а судьи в свою очередь, как нотариальная контора, подтверждают представления. При применении меры пресечения в виде ареста нарушается равенство сторон, не учитываются доводы защиты. По мнению многих адвокатов, арест в большинстве случаев применяется как средство давления на обвиняемого. Применение и предпочтении указанной меры пресечения со стороны судей является ошибочным. Как утверждает Ю.И. Стецовский, вряд ли следует считать правильным применение ареста лишь потому, что он почти полностью исключает побег обвиняемого, совершение им преступления и устраняет препятствия для установления истины. Требуется более широкое понятие оптимальности мер принуждения, которое включает не только достижение их целей, но и безусловную потребность в избрании именно ареста. По его мнению, опыт подтверждает весьма высокий потенциал мер пресечения, не связанных с лишением свободы. Как правило, они обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого и в то же время гораздо меньше, чем арест, ограничивают право человека располагать собой и ущемляют другие его блага [6, с. 173].

В связи с этим многие эксперты пришли к выводу о необходимости вести статистику, проводить анализ меры пресечения в виде ареста и устранять причины, создающие подобную ситуацию [3].

Министром внутренних дел Азербайджана утвержден приказ Q48-001-12, содержащий инструкцию по применению Правил ограничения свободы в виде домашнего ареста и осуществления надзора со стороны полиции [7]. Согласно инструкции в течение 24 часов после принятия решения об установлении полицейского надзора над подозреваемым лицом это решение должно быть зарегистрировано с обязательным уведомлением органов прокуратуры. Находящееся под надзором полиции лицо должно один раз в 24 часа регистрироваться в специальном журнале. Ограничение свободы перемещения в виде домашнего ареста применяется только по решению суда. Находящемуся под домашним арестом лицу запрещается покидать жилье, пользоваться телефоном, почтой и иными средствами связи, принимать у себя любых лиц.

УПК РФ по сравнению с УПК Азербайджана более полно учитывает интересы как стороны обвинения, так и стороны защиты при вынесении решения об избрании домашнего ареста [8, с. 86–90]. Согласно УПК Азербайджанской Республики, следователь или прокурор, осуществляющие процессуальное руководство предварительным расследованием, могут отменить применение избран-

ной судом меры пресечения в виде домашнего ареста в случаях невозможности содержания обвиняемого под домашним арестом в связи с тяжелой болезнью, при наличии медицинского заключения о необходимости госпитализации либо при переквалификации деяния, инкриминируемого обвиняемому, на другие, не представляющие большой общественной опасности [9].

Наделение следователя и прокурора такими полномочиями обосновано, и этот опыт необходимо привнести в российское уголовно-процессуальное законодательство, в частности в ст. 110 («Отмена или изменение меры пресечения») УПК РФ. Например, если обвиняемый, находящийся под домашним арестом, заболел тяжелой болезнью, которая требует госпитализации и поэтому препятствует исполнению домашнего ареста и установленных в связи с ним ограничений, необходимость изменения меры пресечения совершенно очевидна и не требует специальной проверки судом, тем более что суд, решая вопрос о применении как домашнего ареста, так и заключения под стражу, должен в первую очередь заботиться о строгом соблюдении прав граждан. Право улучшить положение обвиняемого (подозреваемого) при наличии оснований для отмены меры пресечения целесообразнее закрепить за лицом или органом, осуществляющим уголовное судопроизводство, в зависимости от того, на каком этапе находится уголовное дело.

Уголовно-процессуальные кодексы РФ и Азербайджанской Республики предусматривают общие процедуры в части применения рассматриваемой меры, но в то же время имеют различия (табл. 2).

Таблица 2

**Специфика процедур применения домашнего ареста
по уголовно-процессуальным кодексам Азербайджана и России**

Процедуры	УПК Азербайджанской Республики	УПК РФ
Порядок избрания домашнего ареста	Аналогичен порядку ареста	Аналогичен порядку заключения под стражу
Органы и должностные лица, имеющие право на применение домашнего ареста	Исключительно по решению суда	Исключительно по решению суда
Повод для избрания домашнего ареста	Применяется исключительно по ходатайству стороны защиты о замене постановления об избрании ареста на домашний арест	Применяется по ходатайству как стороны защиты, так и стороны обвинения
Обязательное участие уголовного судопроизводства в судебном заседании при избрании меры пресечения	Только подозреваемый или обвиняемый (и защитник, если он участвует в уголовном деле)	Только подозреваемый или обвиняемый (и защитник, если он участвует в уголовном деле)
Органы и должностные лица, имеющие право на рассмотрение жалоб и представлений о применении домашнего ареста	В вышестоящий суд в апелляционном порядке	В вышестоящий суд в кассационном порядке
Органы и должностные лица, имеющие право на отмену или изменение домашнего ареста	Следователь, прокурор, суд	Только суд

Окончание табл. 2

Процедуры	УПК Азербайджанской Республики	УПК РФ
Перечень запретов и ограничительных мер	1. Общаться с определенными лицами 2. Запрет на почтовую корреспонденцию 3. Ведение телефонных переговоров и использование других средств связи 4. Запрет полностью или в определенное время выходить из жилища	1. Общаться с определенными лицами 2. Получать и отправлять корреспонденцию 3. Ведение переговоров с использованием любых средств связи 4. Ограничения, связанные со свободой передвижения

На основе анализа и изучения УПК РФ, необходимо, по нашему мнению, внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство Азербайджана и решить следующие задачи:

- 1) четко прописать срок содержания под домашним арестом;
- 2) определить компетенции конкретного органа, который будет вести контроль за нахождением обвиняемого или подозреваемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста;
- 3) определить перечень технических средств и порядок их применения;
- 4) провести круглые столы, конференции по данному вопросу среди ведущих юристов и, конечно, судей всех категорий для актуализации и развития данного вида меры пресечения;
- 5) чаще направлять в судебные органы, в органы прокуратуры, в правоохранительные органы рекомендательные письма по применению такой меры пресечения, как домашний арест, и других мер пресечения, например залог, подписка о невыезде и т.д.;

6) вести статистические данные о применении мер пресечения, также порекомендовать судебным органам, составить ежегодную таблицу «Основные статистические показатели деятельности судов Азербайджанской Республики».

Для достижения цели единообразия судебной практики применения в качестве меры пресечения домашнего ареста Верховному суду АР необходимо провести пленум, на котором следует принять постановление о применении судами Азербайджанской Республики в качестве меры пресечения домашнего ареста.

Основываясь на опыте российского законодательства, требуется, на наш взгляд, внести следующие изменения в ст. 163 УПК АР и дополнить следующими частями:

163.1.1. Домашний арест избирается на срок до двух месяцев.

163.1.2. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда.

Дополнить ст. 163 следующим пунктом:

163.7. Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений осуществляется органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, фун-

кции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

163.7.1. В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством Азербайджанской Республики.

Применение технических средств и их перечень обнаруживаются в практике ведущих стран Европы, США, России. Представители Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России убедились, что для надзора за осужденными целесообразно использовать и электронные браслеты. Они практически полностью исключают возможность побега, поскольку показывают местонахождение осужденного с точностью до нескольких метров. При этом ни снять, ни перепрограммировать устройство почти невозможно. Если осужденный зайдет на запретную для него территорию, браслет сам отправит сигнал диспетчеру. Применение электронных браслетов позволит почти на треть сократить число заключенных. Существуют и альтернативные проекты технического обеспечения домашнего ареста. Тюремщики могут присматривать за человеком, в частности, с помощью электронных конвоиров – специальных браслетов-маячков, посылающих сигналы диспетчеру из тюремного ведомства. Возможна установка в домах осужденных специальных видеокамер.

Есть и другие формы слежки, например контрольные проверки и звонки. К осужденному к ограничению свободы в любое время могут прийти люди в форме, а он сам должен в определенные часы звонить диспетчеру службы надзора и докладывать, где находится: аппаратура идентифицирует голос и вычислит место, откуда звонили.

Подобные устройства давно и широко используют в Европе и в Америке: больше двухсот тысяч электронных браслетов по всему миру надеты на нарушителей закона. В Великобритании специальные GPS-устройства обязаны не только носить на теле электронный датчик, но и звонить в компанию, установившую этот датчик, пять раз в день. Им запрещено пользоваться компьютером и мобильным телефоном. Некоторых особо опасных арестантов за пределами домашних стен сопровождают полицейские, которые имеют право беспрепятственно входить в их дом.

Правоохранительные органы США широко применяют электронное наблюдение за преступниками. Приговоренные к небольшим срокам имеют право попросить у судьи заменить им тюремное заключение на домашний арест с ношением специальных GPS-браслетов [10].

Применение меры пресечения в виде домашнего ареста является нормой современного уголовно-процессуального законодательства, которая должна дать дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов граждан на стадии уголовного судопроизводства.

Домашний арест в системе мер пресечения занимает особое место. С одной стороны, он существенно ограничивает конституционные права подозреваемого, обвиняемого, на что указывают: исключительность судебного решения при избрании данной меры, ограничение свободы передвижения, которое ус-

тупает лишь заключению под стражу; установление запретов; применение к обвиняемому домашнего ареста за более тяжкие преступления, чем остальные меры пресечения (исключение составляет заключение под стражу). С другой стороны, домашний арест есть гуманная мера, позволяющая содержать подозреваемого, обвиняемого в условиях «мягкой» изоляции, что дает возможность этим лицам наиболее полно реализовать свои права на досудебном производстве.

Библиографический список

1. Гусельникова Е.В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001.
2. Сергеев В.И. Комментарий к формам документов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2004.
3. Причины преобладания меры пресечения в виде ареста в Азербайджане. URL: <http://azerbaijan.russiaregionpress.ru/archives/13936>
4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г., по состоянию на 09.04.2014 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2360>
5. Меры пресечения // Trend News. URL: <http://www.azerbaijan.russiaregionpress.ru>
6. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М., 2000.
7. Уточнено применение домашнего ареста и полицейского надзора в Азербайджане. URL: <http://abc.az/gus/news/68635.html>
8. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. М., 2006.
9. Мельников В.Ю. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 17–19.
10. GPS для преступников или GPS в роли конвоира! URL: <http://downloadgps.ru/gps/9148-gps-dlya-prestupnikov.html>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

L.I. Glukhareva
Typology of Reforms
in the Legal Advocacy Field

The article demonstrates the method of typology application which secures the multiplicity of forms, spheres and directions of innovations in the context of the legal advocacy reforms implemented nowadays in Russia. The infrastructure of the law system is revealed, and characteristics of legal advocacy activities and subjects of legal advocacy community are listed. The typology criteria of legal advocacy reforms illustrated by statutes and other regulatory acts currently in force are marked.

Key words and word-combinations: legal advocacy reform, typology, legal advocacy activities, types of legal advocacy reforms.

На примере правозащитных реформ, осуществляемых в настоящее время в России, демонстрируется применение метода типологизации, позволяющего упорядочить многочисленность форм, сфер и направлений нововведений. Раскрывается инфраструктура правовой системы, перечисляются признаки правозащитной деятельности и субъекты правозащитного сообщества. Выделяются критерии типологических видов правозащитных реформ, которые проиллюстрированы действующими в их рамках законодательными и иными нормативными актами.

Ключевые слова и словосочетания: правозащитная реформа, типологизация, правозащитная деятельность, типологические виды.

УДК 347.1
ББК 67.404.06+67.410.1-2

Л.И. Глухарёва

ТИПОЛОГИЯ РЕФОРМ В ПРАВозАЩИТНОЙ СФЕРЕ*

Россия живет сегодня под сенью реформ. Они коснулись практически всех сторон жизни человека, государства и общества. С большей или меньшей степенью интенсивности они продвигаются вперед, учитывая новые стандарты социальности – экономической и статусной успешности, здорового образа жизни, высокого образовательного потенциала, креативности деятельности и не в меньшей степени безопасности и защищенности участников отношений. Количество сфер, направлений, способов и форм реформирования российской действительности достигло такого уровня, что становится уже труднообозримым. Только на сайте «КонсультантПлюс» перечислены 554 действующие программы (на январь 2014 г.), к которым нужно добавить многочисленные законы, подзаконные акты, международные догово-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности»), проект № 14-03-00172.

ренности, решения судов и прочее, принятые в развитие первых. Охватить столь разрозненный конгломерат для оценки продуктивности пространства реформ, а также организации системных и согласованных мероприятий по их осуществлению оказывается при таких показателях не столь простым делом. Затруднено осмысление (хотя бы в схематичном виде) всей совокупности реформационных актов и в научных целях, поскольку здесь, как нигде, требуются логика и упорядочение. Отсюда возникает потребность в генерализующих обобщениях, позволяющих построить «дерево» реформ, тем самым выявить зоны сопряжения между ними и упростить для восприятия общую картину нововведений.

Известным методом для этого является систематика и ее способы - систематизация, классификация, типология. В постановочном варианте на примере одной из групп реформ - правозащитной (учитывая ее значимость для России - страны, в которой слишком высок уровень правонарушаемости, системной коррупции власти, малоэффективно правосудие, особенно в части исполнения решений, а институты гражданского общества в целом слабы) предлагается авторский алгоритм типологии реформ.

Типология помогает не только упорядочению, благодаря ей актуализируются существенные признаки правозащитной реформы, становятся доступными для понимания ее природа и смысл. Это способствует объяснению и дефиниции данного феномена в целом, в итоге, уточняется и развивается теория правовой защиты, а посредством ее и теория правовой реформы как государственного управления.

Типология, как известно, представляет собой более высокий уровень обобщения по сравнению с классификацией и систематизацией. Классификация реформ позволяет группировать их разные виды на основе сходства и различия. Систематизация расчленяет реформы как дискретный объект, а затем связывает между собой полученные классы [1]. Метод же типологии в познании основан на другом – выделении типа (модели, некой идентичности), то есть такой теоретической идеализации правозащитной реформы, которая помогает выделить ее сущностные черты путем логического упрощения и отсека второстепенных свойств. Создаваемый при этом идеализированный тип - «правозащитная реформа» – не замещает эмпирическую реальность, а выступает инструментом перехода от практики к теории, созданию теории правозащитной реформы. Используемая в процессе типологии идеализация как упрощающая процедура дает представление о более совершенной, чем она есть и может быть в реальности модели правозащитной реформы. Обращаясь к обобщению, типология путем движения от частного к общему, к более высокому уровню абстракции унифицирует, представляет в «единой формуле» и целостности множество различных свойств и проявлений правозащитной реформы. Имея дело с бесконечно сложной и разнообразной правозащитной действительностью, типология преодолевает ее путем уподобления последней идеальному образцу, позволяющему выработать теоретическую модель (теорию), эффективную для описания свойств и направлений реформационной деятельности в данной сфере в целом.

Таким образом, речь идет о формулировке правозащитной реформы как типа. Опуская подробности дискуссии о понятиях реформы и правовой реформы [2, с. 22; 3, с. 148–150; 4, с. 5], определении правозащиты и ее отличиях от правоохраны [5–7], назовем основные, сущностные черты, позволяющие, с точки зрения авторского подхода, считать ту или иную реформу правозащитной. Паттерн «правозащитная реформа» формулируется здесь, основываясь на опорных его показателях – «реформа как управление», «правозащитная система», «правозащитная деятельность», «правозащитное сообщество».

Определение реформы в правозащитной сфере (возможное с позиции исследуемого предмета). Управление в виде реформы понимается как нововведение любого содержания, не уничтожающее основ социальной структуры [8, с. 556], это «клапан», предохраняющий общественные устои от разрушения под воздействием правонарушающих сил. С точки зрения управленческой политики реформой следует считать более или менее прогрессивное преобразование, шаг к лучшему общественному и государственному устройству. В этом ключе правозащитная реформа есть стратегическое направление государственной политики, ставящее задачу оптимизировать организацию и функционирование правозащитной системы. Целеполагание правозащитной реформы понятно – создать эффективное правозащитное пространство.

Правозащитная реформа, ориентированная по своей природе на алгоритм изменения, закладывает соответствующие показатели в инфраструктуру *правовой системы*. Во-первых, на нормативном уровне она указывает цели, определяет в соответствии с ними идеи, программы, принципы и стандарты модернизации. Во-вторых, формирует институциональные структуры, адресно называя субъектов, ответственных за введение правозащитных новелл и их поддержание в национальном правопорядке и на международной арене. В-третьих, на основе заимствования позитивно зарекомендовавших себя зарубежных и международных механизмов, сочетая их с положительными (с точки зрения власти) российскими практиками, устанавливает (совершенствует) способы, средства, процедуры, режимы и т.п. осуществления правозащитной деятельности.

Правозащитная деятельность составляет ключевой момент управленческих трансформаций в данной сфере в связи со следующим:

1. Она представляет собой государственную функцию, разновидность социально-преобразующего и юридически опосредованного управления.
2. Имеет конструктивный и нравственный характер, так как фундирована идеями гуманизма и защиты всех субъектов правовых отношений.
3. Соучаствует в качестве национального компонента в международной системе, движущейся (с большими трудностями в целом) к созданию режима универсальной правовой защищенности народов и любых лиц, терпящих насилие и несправедливость.
4. Как совокупность юридических мероприятий носит официальный характер, фиксируется в актах-документах, помещена в рамки правоотношений, осуществляется на стадии правореализации в форме пользования правом [6, с. 25–26; 9, с. 83; 10, с. 4].
5. Ее объектом являются субъективные права физических и юридических лиц. Серьезно сужает пространство этой деятельности позиция, предлагающая

ограничить указанный объект лишь защитой прав человека, поскольку последние, как следует из их существа, занимают небольшую долю в каталоге субъективных прав. И наоборот, недопустимо расширять зону объекта правозащиты, распространяя ее действие на объективное право, поскольку в этом случае фактически стирается грань между правовой защитой и правовой охраной [11, с. 487].

6. Существует как относительно непродолжительная в темпоральном плане реакция на правонарушение.

7. Решает восстановительные, штрафные и компенсационные задачи.

8. Как составная часть охранительной деятельности повышает «иммунитет» права в целом, усиливает его сопротивление правонарушающим акциям.

Правозащитное сообщество составляют государственные органы и институты гражданского общества - официальные и неофициальные правозащитники, систематически занимающиеся этой деятельностью. Думается, что ошибаются авторы, признающие такую деятельность прерогативой лишь граждан и негосударственных правозащитных организаций [7]. Если государство исключается из ее рядов, то тогда напрашиваются вопросы: а в чем, собственно, состоит предназначение государства, и особенно правового? в рамках каких других механизмов, помимо правозащитных, фактически реализуется правовое равенство и взаимная ответственность государства и гражданина? Очевидно, что потеря (лишение) государством правозащитной функции открывает просторы властному и силовому усмотрению в управлении. Исключение из правозащиты весомого потенциала самой сильной организации современности ведет к снижению гарантий защищенности и безопасности всех физических и юридических лиц. Вот почему правозащитное сообщество на современном этапе должно включать в свои ряды специальных представителей государства (например, уполномоченных по правам человека, правам ребенка, правам предпринимателей и т.п.), которым в силу их государственного статуса проще донести до остальных властных структур критическое положение в той или иной сфере, добиться конструктивного сотрудничества на nive восстановления поправленных прав.

Другое дело, что в организации и взаимодействии правозащитного сообщества имеются серьезные изъяны. Достаточно указать на множественность субъектов правозащиты, которые зачастую действуют без необходимой координации, разрозненно и несогласованно. Нельзя не поддержать в этой части упреков в их адрес со стороны специалистов, которые указывают на официальное давление, оказываемое на негосударственных субъектов правозащитной деятельности, доминирование взгляда на государство как монопольного защитника прав, оценку правозащитных организаций со стороны властных органов и их должностных лиц как структур, противодействующих государственному управлению и содействующих дестабилизации социально-политической ситуации в стране и т.д. [12, с. 10]. Часть этих негативных факторов находится «под прицелом» правозащитной реформы, которая внесла интересные коррективы, заметно перераспределила функции между субъектами правозащитного сообщества, наделив неофициальные структуры дополнительными гарантиями. Примером может служить Указ Президента РФ № 864 от 13 июня 1994 г. «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации».

Поскольку тип «правозащитная реформа», помещенный в разные социальные контексты, приобретает дополнительные характеристики, то в результате правомерно выделять *типологические виды правозащитных реформ*. Таких контекстов и, соответственно, типологических критериев и типологических видов реформ в социокультурной динамике можно обнаружить великое множество. Среди них существуют следующие:

– реформы, формирующие благоприятные условия для осуществления правозащитной деятельности в целом (например, создание электронного правительства), и трансформации, направленные на развитие эффективных механизмов защиты конкретных прав (например, правила содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений);

– правозащитные реформы отдельных сфер жизнедеятельности общества (например, сферы защиты гражданских, политических, экономических, семейных, трудовых, экологических и других прав);

– устанавливающие или корректирующие статус и полномочия участников правозащитной деятельности (например, адвокатуры, полиции, судебных приставов, некоммерческих организаций и др.);

– уточняющие и совершенствующие формы защиты - юрисдикционную и неюрисдикционную (они отражены в Федеральном конституционном законе от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (редакция от 1 декабря 2012 г.) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Федеральных законах от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (редакция от 28 декабря 2013 г.) «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ (редакция от 21 декабря 2013 г.) «Об общественном контроле за обеспечением прав лиц в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и др.);

– проводящие в жизнь предпочтительную карательную (например, в сфере борьбы с коррупцией, экстремизмом) либо правовосстановительную политику государства (сфера предпринимательства, интеллектуальной собственности, информационных технологий и др.);

– по критерию новизны для российского правопорядка (количественный показатель, конечно, здесь условный) можно выделить инновационные и модификационные правозащитные реформы.

Инновационные реформы вносят принципиально новое, то, что до них не было известно российской практике. Они подключили в настоящее время к правозащитной деятельности институты и механизмы, которые были, главным образом, реципированы из опыта западноевропейских стран и отвечают на современные запросы международного сотрудничества. К таким реформам следует отнести создание с соответствующими полномочиями в области защиты прав Конституционного Суда РФ, Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека. К новым правозащитным субъектам относится и появление частных детективных (сыскных) и охранных агентств. Кроме того, среди новых механизмов и процедур защиты – медиация, порядок обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и

свободы граждан, порядок государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, правила компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Правозащитный потенциал нового формата содержат Федеральные законы от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (редакция от 28 декабря 2013 г.) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Серьезным политическим шагом в признании государственных ошибок и компенсации за несправедливое осуждение стал Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (редакция от 30 ноября 2011 г.) «О реабилитации жертв политических репрессий».

Модификационные реформы в отличие от указанных вносят лишь элементы усовершенствования, уточнения, детализации в ранее известные российские (советские) правозащитные механизмы, хотя отдельные их стороны при этом под влиянием новой государственно-правовой идеологии начинают толковаться существенно иначе. Реформы этого типа коснулись деятельности судов, судебных приставов-исполнителей, третейских судов, прокуратуры, адвокатуры, нотариата, Следственного комитета и его подразделений, полиции, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и других. Подверглись совершенствованию под влиянием конституционных новелл о правовом государстве и правах человека порядок рассмотрения обращений граждан, оперативно-розыскная деятельность, исполнительное производство и прочие.

Возможность для человека обратиться в компетентные органы или организации с требованием принудить правовым путем обязанное лицо к обеспечению своего права – важнейшее общественное достижение. Однако этот механизм не включается автоматически, старт ему дает сам гражданин (объединения граждан), чьи права нарушены, поэтому гражданин – главное действующее лицо в системе защиты прав. Но чтобы стать действительно таковым, требуется гражданская воля и позиция, которые генетически не наследуются, а формируются атмосферой поддержки обществом и властью действий в том числе и по защите прав и свобод. В связи с этим рассуждая о правозащитных реформах в России, нельзя не включить в их список и такой важнейший акт, как «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан».

Библиографический список

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
2. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России // Правовая реформа в России: восемь лет спустя: сб. статей / под ред. В.П. Мозолина; сост. П.Д. Баренбойм. М., 2013.
3. Дорская А.А. Правовые реформы в России: проблема классификации // Вопросы правоведения. 2013. № 3 (19).
4. Носов С.И. Правовая реформа в Российской Федерации: лекция. М., 2009.
5. Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009.

6. *Стремоухов А.В.* Правовая защита человека. М., 2006.
7. *Краковский К.П.* Проект Концепции правозащитной деятельности в Российской Федерации. М., 2009.
8. *Философский энциклопедический словарь.* 2-е изд. / ред. кол. С.С. Аверинцев [и др.]. М., 1989.
9. *Белозеров Б.П.* Правоохранительная и правозащитная деятельность: общее и отличие // Правозащитная деятельность правового государства: история и современность, теория и практика: сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010.
10. *Чуксина В.В.* Несудебная защита прав человека в системе национальной правозащитной деятельности Российской Федерации и зарубежных государств // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6.
11. *Калинина Т.М.* К вопросу о законодательной дефиниции понятия «правозащитная система» // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. Т. 1 / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.
12. *Российская правозащитная политика: теория и практика* / под ред. А.В. Малько. М., 2014.

**A.G. Fedorov
Peculiarities of Legal Relations
between the State
and the Participants
of the Russian Educational
Process in Higher
Education Institutions**

Employment problems of graduates whose education is funded through a state or local budget in accordance with their specialization are analyzed. The idea that the state should give federal authorities in the educational sphere the right to set the norms obliging students to apply for jobs closely connected with their future profession is grounded.

Key words and word-combinations: state influence, part time studying, quality of young specialists' education.

Анализируются проблемы трудоустройства выпускников вузов, обучающихся на местах, финансируемых за счет государственных и местных бюджетов. Обосновывается идея о том, что государство должно наделить федеральные органы государственной власти в сфере образования правом устанавливать нормы, обязывающие студентов трудоустроиваться по профилю своей последующей профессиональной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: государственное воздействие, заочная форма обучения, качество образования молодых специалистов.

УДК 351.74
ББК 67.401.12

А.Г. Фёдоров

**ОСОБЕННОСТИ
ПРАВООТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА
И УЧАСТНИКОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССА ВУЗОВ РОССИИ**

Сегодня «в условиях рынка и отсутствия государственного распределения образование становится ценностью само по себе, а возможности его применения зависят от личностных и деловых качеств носителя полученных знаний» [1]. Основными показателями качества образования молодых специалистов являются их быстрое вовлечение в профессиональную деятельность, способность решать возникающие проблемы не по идеальным, описанным в учебниках схемам, а исходя из сложившихся в производственной сфере реалий. Довольно часто в перечне требований, предъявляемых к новым сотрудникам, работодатели указывают условие о нали-

чий опыта работы по выбранному направлению деятельности. В связи с этим проблемы выпускников вузов, связанные с трудоустройством по специальности, становятся и проблемами государства в целом, когда учебные заведения выпускают молодых специалистов для производственных отраслей народного хозяйства, а они работают не по специальности и с понижением образовательного статуса в обеспечивающих сферах деятельности. Особо актуальной эта проблема становится в случаях, когда государство оплачивает из государственных и местных бюджетов обучение студентов, а они, получив диплом о высшем образовании, не могут трудоустроиться по полученной специальности в связи с отсутствием опыта работы по выбранному профилю деятельности.

Целью исследования является формулирование отдельных предложений по совершенствованию правоотношений между государством и студентами заочной формы обучения, чье образование финансируется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов (бюджетные места). При этом рассматриваются только взаимоотношения между государством и студентами-заочниками, обучающимися на бюджетных местах.

Ежегодно гражданам Российской Федерации предоставляется возможность на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Это право закреплено в Конституции РФ и неукоснительно соблюдается государством. Согласно обнародованному Министерством образования и науки РФ плану объема контрольных цифр приема граждан в 2014 г. в высшие учебные заведения на бюджетные места будут приняты 397 847 студентов. Из них 87 010 студентов будут получать образование по вечерней и заочной формам обучения, что составляет 21,87% от общего числа бюджетных мест [2].

Руководствуясь положениями Конституции РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (Закон № 273-ФЗ) определяет, что «условиями приема на обучение по основным профессиональным образовательным программам должны быть гарантированы соблюдение права на образование и зачисление из числа поступающих, имеющих соответствующий уровень образования, наиболее способных и подготовленных к освоению образовательной программы соответствующего уровня и соответствующей направленности лиц» [3, п. 6 ст. 55]. При этом Закон № 273-ФЗ конкретизирует, что «высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации» [3, п. 1 ст. 69].

Несомненно, бесплатное высшее образование в государственном или муниципальном учебном заведении при поступлении на конкурсной основе должны получать наиболее способные и подготовленные абитуриенты, из которых будут формироваться высококвалифицированные кадры по основным направлениям общественной деятельности. Почему тогда у части выпускников высших учебных заведений возникают существенные трудности при трудоустройстве на

работу по профилю своего образования и почему, как показывает практика, большее недоверие со стороны кадровых служб вызывают выпускники вузов, получившие образование по заочной форме обучения? Довольно часто выпускники вузов, испытывающие трудности с трудоустройством, называют виновниками в сложившейся ситуации высшие учебные заведения, в которых они получали свое образование. «Практике известны иски к образовательным учреждениям о возмещении вреда в связи с некачественным образованием, о защите прав потребителей. На самом деле существо подобных споров сводится к тому, что выпускники или бывшие слушатели не могут трудоустроиться с имеющимися документами о профессиональном образовании, потому и предъявляют претензии к образовательному учреждению: оно не информировало о реальных возможностях трудоустройства с выдаваемым документом об образовании. Это, например, решение мирового судьи и Вахитовского районного суда по иску Газизова, Шипшовой, Васильевой к Казанскому гуманитарному колледжу и др.» [1].

Реагируя на сложившуюся ситуацию, одним из «майских поручений» Президента РФ стало поручение о «...введении показателя, характеризующего трудоустройство и работу по специальности выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования в течение не менее трех лет после окончания обучения...» [4]. Но мониторинг ситуации, сложившейся в отношении трудоустройства выпускников вузов может показать только «сухую статистику», не раскрывая всех проблем, возникающих по этому поводу.

Думается, что одной из существенных причин является недостаточность практических навыков молодых специалистов, позволяющих им быстро адаптироваться в условиях работы конкретного предприятия, на котором им предстоит осваивать профессию. Для студентов очной формы обучения вузом создаются необходимые условия, позволяющие им получить не только теоретические, но и определенный государственным образовательным стандартом объем практических навыков. Это и прохождение практик (учебная, производственные, преддипломная), и занятия в профильных лабораториях, и наработка практических навыков в процессе студенческой научно-исследовательской работы (НИРС) и прочее. Для студента заочной формы обучения, если он работает не по профилю получаемого высшего образования, уровень его профессиональной подготовки будет, скорее всего, недостаточен и, как следствие, такой выпускник не будет востребован на рынке труда по профилю своей деятельности. Сегодня «ключевым моментом становится переход от квалификаций к компетенциям, что находит свое выражение в способности менеджера-профессионала принимать эффективные и оправданные решения в динамично меняющихся условиях деятельности» [5, с. 95].

Решение этой проблемы видится в системном подходе к повышению профессиональных навыков, приобретаемых студентами в период их обучения в вузе. Однако заочное обучение характеризуется тем, что студент и преподаватели практически весь период обучения «дистанцированы» временем и пространством. «При этом часть экспертов, включая значительное количество чиновников и сотрудников вузов, уверена, что заочное обучение будет присутствовать в России всегда, поскольку оно является наиболее эффективным способом

доступа к высшему образованию без отрыва от работы» [6]. Сегодня перед государством стоит задача так обеспечить образовательный процесс студента-заочника, чтобы, получая диплом о высшем образовании, он имел в своем багаже не только приобретенные в вузе теоретические знания по профилю своего образования, но и практические навыки, закрепленные на производстве в процессе своей трудовой деятельности, что позволит ему быть в последующем востребованным в народном хозяйстве по специальности. Это согласуется с общей концепцией реформирования образовательного процесса в высших учебных заведениях. «Современные требования образовательной системы направлены на повышение эффективности самостоятельной работы студентов, доля которой все время возрастает. Следовательно, требования в организации учебного процесса смещаются с внешнего контроля на самоконтроль, на формирование интереса, активной позиции студента в процессе учения, развития познавательных, коммуникативных, рефлексивных и других компетенций» [7, с. 94].

Проблемы качества подготовки молодых специалистов не имеют исключительный характер для России, а проявляются в практике большинства развитых стран. Значительный объем научных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях позволяет констатировать наличие недостатков в этой сфере, устранение которых обязывает ученых и практиков проводить активный поиск новых образовательных технологий. Так, одной из таких технологий, активно реализуемой вузами Германии, стала дуальная система образования, базирующаяся на получении теоретических и практических знаний одновременно. Образовательный процесс выстроен таким образом, чтобы теоретическая часть в вузе и практическая часть на производстве каждые три месяца поочередно сменяли друг друга в процессе всего обучения в вузе. Масштабность применения этой образовательной технологии может характеризоваться следующими цифрами. Только в Германии сегодня «бизнес тратит на дуальное образование около €23 млрд в год, а государство доплачивает еще € 7 млрд» [8]. Внедрением дуальной системы образования в России с 2013 г. занимается сформированное Правительством РФ Агентство стратегических инициатив (АСИ). На образовательной базе пяти пилотных регионов будет опробована практика обучения в вузе, совмещенная с обязательной производственной подготовкой.

В результате внедрения в образовательный процесс новых образовательных технологий, в том числе дуальной системы, позволит выпускникам вузов повысить свою конкурентоспособность на рынке труда. Признавая, что дуальная система ориентирована на студентов очной формы обучения, следует подчеркнуть, что она оптимально вписывается в образовательный процесс студентов заочной формы обучения (получение теоретических знаний в сессионное время и последующее их закрепление на своем производстве в межсессионные периоды). Более того, можно предположить, что в основе дуальной системы образования лежит советская система заочного образования. Однако постсоветские социально-экономические преобразования, кардинально изменившие весь уклад нашей жизни, не внесли принципиальных изменений в образовательный процесс для студентов-заочников, что в итоге сказалось на уровне профессиональной подготовки отдельных выпускников вузов и, как следствие, на их конкурентоспособности на рынке труда.

Как представляется, эта проблема, имея системный характер, может быть локализована посредством поэтапного устранения отдельных ее составляющих. Для начала необходимо признать, что государство, оплачивая образование студентов-заочников, обучающихся на бюджетных местах, должно изначально нормативно устанавливать определенные требования, обеспечивающие качество их подготовки. Их взаимоотношения должны носить форму договора при доминирующем положении государства, в котором четко будут определены компетенции, какими должен обладать выпускник вуза по данному направлению подготовки, в первую очередь определенный уровень профессиональных навыков, позволяющих молодому специалисту в оптимальный срок приступить к исполнению своих обязанностей.

Несмотря на то, что с начала обучения между студентом и вузом возникают определенные правоотношения, связанные с взаимными обязательствами сторон, гарантии вуза не распространяются на последующую трудовую деятельность выпускника, в том числе гарантию его карьерного роста. Они скорее имеют не формальный характер, а определенные гарантии реализации полученного образования. Кроме того, необходимо отметить принципиальное отличие очного и заочного образования. Если в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом студент очной формы обучения получает достаточный для получения качественных знаний объем аудиторных занятий в размере 2160 часов учебного времени за год (60 зачетных единиц), то студент-заочник имеет возможность получить аудиторные академические знания только в ходе установочных сессий, а большая часть знаний должна быть им освоена в процессе межсессионной самостоятельной работы. В связи с этим изначально предполагается, что студент заочной формы обучения, работая по профилю образования, уже получил свои базовые знания в процессе своей повседневной профессиональной деятельности и в стенах высшего учебного заведения должен их лишь закрепить, систематизируя и углубляя под руководством преподавателя вуза. При этом необходимо задаться вопросом: все ли вузы могут сегодня подтвердить, что их студенты-заочники к моменту начала изучения спецкурсов уже работают по профилю выбранного образования?

В настоящее время правовой регламентации подвержены условия конкурсного замещения бюджетных мест в высших учебных заведениях при поступлении в вузы. Федеральные государственные образовательные стандарты также устанавливают требования к качественным и количественным составляющим образовательного процесса. Но эти требования относятся только к вузам, а не к студентам, обучающимся в этих вузах. Получается, что к студентам, обучающимся за счет государственных средств, четких требований к получению образовательных компетенций, необходимых для выполнения своих последующих профессиональных обязанностей, нет. В таком случае со стороны государства к студентам вузов также должны предъявляться определенные требования, обязывающие выпускников вузов, обучающихся за счет государственных средств, иметь соответствующий уровень профессиональных знаний, позволяющий быть конкурентоспособными на рынке труда. Следовательно, если государство как заказчик платит за таких студентов, то оно имеет право и выставлять опреде-

ленные требования к качеству получаемого ими образования в рамках своих ожиданий. Подтверждением этому служит один из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, а именно: сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования [3, п. 12 ст. 3].

Абитуриенты, поступая на заочное отделение высшего учебного заведения, должны четко понимать следующее. Заявляя о своем конституционном праве обучаться в вузе за счет государственного или муниципального финансирования, они принимают на себя определенные обязательства, в частности, в период до начала изучения специальных образовательных дисциплин (по направлениям бакалавриата – начиная со второго курса, по специальностям – начиная с третьего курса), трудоустроиться на предприятие или в организацию по профилю получаемого в вузе образования. Это положение может быть закреплено федеральным нормативным правовым актом, причем в такой однозначной форме, которая не позволит в последующем иначе трактовать его на местах.

Таким образом, руководствуясь положениями подп. 6 п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [3], относящими утверждение федеральных государственных образовательных стандартов и установление федеральных государственных требований к полномочиям федеральных органов государственной власти в сфере образования, возможно рассмотреть вопрос о нормативном регулировании положения, обязывающего студентов заочной формы обучения, обучающихся за счет федерального, региональных и муниципальных бюджетов в государственных и муниципальных высших учебных заведениях, трудоустроиваться по профилю своей последующей профессиональной деятельности, определенной государственным образовательным стандартом.

Библиографический список

1. *Барабанова С.В.* Теория и история. М., 2014 // ФГБУ «Федеральный центр образовательного законодательства»: [официальный сайт]. URL: http://www.lexed.ru/pravo/theory/barabanova/?barabanova_11.html#
2. О планировании объема контрольных цифр приема граждан на 2014 год (высшее образование). М., 2014 // Министерство образования и науки Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://минобрнауки.рф/коллегия/328/файл/2494/13.09.24-Коллегия-КЦП-Соболев.pdf>
3. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 3 февр. 2014 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
4. Перечень поручений Президента РФ по итогам совещания по вопросам социального положения рабочих и развития социально-технического образования от 27 апр. 2011 г. (утв. Пр-1315 от 11 мая 2011 г.) // Wordpress.Com: [официальный сайт] [Пермь], 2014. URL: <http://szniakamacheva.files.wordpress.com/2011/05/01-14-345-13-05-2011.pdf>
5. *Самылов П.В.* Развитие профессиональных компетенций и интерактивная образовательная технология // Человеческий капитал: науч.-практ. журн. СПб., 2012. № 9 (№ 45). С. 94–99.
6. *Криволицкая О.* Учить заочно должны специализированные вузы: Нужно заботиться о качестве заочного обучения, а не об его отмене – эксперт «АПИ»; *Токарева Д.* «Заочку» массово

закрывать не будут // РИА «Новости»: [официальный сайт]. М., 2010. URL: http://www.memoid.ru/node/Polemika_ob_otkaze_vuzov_Rossii_ot_zaochnogo_obucheniya

7. Самылов П.В. Проектно-деятельностное обучение в образовательном процессе вуза // Человеческий капитал: науч.-практ. журн. СПб., 2012. № 1 (№ 37). С. 92–94.

8. Черных А. Образование стало производственной необходимостью // Газета «Коммерсантъ»: [официальный сайт]. М., 2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2395751>

**E.V. Kniga
Early Termination
of Obligations under
the Contract for Performance
of Design and Survey Works**

According to the results of the study, cases and the procedure of early termination of obligations are defined. The author considers the form, content and the right to cancellation of the notice of withdrawal from the contract. Special attention is paid to the moment at which the contract can be considered as terminated. Peculiarities of unilateral refusal of performance of state and municipal contract are noted.

Key words and word-combinations: design and survey works, the early termination of obligations, the notice of withdrawal from the contract.

По результатам проведенного исследования определяются случаи и порядок досрочного прекращения обязательств. Рассматривается форма, содержание и право на отзыв уведомления об отказе от договора. Особое внимание уделяется определению момента, с которого договор можно считать расторгнутым. Отмечаются особенности одностороннего отказа от исполнения государственного и муниципального контракта.

Ключевые слова и словосочетания: проектные и изыскательские работы, досрочное прекращение обязательств, уведомление об отказе от договора.

УДК 347.4/5
ББК 67.404.201

Е.В. Книга

**ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ПО ДОГОВОРУ
НА ВЫПОЛНЕНИЕ
ПРОЕКТНЫХ
И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ**

Заключение договора предполагает его надлежащее исполнение сторонами. Однако при определенных обстоятельствах обязательства сторон по договору могут быть прекращены досрочно. И если заключение договора происходит путем волеизъявления как минимум двух сторон, то чтобы прекратить обязательства по договору, иной раз достаточно волеизъявления одной стороны. Действия стороны, инициирующей расторжение договора в одностороннем порядке, на законодательном уровне необходимо не просто закрепить, но и определить порядок их совершения. Наиболее полно и детально урегулировать расторжение договора в одностороннем порядке, обеспечив баланс интересов сторон договора, достаточно трудная задача. В настоящее время умы многих деятелей науки направлены на ее решение путем внесения соответствующих изменений в гражданское законодательство. В свою очередь рассмотре-

ние досрочного прекращения обязательств применительно к конкретному договору позволяет в наглядной форме изучать обозначенный вопрос. Одним из наиболее интересных для исследования права стороны на отказ от исполнения договора предлагается считать договор на выполнение проектных и изыскательских работ.

В российском гражданском праве действует общий принцип недопустимости одностороннего отказа должника от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ), если иное не предусмотрено законом, а в предпринимательских отношениях договором или не вытекает из существа обязательства. Законом право на односторонний отказ от договора закреплено в нормах о подряде (глава 37 ГК РФ), которые применяются к отношениям сторон по договору на выполнение проектных и изыскательских работ. Заказчику предоставлено право отказаться от исполнения договора подряда в следующих случаях:

– в любой момент до сдачи результата работ без объяснения причин с оплатой уже выполненной работы и возмещением убытков подрядчика в пределах стоимости работ (ст. 717 ГК РФ);

– ввиду медлительности подрядчика (п. 2 ст. 715 ГК РФ), при этом должно иметь место явное отсутствие возможности завершения подрядчиком работы к конечному сроку, немаловажную роль по данной категории дел имеет переписка сторон [1];

– неисполнения подрядчиком в разумный срок требования заказчика об устранении недостатков выполняемой работы (п. 3 ст. 715 ГК РФ);

– отступления в работе от условий договора подряда или обнаружения иных недостатков результата работы, которые в установленный заказчиком разумный срок не были устранены либо являются существенными и неустранимыми (п. 3 ст. 723 ГК РФ).

Право подрядчика на отказ от исполнения договора подряда возникает только вследствие ненадлежащего исполнения заказчиком своих обязанностей:

– в связи с непригодностью или недоброкачеством предоставленных заказчиком материала, оборудования, технической документации или переданной для переработки (обработки) вещи или поступлением от заказчика указаний о способе исполнения работы, выполнение которых грозит неблагоприятными для заказчика последствиями, если заказчик в разумный срок не произведет их замену или не изменит указаний о способе выполнения работы (ст. 716 ГК РФ);

– если нарушение заказчиком своих обязанностей по договору подряда, в частности непредоставление материала, оборудования, технической документации или подлежащей переработке (обработке) вещи, препятствует исполнению договора подрядчиком, а также при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что исполнение указанных обязанностей не будет произведено в установленный срок (п. 2 ст. 719 ГК РФ) [2].

Вместе с тем имеются определенные вопросы о соотношении ст. 310 и 450 ГК РФ в части возможности предусмотреть односторонний отказ от исполнения договора в договоре, если он не является предпринимательским. Так, М.Г. Розенберг предложил применять п. 3 ст. 450 ГК РФ как специальную норму, отменяющую оговорку о предпринимательском характере договора по ст. 310 ГК РФ [3]. Е.В. Оболонкова справедливо критикует данную позицию, указывая, что п. 3 ст. 450 ГК РФ устанавливает последствия одностороннего отказа

от исполнения договора, а ст. 310 ГК РФ – пределы предоставления права на односторонний отказ. Поэтому указанные нормы не исключают, а взаимно дополняют друг друга [4]. С.А. Соменков также полагает, что правила ст. 310 ГК РФ могут и должны учитываться при применении п. 3 ст. 450 ГК РФ [5].

Согласно предстоящим изменениям в п. 3 ст. 450 ГК РФ предполагается также ссылаться на ст. 310 и ввести следующее уточнение. Если исполнение договора не связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, право на односторонний отказ от договора может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательскую деятельность [6]. На основании п. 1 и п. 2 ст. 407 ГК РФ стороны могут включить в договор условие о прекращении возникших из него обязательств, определенно указав на договорные обязательства, которые прекращаются (все или некоторые), и конкретные основания (юридические факты). Предложенное решение воспринимается и арбитражной практикой [7]. Однако условие договора об одностороннем отказе от его исполнения, если ни одна из сторон не занимается предпринимательской деятельностью, не соответствует «обязательным для сторон правилам» (п. 1 ст. 422) и, соответственно, является недействительным (ст. 168 ГК РФ).

В юридической литературе односторонний отказ от исполнения договора рассматривается как сделка. Отдельные авторы, рассматривая форму одностороннего отказа от договора, предлагали руководствоваться положениями ст. 452 ГК РФ [8, с. 820]. В настоящее время в ГК РФ, возможно, будет введена ст. 450-1. Согласно п. 1 названной статьи право на односторонний отказ от договора может быть осуществлено управомоченной стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора или исполнения договора. Договор в свою очередь прекращается с момента получения такого уведомления, если иное не предусмотрено законом или договором. Отказ от договора, как правило, направляется другой стороне в письменной форме с доказательствами направления. Если иное не предусмотрено законом или условиями договора либо не следует из обычая или из практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, договор будет считаться расторгнутым с момента доставки стороне договора (ее представителю) уведомления о его расторжении. При этом уведомление будет считаться доставленным и в том случае, если адресат не получил его или не ознакомился с ним по зависящим от него обстоятельствам (ст. 165.1 ГК РФ, внесена в ГК РФ Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ, вступившим с силу с 1 сент. 2013 г.).

Задумка законодателя определить момент расторжения договора датой получения уведомления стороны договора об отказе от договора корректна, но лишь в определенной мере. Законом не определен ключевой момент – дата, с которой договор расторгается в случае неполучения стороной соответствующего уведомления (дата поступления почтового отправления в почтовое отделение, дата вручения извещения о поступившем почтовом отправлении адресату, дата, когда почтовое отделение осуществило возврат почтового отправления, или какая-то другая дата). Ввиду изложенного данная норма существенно теряет свою актуальность. Кроме того, согласно положениям ст. 1 ГК РФ и так указано, что сторона договора, действующая недобросовестно, не может извлекать выгоду из созданных в результате такого поведения последствий. При возникновении любых вопросов, связанных датой расторжения договора в случае односто-

ронного отказа от его исполнения, необходимо поведение сторон рассматривать на предмет добросовестности. Следует установить, предприняла ли сторона, инициирующая расторжение договора, действия по доведению до своего контрагента сведений о расторжении договора в одностороннем порядке.

В настоящее время достаточно полно и детально на уровне закона регламентировано право заказчика по государственному или муниципальному контракту принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств (при условии, если это было предусмотрено контрактом). Если контрактом было оговорено право заказчика на односторонний отказ, то у подрядчика также возникает соответствующее право. В законе подробно описана процедура, которая позволяет придать данному отказу юридическую силу и последствия отказа для сторон. Специфика в отношениях сторон при расторжении государственного или муниципального контракта в одностороннем порядке следующая:

- размещение решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта (о расторжении контракта) в единой информационной системе;
- определение понятия «надлежащего уведомления» и «дата надлежащего уведомления» об одностороннем отказе от исполнения контракта;
- дата расторжения контракта определена истечением установленного времени после надлежащего уведомления;
- определены случаи обязательного принятия решения об одностороннем отказе от исполнения контракта заказчиком;
- определены случаи обязательной отмены не вступившего в силу решения об одностороннем отказе от исполнения контракта.

До 1 января 2014 г. законодательство предусматривало расторжение государственного и муниципального контракта по соглашению сторон или по решению суда по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством. Однако указания на право стороны контракта его расторгнуть в одностороннем порядке, равно как и соответствующего запрета, закон не содержал. Судебная практика допускала право заказчика в одностороннем порядке отказаться от исполнения государственного контракта по общим основаниям, предусмотренным ГК РФ [9]. Отдельные особенности расторжения государственных и муниципальных контрактов в результате одностороннего отказа от исполнения, рассмотренные в юридической литературе [10], актуальны и сегодня.

Уведомление об отказе от договора должно быть определенным. Так, предложение исполнить обязательство с указанием, что в противном случае договор будет расторгнут, не может считаться таким сообщением [11]. Изучался также вопрос о возможности отзыва отказа от договора в пределах срока уведомления о расторжении договора [12]. Если информация о расторжении договора в одностороннем порядке не дошла до контрагента или получена одновременно с соответствующим отзывом, то отказ от договора действительно может считаться не состоявшимся.

Согласно проекту ГК РФ (п. 2 ст. 450.1) совершенно обоснованно предлагается также определить, что отказ от договора должен быть сделан своевременно. В случаях, когда при наличии оснований для отказа от договора сторона,

имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ от договора по тем же основаниям не допускается. Согласно предлагаемой редакции п. 3 ст. 450.1 в случаях, когда сторона, осуществляющая предпринимательскую деятельность, при наступлении предусмотренных законом или договором обстоятельств, служащих основанием для осуществления определенного права по договору, заявляет отказ от осуществления этого права, в последующем осуществление этого права по тем же основаниям не допускается, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон. Данное положение не только вводит общее правило о недопустимости противоречивого поведения в договорных отношениях, но и служит косвенным свидетельством безотзывности отказа от договора.

Досрочное прекращение обязательств по договору путем волеизъявления одной стороны договора в некоторых случаях должно являться приоритетным способом прекращения обязательств. Вместе с тем случаи и порядок досрочного прекращения обязательств по договору не должны идти в разрез с принципами гражданского права и сводиться к своеволию сторон.

Библиографический список

1. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20 окт. 2009 г. по делу № А56-46740/2006); Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17 мая 2006 г. по делу № А82-1815/2005-7. Доступ из СПС «Гарант».
2. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 сент. 2013 г. по делу № А56-3828/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
3. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садиков. М., 2005.
4. *Оболонкова Е.В.* Односторонний отказ от исполнения обязательства: пределы использования и соотношение с другими способами прекращения договорных обязательств // Журнал российского права. 2007. № 2.
5. *Соменков С.А.* Расторжение договора в гражданском обороте: теория и практика. М., 2005.
6. Проект редакции Гражданского кодекса Российской Федерации с изменениями, внесенными проектом Федерального закона № 47538-6 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
7. *Кузнецов Д.* Расторжение договора и отказ от договора в гражданском законодательстве // Право и экономика. 2004. № 9.
8. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М., 2004.
9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15 апр. 2009 г. № КА-А40/2789-09; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 февр. 2009 г. по делу № А56-42633/2008; Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 6 окт. 2008 г. по делу № А56-16386/2008; Постановление ФАС Московского округа от 8 мая 2008 г. по делу № КА-А40/3505-08. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
10. *Богдадьев А.С.* Проблемы расторжения государственного контракта // Право и экономика. 2009. № 11.
11. *Рыжков Ю.В., Махненко Р.Н.* Некоторые вопросы изменения и расторжения договора в практике Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа // Вестник Федер. арбитраж. суда Сев.-Кавказ. окр. 2003. № 6.
12. *Соменков С.А.* Расторжение договора в одностороннем порядке // Государство и право. 2000. № 4.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.V. Dautov, A.V. Korotenko
**Military culture
in the educational
and upbringing process
of military educational
institutions of Russia:
tradition and modernity**

The role of military culture in the process of teaching to Russian cadets is studied. The changing role of the military culture is considered in historical perspective. The modern state ideology of military education is analyzed. The tendency of the modern Russian army to return to traditional values of military culture is noted.

Key words and word-combinations:
military culture, Russian army, education.

Исследуется роль военной культуры в процессе обучения российских курсантов. Изменение роли военной культуры рассматривается в исторической перспективе. Анализируется современная государственная идеология военного образования. Отмечается тенденция возвращения современной Российской армии к традиционным ценностям военной культуры.

Ключевые слова и словосочетания: военная культура, Российская армия, образование.

УДК 355(470+571)
ББК68.4(2)+68.41

V.V. Даутов, А.В. Коротенко

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССАХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В последнее время авторитет армии и привлекательность карьеры военного в глазах общества существенно возросли. Это связано не только с улучшением благосостояния военных, но также и с изменением самого армейского «климата». Возвращение к корням традиционной военной культуры России, тесно связанным с нормами и ценностями православия и содержащим в себе высокие идеалы русского воина, благоприятно отразилось на культуре современной Российской армии. Дальнейшее улучшение ее имиджа невозможно без комплексного культурологического исследования традиционной и современной российской военной культуры, равно как без четкой программы ее внедрения в образовательный и воспитательный процессы.

Традиционно армия не только укрепля-

ла дух русского народа, но и выковывала российскую элиту. По мнению М.А. Бондаренко, российские военно-учебные заведения наряду с отличной военно-профессиональной подготовкой традиционно давали курсантам прекрасное образование в гуманитарной и других областях. В результате такой образовательной политики государство и общество получали и профессионально эффективный офицерский корпус, фактически предопределивший успехи России на полях ряда войн, «... и блистательных деятелей науки, искусства и образования, выдающихся ученых и руководителей учреждений военного образования, продолжавших политику подготовки офицеров, нацеленную на формирование всесторонне развитой личности» [1, с. 52]. Таким образом, военная культура оказывает существенное воздействие на общество, с одной стороны, задавая широким массам определенные нормы, ценности, правила поведения, и, с другой – формируя не только военную, но и гражданскую элиту.

Военная культура – это созданная и функционирующая внутри военного коллектива совокупность формальной и неформальной культур, каждая из которых слагается из материальной и духовной составляющих, включающих ценностно-нормативные, духовно-идеологические и знаково-символические элементы, обеспечивающая мотивацию и регуляцию военной деятельности. В некоторых исследованиях военная культура представляется частью военной науки, то есть совокупности знаний, закрепляемых в сознании служащего в процессе обучения и воспитания: «Уже к концу XVIII в. из военных знаний выделились как самостоятельные науки военная история и военная наука. Последняя стала включать в себя ряд теорий, учений фундаментального порядка, а также прикладные исследования о войне и армии. Во второй половине XX в. явно различались философия и социология, общая теория войны, теории стратегии и тактики, строительства армии, обучения и воспитания личного состава» [2]. Как видно, воспитание личного состава, его приобщение к определенным нормам, ценностям и правилам поведения традиционно является частью усваиваемых знаний.

Многие авторы справедливо полагают, что традиционная военная культура России была неотделима от православия. Так, согласно мнению А. Черкасова, «воинская культура России имеет те же духовно-нравственные основы, что и вся культура России: это православие, самобытная культура русского народа, а также национально-культурные основы и особенности многих других народов России. Православная вера, объединение вокруг идеалов православия, сохранение и защита единого православного Отечества, стремление к внутреннему духовному самосовершенствованию – вот столпы, на которых возрастали Святая Русь, Россия и ее воинство. Трехединая история распространения православия, развития Церкви, формирования армии и государства – это и есть, собственно, история становления России как великой державы» [3]. Действительно, православие является одной из основ военной культуры России. В модернизированной Советской армии сохранились многие светские традиции царской армии, но существенно трансфор-

мировались ценностные основы: на первое место вышли понятия служения Родине, коммунистической партии, советскому народу. Только идея бескорыстного служения Родине позволила Советской армии выстоять в годы Великой Отечественной войны [4].

Структура военного образования в дореволюционной России включала в себя следующие военно-учебные заведения: военные прогимназии, (военные школы), кадетские корпуса, юнкерские училища, военные училища и, наконец, военные академии. В оценке эффективности их работы современные историки далеки от расхожих мнений 1990-х годов, идеализировавших образы русского офицера и солдата. Известно, например, что уже в кадетских корпусах существовали разнообразные формы неуставных отношений, таких, как ритуалы «перевода» кадета из одной статусной группы в другую.

Морально-нравственная подготовка солдат русской армии накануне Первой мировой войны велась достаточно интенсивно: «Некоторые ротные командиры считали необходимым подбирать для каждого новобранца двух учителей: один преподавал бы только уставы и занимался с солдатом в часы занятий, а другой – следил бы за каждым шагом солдата в свободное от занятий время» [5, с. 34]. Контроль над жизнью новобранца как в военной части, так и за ее пределами позволял достаточно эффективно осуществлять его обучение и воспитание. Ахиллесовой пятой воспитания солдат было их фактически бесправное положение по отношению к офицерам, отражающее классовое неравенство и превращающее солдата в безыдейное, боящееся наказания существо. Это послужило основанием для осуществленной большевиками деморализации русской армии в годы Первой мировой войны и было искоренено в Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Система подготовки офицерских кадров императорской армии включала в себя обязательные процедуры тестирования, выявляющие не только уровень профессионализма офицера, но также и его морально-нравственный облик: «Традиция самовоспитания и самообразования офицерского состава, по мнению военных педагогов дореволюционной России, являлась важнейшим путем формирования основных военно-профессиональных качеств. Человек, посвятивший себя военному делу, обязан был непрестанно повышать военно-профессиональный уровень, вырабатывать в своем характере те черты, которые позволили бы ему высоко нести звание офицера» [6, с. 56]. Самообразование и самовоспитание не являлись самоцелью, но были необходимы для успешного прохождения аттестации. Аттестация проводилась в несколько этапов, первым из которых была анкета, бланк которой каждый из офицеров заполнял на каждого из своих сослуживцев.

Содержание анкеты дает прекрасное представление о характере военной культуры, прививаемой высшим чинам. Аттестуемый должен был оценить своих сослуживцев по следующим пунктам: «1. Отношение к военной службе: любит службу, относится безразлично, относится пренебрежительно. 2. Отношение к обязанностям службы: с уважением, добросовестно, недобросовестно. 3. Отношение к начальникам: исполнитель, неисполнитель, заис-

кивает. 4. Отношение к товарищам: всеми уважаем, хорошее, плохое. 5. Отношение к подчиненным офицерам: тактичное, нетактичное. 6. Отношение к подчиненным нижним чинам: умелое, неумелое, сердечное, пренебрежительное. 7. Отношение к своему слову: безукоризненное, легкомысленное, не держит слова. 8. Подготовка к командованию: подготовлен отлично, подготовлен, подготовлен недостаточно. 9. Отношение к военным наукам: интересуется ими, безучастен к ним. 10. Отношение к аттестационному делу: добросовестное, небрежное. 11. Отношение к форме одежды: серьезное, легкомысленное. 12. Положительные качества: благороден, безупречно честен, трудолюбив, правдив, тактичен, вежлив, умен, в карты не играет, к военной службе способен, здоровьем крепок. 13. Отрицательные качества: неблагороден, нечестен, лжив, ленив, нетактичен, невежлив, глуп, много пьет, много играет в карты, к военной службе неспособен, здоровьем слаб. 14. Отношение к доброму имени полка: работает для полка, безучастен, вредит. 15. Желателен для полка или нет: желателен, безразличен, нежелателен» [7, с. 3–4].

Анализ данной анкеты показывает, что совокупность положительных и отрицательных качеств (пп. 12–13) создает общий облик офицера. Значимыми в аспекте военной культуры оказываются также отношение к военным наукам и военной форме (п. 9, 11). Отношение к доброму имени полка, умение бескорыстно служить общему делу, добросовестно относиться к своим обязанностям как бы завершают морально-нравственный портрет русского офицера. Несмотря на это, в самом образовании офицеров наличествовали ощутимые погрешности. Наиболее существенная из них – низкий уровень специальных знаний: «К примеру, многие авторы отмечают слабое внимание к выработке инициативы и вообще практических навыков. Занятия состояли почти исключительно из лекций. На выходе вместо высококлассных штабных работников получались теоретики, далеко не всегда представляющие, как действовать в реальной обстановке. Еще одной проблемой был огромный расход времени на некоторые совсем устаревшие предметы, как изображение рельефа местности в штрихах. Вообще это искусство было столь запоминающимся предметом, что о нем недобрыми словами пишут многие мемуаристы» [8]. Согласно Н. Баринову офицеры также имели скудные знания в области общественных и политических наук, а потому не могли эффективно противостоять большевистской пропаганде. Таким образом, несмотря на высокие духовные качества, готовность погибнуть во имя Родины, русское офицерство представляется слабо подготовленным к реальным военным действиям и эффективно управлению солдатской массой.

Создание Рабоче-крестьянской Красной Армии было утверждено Декретом от 15 (28) января 1918 г., а уже «с февраля 1921 г. руководство политико-просветительной работой в РККА и РККФ осуществляла входившая в систему Народного комиссариата просвещения РСФСР военная секция Главполитпросвета, которая состояла из канцелярии, библиотечного коллектора (склада), отделений: клубного, библиотечного, партийных школ, школьного, агитационного, ВЧК по ликвидации безграмотности (временно)» [9]. Одной

из насущных задач, ставившихся в этот период, была ликвидация безграмотности, решение которой позволило бы вести более эффективную воспитательную работу в солдатской среде. Одним из первых уставов Рабоче-крестьянской Красной Армии явился Устав внутренней службы, утвержденный 29 ноября 1918 г. Примечательно, что при его разработке за основу были взяты уставы императорской армии.

Для более успешного осуществления агитации среди солдат в 1922 году была издана «Серия пособий политрукам к политическому уставу», включающая разъяснения наиболее значимых положений нового военного Устава. Основная задача Красной Армии согласно этому документу немногим отличается от задач императорской армии, однако, по понятным причинам, исчезает все, что связано с «темным» прошлым. Так, из связки «Царь и Отечество» исчезает царь, в то время как понятие Отечества заменяется понятием трудовой родины: «Красная Армия свое оружие применяет только для защиты трудовой родины, только для освободительных целей, ибо рабочий класс живет исключительно своим трудом, а не грабежом себе подобных» [10]. Как явствует из источника, Красная Армия получает еще одну, стратегическую, задачу: освобождение трудящихся других стран от гнета помещиков и капиталистов. Основными отличиями между дореволюционной и революционной армиями представляется полноправие солдата как с офицерами, так и по отношению к обществу. Если в императорской армии существовал произвол офицеров, муштра, а общество относилось к солдату в лучшем случае с жалостью, то в Красной Армии между солдатом и офицером установлены товарищеские отношения при одинаковых правах на пользование общественными благами.

В годы Великой Отечественной войны перед советским руководством встали иные задачи: сплотить армию и многонациональный народ в единое боеспособное целое. Эта непростая задача не могла быть решена на идеологическом уровне иначе, чем посредством апелляции к историческому прошлому России, героическому опыту отстаивания свободы и независимости от ига иноземных захватчиков. В плакатах этого периода солдат советской армии становится былинным богатырем, то зорко стерегущим границы Родины («Славна богатырями земля наша», «Во имя Родины»), то пронзающим копьем винтовочного штыка гипертрофированно отвратительного фашиста. Последний зачастую выступает в образе мифологического Змея («Смерть фашистской гадине», «Раздавим фашистскую гадину»), в чем можно усмотреть один из наиболее древних общеиндоевропейских сюжет – сюжет змееборчества. Особое внимание в плакате уделено мотиву освобождения России от иностранных интервентов. На одном плакате на фоне памятника Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому изображен пожилой мужчина с поднятым вверх автоматом. Надпись гласит «Наши силы неисчислимы». На другом плакате Дмитрий Пожарский на коне возвышается над идущими в атаку бойцами советской армии, как бы защищая их. Примечательна надпись, состоящая из двух, идущих параллельно друг другу, высказываний: «Наша правда. Бейтесь до

смерти» (Дмитрий Пожарский) и «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков» (Иосиф Сталин). Сталин тем самым как бы продолжает высказывание и дело Пожарского, вдохновляя армию и народ на защиту Родины. Связь с многовековой русской военной традицией подчеркивается и введением в 1942 г. новых орденов: «В целях поощрения личного состава Вооруженных Сил Президиум Верховного Совета СССР весной и летом 1942 г. учредил ряд новых военных орденов. 20 мая 1942 г. был учрежден орден Отечественной войны, а 29 июля – ордена Александра Суворова, Михаила Кутузова, Александра Невского» [11, с. 309].

Идеологическая неопределенность, ощущаемая в России 1990-х и начале 2000-х, внесла свои коррективы в воспитательный и образовательный процессы всех, включая военные, учебных заведений. Это позволило ряду исследователей заявить о перерождении армии в силовую структуру: «Армия – ключевая опора любой цивилизации. Это – важная ипостась народа. Свою современную армию Россия выращивала, как и науку, 300 лет. В армии воплощены главные смыслы и коды культурных ценностей и мировоззренческих установок. С 1991 г. делаются попытки изменить культурный тип российской армии, превратить ее в “силовую структуру”, равнодушную к проблеме добра и зла» [12, с. 33–34]. Однако с этим выводом невозможно согласиться, поскольку именно в эти годы в Российскую армию постепенно возвращается традиционная система ценностей, связанная с установками Русской Православной Церкви. Не исключено, что возвращение православной веры в сознание военных будет способствовать укреплению связи современной Российской армии с веками сложившимися воинскими традициями. Однако здесь есть свои сложности. Во-первых, сегодня армия многонациональна, в силу чего российская военная культура не может быть единственным компонентом образовательного и воспитательного процесса. Необходимо изучать военную культуру всех составляющих современную армию национальностей, по мере необходимости включая ее в данный процесс. Во-вторых, возможно, что идее единого многонационального государства в большей мере соответствует советская военная культура, базировавшаяся на светских основаниях. В конце концов, военно-патриотическое воспитание Советской армии и народа доказало свою эффективность в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, система военного образования и воспитания в императорской армии первой половины ХХ в. опиралась на православную духовную культуру, в то время как морально-нравственное совершенствование являлось необходимым компонентом службы не только офицеров, но и солдат. И все-таки Первая мировая война указала на идейную слабость основного состава императорской армии, чем не преминули воспользоваться большевики. Несмотря на то что при разработке первых уставов Революционной Рабоче-крестьянской Красной Армии за основу были взяты уставы императорской армии, из них был исключен религиозный компонент, делался акцент на гражданское полноправие солдат и офицеров, в том числе включая

щее свободный доступ к культурным благам. В то же время в период Великой Отечественной войны официальный дискурс власти всячески подчеркивал преемственность российских воинских традиций. После распада Советского Союза недостаток военной культуры стал явственно ощущаться как в Российской армии, так и в армиях бывших союзных республик. Это указывает на необходимость возвращения элементов военной культуры в образовательный и воспитательный процесс. На каком из оснований будет базироваться военная культура современной Российской армии (светском или духовном), в итоге зависит от характера государственной идеологии. В настоящее время политические события указывают на тенденцию возвращения российских политиков к идее единого многонационального государства. Это означает принципиальную возможность возвращения к идеалам, нормам и ценностям военной культуры.

Библиографический список

1. *Бондаренко М.А.* Воин-мыслитель, воин-писатель, воин-творец: Выпускники военно-учебных заведений Российской империи в русской словесности // Военно-исторический журнал. 2011. № 11.
2. *Кикнадзе В.Г.* Эволюция, философские проблемы и роль военной науки // Военно-исторический журнал. № 4. 2009. URL: <http://history.milportal.ru/archiv/voenno-istoricheskij-zhurnal-2009-g/voenno-istoricheskij-zhurnal-4-2009-g/>
3. *Черкасов А.* Духовная основа воинской культуры. URL: <http://prizyvnikmoy.ru/news/2011-01-31-40>
4. *Кожевин В.Л.* Неформальные традиции российской военной школы конца XIX – начала XX в. // Военно-историческая антропология: ежегодник: 2002. М., 2002. Предмет, задачи, перспективы развития.
5. *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 10.
6. *Масягин В.П.* Муштруйте и воспитывайте... сначала себя, потом солдата // Военно-исторический журнал. 2005. № 3.
7. *Коровин В.М.* «Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом»: аттестация офицеров в русской армии // Военно-исторический журнал. 2004. № 3.
8. *Баринов Н.* Подготовка офицеров царской армии (мифы и реальность). URL: http://actualhistory.ru/myth-officery_study
9. *Минкина А.А.* Культурно-массовая работа в РККА и РККФ в 1921–1940 гг. // Военно-исторический журнал. № 12. 2009. URL: <http://history.milportal.ru/archiv/voenno-istoricheskij-zhurnal-2009-g/voenno-istoricheskij-zhurnal-12-2009-g/>
10. Пособие политрукам по политическому уставу. URL: <http://www.garnizon-brest.com/vikforum/viewtopic.php?f=24&t=121>
11. 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968.
12. *Кара-Мурза С.Г.* Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации. М., 2010.

G.A. Balykina
Transformation
of Communicative Practices
of Managerial Education

The author studies the transformation of communicative practices organization principals that dominate in a given communicative education environment at different stages of education and society evolution. Special attention is paid to the analysis of the perspectives of communicative practices adequate to the challenges of the new millennium and the search for new forms of educational resources. Communicative practices of simulation, designing and programming are considered as the priority forms in managerial education.

Key words and word-combinations: communicative practices, education, simulation, designing, programming.

Исследуется проблема трансформации принципов организации коммуникативных практик, доминирующих в конкретной коммуникативной образовательной среде на различных этапах становления образования и общества. Особое внимание уделяется перспективам развития образовательных коммуникативных практик, отвечающих вызовам нового тысячелетия и поиску новых образовательных ресурсов. Подчеркивается значимость коммуникативных практик проектирования, моделирования и программирования как приоритетных форм в управленческом образовании.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативные практики, образование, моделирование, проектирование, программирование.

УДК 371.69:004+351
ББК74.04+67.401.12

Г.А. Балыкина

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросы трансформации сфер образования и управления занимают ключевое место в дискуссиях о стратегии социально-экономического развития России. Объективные возможности для эффективного решения этих, казалось бы, далеких друг от друга, но тем не менее взаимосвязанных и взаимозависимых задач заложены в идее образовательных институтов, поскольку они представляют собой особую искусственную социальную среду. Во-первых, эта среда обладает возможностью отбирать достаточно фундаментальные характеристики социальной среды, содействующие становлению, коррекции и развитию желательной системы отношения к миру. Во-вторых, образование устанавливает логичность и последовательность концептуальных процедур, которые интегрируют различные системы знания и позволяет тем самым сформировать необходимые компетенции.

Но само образование нового тысячелетия вызывает много вопросов и заставляет ученых и практиков задуматься о том, стоит ли продолжать уже сложившуюся и хорошо зарекомендовавшую себя в прошлом традицию образования, создавать принципиально новое образование или искать новые, отвечающие требованиям времени эффективные модели, не отказываясь от традиционных.

Инновационная система образования находится в стадии становления, и, следовательно, ее характеристики во многом гипотетичны.

тетичны, требуется выработка новых понятий или рефлексия уже существующих для ее описания. На наш взгляд, представляется целесообразным использовать инфраструктурный потенциал социальной коммуникации и интерпретировать образовательные модели в терминах теории коммуникации, поскольку данная методология позволяет рассматривать современную образовательную систему как динамично развивающуюся среду, обладающую специфическими, присущими только ей регулятивами и вместе с тем составляющую единое целое с обществом, основанном на знании [1, с. 27]. Моделируемые коммуникативные практики предполагают согласованный набор действий, а также определенный образ мыслей и речи, направленный а) на взаимосвязь-взаимодействие и обмен сущностями материального и духовного порядка (мыслями, способностями, информацией и деятельностью, эмоциями, ценностями); б) на реализацию внутренней потенции самосознающего индивида; в) на актуализацию и осуществление общественных отношений [2, с. 375]. Таким образом, коммуникативные практики объединяют плоскости теоретической этики, социальной практической жизни и практической деятельности субъекта.

Для определения направления развития современного образования представляется необходимой рефлексия трансформации принципов организации коммуникативных практик, доминирующих в конкретной коммуникативной образовательной среде на различных этапах становления образования и общества.

Образовательная среда античности и средневековья задается тождеством мыслящего и мыслимого, а также особым состоянием традиционного знания, которое существует ради себя самого и свободно от связи с практикой, имея своим источником лишенный всякой материальности дух [3, с. 240]. «Образовательные задачи реализовывались за счет непосредственного участия в жизни кружка, в нахождении рядом с учителем. Учитель выделяет основные положения учения, формирует и поясняет их в работе с учениками языком баек, притч и схем» [4, с. 28].

Содержание образования связано с организацией общественной жизни и актуальной для жителей полисов необходимостью вести беседу, рассуждать, убеждать, выступать перед публикой. Рассуждения носят, как правило, прескриптивный характер и имеют нормативную или целевую направленность. Коммуникативные практики, нацеленные на разработку категорий и правил мышления, помогают избегать противоречий, получать знания, логически выстраивать мысль, а также принимать и понимать рассуждения, основанные на общепринятых понятиях, законах социального общежития. На этом этапе начинается разработка системы норм, регулирующей построение рассуждений, формирование моральной и интеллектуальной традиции, которая питает философию по настоящее время, а также создается «машина рационального мышления», позволяющая с помощью рассуждений получать знания о действительности непосредственно.

Поскольку для мифориторической культуры античности характерно единство слова, знания и морали, а Сократ даже приравнивает знание к добродетели, то продуктом образования становится интеллектуальная и моральная личность.

В эпоху средневековья в содержание образования привлекаются знания из других учений, традиций и культур и оно ориентируется на подготовку юристов и кадров для церкви, которая является хорошо организованной иерархической организацией, имеющей единый центр управления, единую идеологию, единый язык (латынь) и огромные финансовые и человеческие ресурсы. Главным условием научения является нравственное совершенствование. Образовательные коммуникативные практики разворачиваются вокруг непосредственной демонстрации образцов и, как правило, принимают форму работы с текстом, диспута, комментария, формальных рассуждений. Кадры высших управленцев готовятся при феодальных дворах и воспитываются в духе решительности, ответственности, верности слову, понимания своего места в иерархии, жизни в соответствии с принципами, а не ситуацией.

В эпоху Ренессанса или Возрождения появляется новая идея природы и прогресса, в центре внимания научной парадигмы находится познающий субъект, который является носителем универсальных познавательных способностей. Целью философии науки становится выявление инвариантной структуры научного знания и открытие социальных законов, управляющих поведением человека. Следовательно, происходит трансформация образовательных коммуникативных практик, которые направлены не только на передачу готового знания, но и на разработку и передачу теоретического знания, при этом на весь мир – и природный, и социальный – экстраполируются принципы механики. Продуктом образования становятся философы и богословы, а образованность ассоциируется со знанием греческих и латинских языков, сам язык предлагается в виде оснований и природы образования.

В Новое время происходит расширение рамок научного познания и переход от созерцания и мышления к практической деятельности. Научная культура сталкивается с проблемой определенной унификации средств анализа двух рядов явлений – ряда физического и ряда сознания, позволяющих создать интеллектуально удовлетворительную, полную картину мира. Речь идет о расширенной онтологии рационально постижимых явлений, введении феноменов, принадлежащих действию не природы, а сознания, психики и языковой артикуляции, в состав объективного определения устройства мира с его «фактами». Происходит «феноменологический сдвиг» (М.М. Мамардашвили), подразумевающий, что внимание сдвинулось к исследованию содержания от исследования существования, «в горизонтале которого все точки заняты ментальными формациями и их референтами – объектами внешнего мира» [5]. Образовательные коммуникативные практики теперь выстраиваются вокруг систематизации полученных знаний, работы с моделями.

Следует отметить, что в этот период создается особый тип культурной коммуникации, основанный на принципе универсальности, в рамках которой складывается традиционная европейская структура образовательного учреждения, с присущими ей представлениями о дисциплине, управлении, культуре специалиста-универсала. Появляются успешно работавшие в течение довольно длительного времени лекционно-семинарские или классно-урочные формы организации учебных занятий. Образование нацелено на подготовку естествоиспытателя.

телей и исследователей и формирование человека знающего, разумного, религиозного, стремящегося к достижению высшей ценности – истины. Важными качествами управленцев считаются дисциплинированность, способность четко и ответственно выполнять указания.

На всех этапах становления образования актуализируется разворачивание его содержания, совершенствование различных образовательных практик. Но радикально изменившиеся на стыке XX–XXI вв. условия общественной жизни, глобализация всех форм социального бытия поставили вопрос о трансформации этого содержания, поиске принципиально новых инновационных форм организации образования [6, с. 154]. Новые идеалы образованности, цели и содержание образования всегда формулируются на вызовы времени. Среди них, по нашему мнению, наиболее актуальными являются:

- изменение научного познания: содержание научного знания определяется скорее социальным контекстом, а не миром природы как предметом изучения;

- быстрое изменение культурных норм и требований к профессиональным компетенциям, проявляющихся в быстром отставании научного содержания образования от нужд практики;

- формирование мультикультурной цивилизационной ситуации, в которой каждая культура ищет собственную форму самоописания и самоопределения в истории и предъявляет собственные требования к образовательной системе;

- появление новых технологий распространения знаний (например, средства массовой информации), а также организованный доступ к мировой информационной сети, который приводит к стиранию граней между знанием и информацией и даже является средством удержания людей вне процессов деятельности и в конечном итоге упадку мышления [7, с. 55–58].

Таким образом новым идеалом образованности становится личность, способная адаптироваться к быстро меняющимся условиям и приоритетам, способная творчески осмысливать поставленные задачи и решать их нестандартными способами, определять и выстраивать траекторию собственного движения и, что немаловажно, обладающая самостоятельностью суждений.

Новые условия и появление сложных и многоуровневых управленческих систем, которые должны интегрировать действия разных организаций, в свою очередь требуют от управленца наличия системного мировоззрения, междисциплинарных знаний, опыта практической деятельности в нескольких секторах социосистемы. Он должен обладать навыками внутреннего перепрограммирования, коммуникативной работы в группе и способностью постоянно совершенствовать свой образовательный уровень.

Решение поставленных задач неизбежно приводит к индивидуализации управленческого образования, поиску новых форм коммуникативных практик и образовательных ресурсов. Индивидуализация образования подразумевает выстраивание индивидуальных траекторий образования, индивидуализацию программ самого учебного заведения, создание большого количества модулей и программ, позволяющих каждому приобрести уникальный набор компетенций.

Коммуникативные практики проектирования, моделирования и программирования становятся приоритетными формами в управленческом образовании. Подготовка к этим видам деятельности не может основываться на традиционной для образования передаче преимущественно теоретических знаний, она требует конструктивного мышления и имитации проектных и программных действий в обучении. Знание, полученное с их помощью, становится отправной точкой дальнейшего развития, превращается в новый тип знания. В таком случае главными образовательными ресурсами становятся методология, логика работы с информацией: критическое понимание, интерпретация и интеграция.

Это значит, что знание перестает быть самоценностью, а становится материалом для рефлексии, средством для решения других задач. Рефлексия дает возможность сформулировать получаемые результаты, установить цели дальнейшей работы, внести корректировку в свою образовательную траекторию. Только рефлексирующий человек в состоянии определить свое место в мире, смысл и цели своей жизнедеятельности [8, с. 121]. В данном случае система знаний, умений и навыков не просто передается личности, а формируется в ее сознании в различных ситуациях целенаправленной коммуникативной деятельности, подвергаемой процедуре рефлексивного анализа. Такой подход позволяет рассматривать знание как форму общности и переход к коммуникации как взаимодействию, в результате которого субъект образовательного процесса учится выстраивать свою собственную траекторию пути и, следовательно, принимает на себя ответственность за результаты своей деятельности.

Базовой средой для формирования рефлексивной позиции становится мыслекоммуникация, которая складывается из трех поясов: мысль-коммуникация, мысль-мысль и мысль-действие. Понимание выступает в качестве приоритетной цели, и, следовательно, предметное содержание (учебные задачи, проблемы) должно быть спроектировано и сконструировано так, чтобы создать потенциальные возможности для процессов мыследеятельности, которые объединяют в единое целое процессы понимания, рефлексии и коммуникации.

Особо следует отметить, что организация мыследеятельностной разновидности коммуникации способствует формированию коммуникативной компетентности человека. Она заключается в способности найти такие средства выражения, которые помогут достичь согласия или взаимопонимания без артикуляции собственных стратегических интересов, а также доказать (в терминах истины, точности и достоверности) свои значимые утверждения. При этом партнер по коммуникации не выступает в качестве средства для достижения собственных целей, а рассматривается как равноправная личность, чьи интересы принимаются во внимание наравне с собственными, что позволяет говорить о нравственном признании собеседников.

Меняются формы работы с текстом, так как постнеклассические установки на смыслопорождение, на невозможность конституирования финального смысла текста акцентируют отношение к тексту как средству упорядочивания актив-

ности обучаемого в процессе его взаимодействия с текстом. Значение появляется в контексте данных взаимодействий, в процессе социального взаимодействия, а следовательно, текст выступает в качестве исходной точки коммуникации и деятельности, а также является элементом образовательного производства. Г.П. Щедровицкий точно подметил, что понять текст – значит знать, что теперь делать.

Жизнеспособность и эффективность современного управленческого образования в конечном счете определяется его способностью выстроить образовательный цикл (проблематизацию, воспитание, передачу процедур деятельности, тренировку и, наконец, самоопределение) в соответствии с потребностями современного общества, а также адекватно реагировать на происходящие сдвиги и, более того, выявлять вызовы и потребности будущего. Выстраивание инновационной модели управленческого образования заставляет критически взглянуть на традиционные коммуникативные практики и задуматься, насколько они эффективны, какие из них стоит сохранять и воспроизводить, а какие должны быть переосмыслены и трансформированы. Необходимыми шагами на этом пути, по нашему мнению, являются: проведение эмпирических исследований коммуникативных взаимодействий в образовательной среде, внедрение результатов исследований различных наук (психологии, методологии, педагогики, философии, лингвистики и т.д.). Кроме этого, необходима разработка уникальных учебных курсов, которые направлены не столько на передачу теоретических знаний, сколько на воспроизведение логики порождения этих знаний и обучение способам деятельности с использованием коммуникативных практик проектирования, моделирования и программирования.

Библиографический список

1. *Стриганкова Е.Ю.* Социально-духовный аспект коммуникативных практик современного социума // Известия Саратовского университета: новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 26–29.
2. *Резаев А.В.* Об общении, его социально-философской рефлексии и возможностях социологии коммуникации // *Notophilosophans*: сб. к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Сер.: Мыслители. СПб., 2002. Вып. 12.
3. *Дьюи Дж.* Демократия и образование пер. с англ. М., 2000.
4. *Никитин В.А.* Идея образования, или Содержание образовательной политики. К., 2004.
5. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности // Электронная библиотека по философии. URL: http://www.philosophy.ru/library/mmk/knir/mam_rathtml
6. *Уфаева В.С.* Коммуникативный анализ современного политического пространства: подходы, тенденции, уровни // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 3 (32). С. 153–157.
7. *Громыко Н.В.* Интернет, постмодернизм и современное образование // Кентавр. 2001. № 27.
8. *Гришина Е.А.* Рефлексивная технология формирования иноязычной коммуникативной культуры студентов // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 3 (24).

**R.I. Ishmukhamedova
Historical Experience
of Post-Reform Russia
Educational Policy Realization
among Tatar Population
(based on the materials
of the Saratov Province)**

On the basis of the analysis of "Regulations on Measures to Educate Foreigners Living in Russia" the major directions of the school policy of the government of Alexander II in relation to Muslim (Tatar) population are revealed. Features of this policy in the Saratov Province are considered. The analysis points to the contradictions and limitations of this policy.

Key words and word-combinations: post-reform period, the education of Muslim Tatars, Saratov Region, education policy.

На основе анализа «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» раскрываются основные направления школьной политики правительства Александра II по отношению к мусульманскому (татарскому) населению. Рассматриваются особенности проведения образовательной политики в Саратовской губернии. Указывается на противоречивость и ограниченность результатов этой политики.

Ключевые слова и словосочетания: пореформенный период, образование татар-мусульман, Саратовская губерния, образовательная политика.

УДК 37.05+908
ББК 74.03+26.891

Р.И. Ишмухамедова

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РЕАЛИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
СРЕДИ ТАТАРСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Традиции школьного образования у татар Поволжья и Приуралья имеют глубокие исторические корни [1; 2]. Основным институтом обучения и воспитания подрастающего поколения являлись конфессиональные школы при мусульманской мечети – мектебэ (начальная школа) и медресэ (средняя и высшая школы). Проведенные правительством Екатерины II в последней трети XVIII в. мероприятия по либерализации этноконфессиональной политики позволили татарскому социуму в течение короткого времени создать разветвленную сеть мечетей и религиозных школ при них. К середине XIX в. фактически в каждой татарской деревне существовала хотя бы одна школа, полностью содержащаяся на средства махалли (общины).

Однако к тому времени обнаружилось, что мектебе, ориентированный исключительно на изучение Корана и арабской письменности, причем методом заучивания слогов и текстов, явно не отвечает потребностям социума, все более решительно втягивающегося в хозяйственно-экономическую жизнь и нуждающегося в положительных знаниях и практических навыках. В татарском обществе появились деятели (Г. Курсави, Ш. Марджани, Х. Фаизха-

нов, К. Насыйри и др.), которые стали строить планы реформирования мусульманской школы. Отдельные представители формирующейся национальной торгово-промышленной буржуазии выражали сочувствие этим планам.

Отмена крепостного права и другие либеральные реформы Александра II создали благоприятные условия для осуществления указанных планов. Российское правительство также искало пути и способы вовлечения татар и прочих «инородцев» в происходящие в стране обновленческие процессы. Одним из заметных «плодов» таких поисков стали утвержденные этим императором 26 марта 1870 г. «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (далее – «Правила...») [3].

Данный документ неоднократно становился предметом внимания и анализа в литературе [4; 5], что закономерно, ибо «Правила...» исключительно важны для понимания сути школьной политики царизма в отношении российских инородцев. Обращение автора статьи к документу диктуется двумя обстоятельствами: желанием выработать собственное понимание его сути и значения; стремлением выявить особенности, извлечь уроки практической реализации заложенных в нем положений в Саратовской губернии.

В губернии к 1860 г. согласно «Спискам населенных мест Российской империи, составленным и изданным центральным статистическим комитетом МВД», существовало 67 татарских деревень. Численность населения составляла 55 тыс. душ. Абсолютное большинство (74,6%) проживало в северных – Кузнецком и Хвалынском – уездах губернии. Было зарегистрировано 126 мечетей и 13 мектебе [6].

Пореформенный период стал временем ускоренного развития татарского народа как в росте численности, так и в культурно-образовательном отношении. По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., татарское население Саратовской губернии составляло 94,6 тыс. человек [7, с. 156]. Так, к 1894 г. число мусульманских школ в губернии увеличилось в 8 раз, достигнув 108. В них обучалось 6070 учащихся (мальчиков) [8, с. 58].

Рассматриваемые «Правила...» подразделяли нерусские народы Империи на две группы «инородцев»: христиан и мусульман. Пути обучения каждой из них отличались, хотя цель была одна – обрусение и «слияние с русским народом» [9, с. 53]. Обучение крещеных татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы полностью основывалось на системе Ильминского, для их «утверждения в православной вере и ознакомления с русским языком» предусматривалось учреждение четырехлетних школ с первоначальным преподаванием «на инородческих наречиях» [9, с. 55–57]. В пункте «б» данного документа татары-магометане (очевидно, к этой категории документ относил все тюркоязычные «племена», находившиеся под попечительством Оренбургского Духовного собрания: башкир, казахов и собственно татар) характеризовались как «племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере» [3, с. 15], из чего следовал вывод, что «обрусение» татар-мусульман может вестись лишь путем распространения русского языка и образования. При этом указывалось на необходимость избегать применения мер, которые могли бы породить у этого

населения опасения в посягательстве правительства «на отклонение детей от их веры». Как видно, правительство проявляло в деле «обрусения» татар необходимые умеренность и осторожность.

«Правила...» в целях распространения русского языка предусматривали использование следующих мер: 1) учреждения за счет казны в местностях со сплошным татарским населением начальных сельских и городских училищ; 2) облегчения детям татар-мусульман поступления в общие начальные народные училища; 3) настраивания местных магометанских обществ «учреждению на собственные средства классов русского языка при мектебе и медресе...» [3, с. 15]. Указывалось также на необходимость вовлечения в создаваемую систему девочек-мусульманок.

Как видим, в «Правилах...» 1870 г. были заложены некоторые прогрессивные буржуазные тенденции и идеи. Власти, заинтересованные в быстрейшем освоении природных богатств, стремились приобщить тюркские народы к общероссийским интересам. Средство для достижения этой цели они видели в распространении среди местного населения русской грамотности и русского языка. Учителями в русских классах могли быть как татары, так и русские, владеющие татарским языком. Планировалось издание учебников и учебных пособий для учащихся на их разговорном языке русскими буквами.

Положительным моментом являлось также содержащееся в «Правилах...» положение о создании при уездных училищах и гимназиях «подготовительных классов» для детей татар-мусульман с целью «подготовки их к поступлению в первый класс сих заведений» [3, с. 15]. К сожалению, в Казанском учебном округе «подготовительные» классы для татар не были организованы, поскольку «не возникло потребности» [10, с. 50]. В 1887 г. Министерство народного просвещения отменило эту льготу для мусульман. Причинами серьезных препятствий при реализации школьной реформы являлись следующие: почти поголовное незнание татарами русского языка; отсутствие учителей-татар со знанием русского языка; тяжелое материальное положение большинства татарского крестьянства. Правительство пыталось решить проблему распространения русского образования среди инородцев-мусульман, игнорируя факт наличия указанных препятствий и не имея четкой программы их преодоления.

Надзор за училищами татар-магометан, как и за русскими классами при мектебе и медресе, возлагался на инспекторов начальных народных училищ. В 1871 г. в Казанском учебном округе (КУО) была учреждена инспекция башкирских, киргизских (казахских) и татарских школ. В ее компетенцию входило: открытие «путем убеждения» для мусульман школ нового типа, общее руководство и наблюдение за ними, просмотр существующих и составление плана для издания новых книг, необходимых для преподавания в этих учебных заведениях [11]. В КУО на должность инспектора был определен известный тюрколог В.В. Радлов, приступивший к новым обязанностям в 1872 г. [10, с. 501].

Однако инспектор не располагал необходимыми административными полномочиями и финансовыми ресурсами. Распространение русской грамоты и

русского языка среди татарского населения продвигалось крайне медленно. В 1874 г. правительство решило передать надзор за учреждениями образования татар-мусульман из ведения МВД в Министерство народного просвещения. Из Казанского учебного округа был выделен Оренбургский учебный округ, которому передавались Пермская, Оренбургская, Уфимская губернии, Уральская и Тургайская области. В составе КУО осталось шесть губерний: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская.

Инспекция башкирских, киргизских (казахских) и татарских школ КУО попыталась активизировать работу по открытию русско-татарских начальных училищ и русских классов при медресе. В губернии был разослан составленный В.В. Радловым проект Инструкции инспекторам инородческих школ [12, л. 7–19 об.]. Одновременно были испрошены сведения о количестве училищ для нерусского населения. Согласно составленному в канцелярии губернатора документу в Саратовской губернии в это время функционировали 19 магометанских училищ с 1,5 тыс. учащихся [12, л. 5–6]. Очевидно, данные были не точные. Так, в самом густонаселенном татарами Хвалынском уезде были зафиксированы лишь три училища в двух деревнях – Зимницах и Бахтеевке. Между тем в этом уезде насчитывалось 25 татарских деревень, среди них такие крупные, как Старая Кулатка, Атлаш, Мостяк, Верхняя, Средняя и Новая Терешки. В каждой из них имелись не менее 4–5 махалля с мечетями и по 2–3 мектебе.

Как бы то ни было, со второй половины 1870-х годов внимание к проблеме образования татарского населения со стороны правительственных органов и земских учреждений возросло. Земствами стали предприниматься попытки к открытию начальных русско-татарских школ в крупных татарских деревнях. Из Отчета о состоянии народных училищ в г. Хвалынске и его уезде, представленного уездному земскому собранию, следовало, что в 1876 г. состоялось решение об открытии такой школы в деревне Мостяк. Был назначен учитель – некто по фамилии Боголюбов, определена смета на содержание (130 руб. от сельского общества и 100 руб. от земства) [13]. Однако в графе «число учащихся» значилось «0». Очевидно, желающих учиться в этой школе не нашлось, и школа так и не начала работать. Земская русско-татарская школа в Мостяке была открыта лишь в 1914 г. [14, с. 94].

Столь же мало результативными были усилия, направленные на открытие русских классов в конфессиональных училищах. Хотя «Правила...» и содержали требование «не допускать открытия новых мектебе и медресе иначе как с обязательством иметь при них учителей русского языка на счет магометанских обществ» [3, с. 16], однако добиться повсеместного выполнения этого требования не удавалось. В абсолютном большинстве случаев новые мектебе и медресе открывались без преподавания русского языка. Поэтому к 1895 г. во всем огромном Казанском учебном округе было открыто всего лишь 11 русско-татарских школ и 10 русских классов при медресе [10, с. 504]. Их абсолютное большинство располагалось в Казанской губернии. Обнаружить сведения о наличии таких учебных заведений в Саратовской губернии не удалось.

Одной из главных причин отсутствия прогресса образовательной реформы являлась острая нехватка учителей из коренного населения. Решению данной проблемы призвано было служить открытие в 1872–1876 гг. в Симферополе, Уфе и Казани татарских учительских школ. В Казани такая школа была открыта по инициативе В.В. Радлова в 1876 г. Казанская татарская учительская школа (КТУШ) с контингентом 40 штатных воспитанников (содержащихся за счет казны) стала «главной кузницей» педагогических кадров для нового типа правительственных и земских школ [10, с. 505]. Число учащихся в этой школе постепенно росло, в том числе за счет «своекоштных», «вольноприходящих», а также стипендиатов земств (в 1876 г. – 1, в 1901 – 5, в 1903 – 10) [10, с. 50]. Учиться в КТУШ поступали молодые татары не только из Казанской, но и соседних губерний: Вятской, Самарской, Саратовской, Астраханской.

Низкая результативность деятельности правительственных и земских учреждений в области просвещения татар-мусульман объяснялась, по нашему мнению, двумя группами причин. Первая из них затрагивает рассмотренную программу по открытию нового типа правительственных школ. Правительство в этом вопросе действовало крайне нерешительно и непоследовательно, словно нехотя. Даже проведение такой легко осуществимой меры, как ценз грамотности «по-русски» для вновь назначенных имамов, было растянуто на несколько лет. Открытие русских классов в мектебе и медресе было предоставлено доброй воле имамов, что чаще всего трактовалось ими как возможность избежать этой меры, которая могла доставить им дополнительные хлопоты. К тому же «Правила...» материальное содержание учителя русского языка всецело возлагали на мусульманскую общину. Вторая группа причин касалась политики в отношении существующих мусульманских школ. Вплоть до 70–80-х гг. XIX в. правительство фактически не замечало их существования. Тем более не могло быть и речи о том, чтобы вникнуть в их дела, проблемы, помогать в решении последних. В упомянутом проекте «Инструкции...» инспекторам вменялось в обязанность лишь *наблюдать* за всеми находящимися в учебном округе инородческими школами и училищами башкир, киргизов и татар. На них возлагалось выполнение в основном административных функций: 1) следить за тем, чтобы новые училища могли быть открываемы «не иначе... как с разрешения учебного начальства Министерства народного просвещения» [12, Л. 9 об.]; 2) добиваться того, чтобы в училищах употреблялись «...только печатные учебники и руководства, причем для преподавания магометанского вероучения допускаются лишь одобренные цензурой, а по другим предметам – одобренные сверх того учебным начальством»; 3) выдача свидетельств на звание мудариса (учителя) в медресе и мектебе «с соблюдением следующих условий: до 1 января 1880 г. от лиц, ищущих сего звания, требуется практическое знание ими русского языка; с 1 января 1880 г. удовлетворительное знание полного курса русских классов при медресе» [12, л. 9]. Кроме того, инспектор наблюдал за тем, чтобы «...во всех инородческих школах были введены: а) в мектебе именные

списки учеников; б) в медресе – книги о живущих в медресе шакирдах» и именные списки всех учеников. Инспектор также требовал от заведующих медресе и мектебе представления ежегодно «точных статистических сведений о личном составе их заведений» [12, л. 9 об.].

Как мы видим, влияние учебного начальства на систему мусульманского образования было минимальным, а в значительной степени – формальным. Функции инспекторов сводились к тому, чтобы «наблюдать» и «обозревать» подчиненные им училища. При этом они преследовали исключительно две цели: во-первых, внедрять русский язык и, во-вторых, не допускать в преподавании «...толкований, противных верноподданнической преданности Государю Императору и всему Августейшему Дому, любви к отечеству – России и возбуждающих неприязнь против христианского населения» [12, л. 17 об.]. Никакой речи о том, чтобы модернизировать систему школьного образования инородцев-мусульман, оказать этой системе государственную материальную и финансовую поддержку, не велось. Правительство, очевидно, вполне устраивало положение, когда татарское население на свои скудные средства содержало конфессиональную школу, не дававшую молодому поколению никаких полезных светских знаний. Более того, оно (правительство) всячески поощряло сохранение сугубо религиозного характера этой школы. Согласно инструкции, инспектор должен был наблюдать, чтобы преподавание магометанского вероучения «велось *догматически*» [12, л. 10 об.].

Необходимо также отметить, что введение в действие рассматриваемой весьма умеренной «Инструкции...» неоднократно откладывалось. Так, в 1882 г. было признано «более полезным не издавать проектируемую инструкцию, а пока предложить попечителям округов, чтобы они... поручили подлежащим органам учебного ведомства приступить к фактическому наблюдению за означенными школами» [12, л. 12]. Предлагалось «с должною осторожностью посещать эти школы, вникать в их обстановку и устройство, собирать о них статистические данные, давать, где можно, словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований, и об осмотре школ, по мере осмотра составлять отчеты, представляя оные попечителю для сообщения копий с них министру Народного просвещения» [3, с. 20]. В целом все сводилось к обычной практике бюрократического бумаготворчества: сбор сведений, необязательные советы, составление отчетов... И все это под благовидным предлогом «осторожного и мягкого обращения» с «фанатичным» мусульманским населением. В действительности речь шла о нежелании царского правительства всерьез заняться просвещением татарского населения.

Таким образом, деятельность царских правительств, проводимая в пореформенный период с целью повышения образовательного и общекультурного уровня инородческого населения Империи, наталкивалась на серьезные препятствия: мешали как религиозно-этнические предрассудки татарского населения, так и отсутствие у власти продуманной, целостной программы, учитывающей национально-культурные особенности этого населения; поэтому результаты этой деятельности были крайне ограниченными.

Библиографический список

1. *Амирханов Р.У.* Система конфессионального образования у татар // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность: очерки. Казань, 2002.
2. *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар. Казань, 1998.
3. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев. Выс. утв. 26 марта 1870 г. // Инородческие и иноверческие училища. СПб., 1903.
4. *Амирханов Р.У.* Татарское просвещение в зеркале истории (дооктябрьский период) // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность: очерки. Казань, 2001. URL: <http://www.tataroved.ru/institut/novhist/publ/1/>
5. *Днепров Э.Д.* Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. М., 1984.
6. Списки населенных мест, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1862.
7. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М., 2001.
8. *Рашитов Ф.А., Ишмухамедова Р.И.* Школьное образование у татар Саратовской губернии в пореформенный период (конец XIX – начало XX вв.) // Татары саратовского Поволжья: история и современность: сб. статей. Казань, 2009.
9. Журнал Министерства народного просвещения / Офиц. изд. М-ва народ. просвещения. 1870. № 3/4.
10. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. VI: Формирование татарской нации: XIX – начало XX в. Казань, 2013.
11. Национальный Архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 21858. Л. 4.
12. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2413.
13. Отчет о состоянии народных училищ в г. Хвалынске и его уезде. Саратов, 1878.
14. *Рашитов Ф.А.* Мостяк (1713–2013): Страницы истории татарского села. Саратов, 2013.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

A.V. Mendel
**Features of Socio-Economic
Systems Integration
of the Eurasian Economic
Community Countries**

Features of socio-economic systems integration in the EurAsEC countries are analyzed. The dynamics of socio-economic processes is considered. A new model of the EurAsEC countries economies integration, based on consulting for joint development of territories, is proposed.

Key words and word-combinations: integration of socio-economic systems, evaluating the effectiveness of resource use, territory development.

Анализируются особенности интеграции социально-экономических систем стран, входящих в ЕврАзЭС. Рассматривается динамика социально-экономических процессов. Предлагается новая модель интеграции экономик стран – участников ЕврАзЭС, основанная на консалтинге по совместному развитию территорий.

Ключевые слова и словосочетания: интеграция социально-экономических систем, оценка эффективности использования ресурсов, развитие территории.

УДК 388.100
ББК 65.52

А.В. Мендель

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗЭС

На момент подписания Таможенного союза участниками зарождавшегося альянса являлись лишь три страны: Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Беларусь. Сегодня в Евразийском экономическом сообществе уже шесть стран-участниц. В него вошли республики Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Статус наблюдателя предоставлен Молдове, Украине и Армении. В основе евразийского сообщества было стремление его участников к развитию сбалансированных и взаимовыгодных экономических отношений, основанных на прежнем опыте совместных работы и хозяйства. Сегодня в рамках ЕврАзЭС достигнуты серьезные результаты по углублению интеграции, вступили в силу многие межгосударственные документы, действует зона свободной торговли, приняты соглашения по формированию Транспортного союза, общего рынка

энергоресурсов, взаимодействию энергетических систем, создана система согласования основных макроэкономических показателей, начал работать Совет по финансово-экономической политике. Анализ социально-экономической статистики свидетельствует, что сегодня во всех странах Сообщества отмечается устойчивый темп экономического роста и повышения заработной платы, замедление инфляции, стабильный курс национальных валют по отношению к доллару США.

Так в 2012 г. по сравнению с 2011 г. денежные доходы населения Республики Беларусь увеличились в 1,9 раза при росте потребительских цен на товары и услуги за этот период в 1,6 раза; реальные располагаемые денежные доходы – на 21%, снижен уровень малообеспеченности населения Республики Беларусь (доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума) за 2012 г. до 6,3%. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников в Республике Беларусь в январе – декабре 2012 г. по сравнению с соответствующим периодом 2011 г. увеличилась на 93,5 % и составила 3676,1 тыс. рублей (439,2 доллара США), в том числе в декабре – 4656,7 тыс. рублей (542,3 доллара США) [1].

Согласно последнему опубликованному Докладу о человеческом развитии, подготовленному Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Республика Беларусь улучшила свою позицию в международном рейтинге по индексу человеческого развития и заняла 50-е место среди 187 стран [2, с. 143–152]. Россия занимает 55-е место, Казахстан – 69-е, Украина – 78-е, Азербайджан – 82-е, Армения – 87-е. Остальные страны СНГ (Туркменистан, Молдова, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) включены в группу стран со средним уровнем человеческого развития [2, с. 143–152].

Экономика Казахстана в 2012 г. продолжала развиваться, несмотря на воздействие нарастающих кризисных явлений в мировой экономике – все основные социально-экономические показатели Казахстана имеют положительные темпы прироста: рост ВВП (январь – июнь 2013 г.) составил 105,1%, краткосрочный экономический индикатор (январь – октябрь 2013 г. к январю – октябрю 2012 г.) – 104,8%, рост (январь – октябрь 2013 г. к январю – октябрю 2012 г.) отраслей экономики (индекс физического объема, %) составили в промышленности 102,3%, сельском хозяйстве 106,6%, строительстве 102,9%, торговле 112,6%, транспорте 107,4%, связи 114,1% [3].

Увеличение промышленного производства Кыргызской Республики в январе – июле 2013 г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года обеспечено за счет роста объемов в металлургическом производстве (в 1,5 раза) и производстве готовых металлических изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов (на 33,6%). В сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве рост объемов валовой продукции в Кыргызстане в январе – июле 2013 г. обусловлен увеличением количества продукции растениеводства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 9,4%. Рост инвестиций Кыргызской Республики в основной капитал обеспечен также за счет увеличения объемов строительства объектов обрабатывающей промышленности в 2,3

раза, гостиниц и ресторанов – в 1,9, здравоохранения и предоставления социальных услуг – в 1,6, жилищного строительства – в 1,3 раза [4]. Продолжается динамичное развитие промышленного комплекса. Активно наращиваются объемы инвестиций в экономику стран Сообщества. Взаимный торговый оборот стран Сообщества вырос за последние пять лет в два раза, в то время как у других стран СНГ – лишь на 11%. На долю ЕврАзЭС приходится более 70% внешне-торговых операций на пространстве СНГ. И как результат – темпы экономического роста стран ЕврАзЭС составляют в среднем около 7% в год.

Однако наряду с достигнутыми результатами в развитии стран ЕврАзЭС сохранились и общие проблемы. Среди них недостаточно высокий уровень жизни; низкая конкурентоспособность товаров собственного производства. По конкурентоспособности Казахстан занимает 56-е, Россия – 62-е, Таджикистан – 96-е место в мире.

Вопрос о том, почему это происходит, был освещен на заседании XII Российского экономического форума «Развитие экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС». По мнению ученых, основная причина кроется в том, что в рамках Сообщества пока так и не удалось в полной мере задействовать все рычаги и механизмы сотрудничества. Во взаимной торговле продолжается применение антидемпинговых мер, уровень интеграции в аграрной сфере остается крайне низким, кроме того, не всегда удается достичь согласованности в реализации транспортной и энергетической политики.

Страны – участницы ЕврАзЭС обладают колоссальным человеческим и ресурсным потенциалом, огромной территорией, развитой наукой и богатой культурой, имеют примерно одинаковый уровень развития производительных сил и зрелости рынка и, что крайне важно, – взаимодополняемые и взаимозависимые национальные экономики. На пространстве ЕврАзЭС не существует языковых барьеров, что упрощает проблему коммуникации, развитие экономических и гуманитарных контактов. Члены Национального экономического совета считают, что необходим документ на долгосрочную перспективу – на 15–20 лет и на период до 2050 г., в котором будут сформулированы стратегические цели и задачи, определены экономические и социальные индикаторы развития стран ЕврАзЭС. Однако, как следует из докладов участников форума, необходима новая модель интеграции, которая будет действительно эффективной, включающей и развитие единого транспортного пространства. Оно связывает экономики государств, без него невозможно увеличить объемы взаимной торговли. Необходимо добиться реальных результатов, что будет способствовать продлению панъевропейского коридора № 2 в направлении Казахстан – КНР; развитию Транссибирского транспортного коридора, проходящего через три страны ЕврАзЭС – Казахстан, Россию и Беларусь, и маршрутов, соединяющих Транссиб с Казахстаном и Китаем. Требуется формирование общего энергетического рынка, в первую очередь, создание условий для беспрепятственного перемещения энергоресурсов и выработка единых технических стандартов стран-участниц Сообщества. Большое внимание в геополитическом плане следует уделить распределению ресурсов стран – участниц ЕврАзЭС [5]. Решить эти масштабные задачи возможно

лишь при условии конструктивного взаимодействия власти, бизнеса и общества конкретных территорий, в частности приграничных. «Регионы стран ЕврАзЭС должны активнее участвовать в углублении интеграционных процессов через развитие межрегиональных связей. Особенно – приграничные территории, перечень которых мы должны четко определить. Кроме того, мы должны выработать единые для всех стран Сообщества льготы, действующие в приграничной торговле товарами и услугами, порядок предоставления данных льгот» [5].

Обзор и анализ последних документов, посвященных проблемам ЕврАзЭС, позволил определить проблемы социально-экономического характера, общие для стран – участниц ЕврАзЭС, одной из которых является проблема перетекания ресурсов в мегаполисы. Лишь в нескольких достаточно крупных центрах – крупнейших городах локализируются так называемые «центры управления» всеми возможными ресурсами, где появляются возможности реализации стратегий развития в условиях современной постиндустриальной экономики. Это обуславливает приток в эти города-центры наиболее перспективной части экономически активного населения, что совершенно негативно влияет на социальный ландшафт малых городов, и тем более сельских территорий. Эти процессы происходят на фоне резкого и достаточно длительного падения естественного прироста населения. Падение естественного прироста населения в 1990-е годы (в частности, в России больше чем в два раза) приведет к серьезному дефициту социальных ресурсов в середине века.

Некоторые крупные города стран – участниц ЕврАзЭС с учетом деиндустриализации и диверсификации своих экономик располагают и необходимыми ресурсами и перспективами стратегического развития. Кроме того, человеческий потенциал, который аккумулируется в таких крупных городах-центрах, фактически ориентирован на совершенно иной, качественно новый уклад жизни в эру инновационной экономики. Указанные процессы приводят к так называемому «перетеканию» ресурсов, а как следствие и перспектив развития, из малых городов и сельских поселений, за исключением тех территорий, что расположены в непосредственной близости к крупным городским центрам, в сторону крупнейшей городских агломераций.

Приоритетное направление, которое объединит все сферы в перспективе развития интеграционных процессов, для экономик стран – участниц ЕврАзЭС должно быть связано с анализом и проектированием в масштабе развития территорий – консалтинг по совместному развитию территорий, в частности приграничных. Необходимо создание единой концепции развития регионов и территорий стран – участниц ЕврАзЭС, которая комплексно позволит решить проблемы не только социально-экономического характера, но и связанные с интеграцией в рамках ЕврАзЭС и с процессами всеобщей глобализации. Именно такое направление будет радикально отличать проекты развития территорий от проектов реализации конкретных частных или отраслевых интересов. Однако это направление должно учитывать оценку эффективности использования ресурсов, с одной стороны, и вопросы социально-экономической безопасности интеграционных процессов – с другой.

Территории стран – участниц ЕврАзЭС характеризуются очень высокой дифференциацией по уровню своего развития, связанному с их отраслевой специализацией и с историческими предпосылками и особенностями индустриального развития в советские годы. Оценка устойчивости развития территорий и определение вектора социально-экономического развития – достаточно сложная процедура, требующая большого количества информации, но она необходима для выявления конкретных целей социально-экономической политики не только в рамках одного государства, но и в целях поддержания благоприятного социально-экономического климата в сообществе. Требуется модель комплексной универсальной оценки, включающей показатели не только характеризующие экономику изучаемой территории, но и показатели социальной, политической и экологической стабильности, так как надежность системы определяется надежностью ее элементов. Экономическая безопасность территории, в свою очередь, зависит от уровня самообеспеченности, самофинансирования и самокупаемости территории. Отдельное внимание следует уделить вопросам продовольственной безопасности. Сегодня основополагающими международными документами в области продовольственной безопасности являются Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности и План действий всемирной встречи на высшем уровне по проблеме продовольствия (Рим, 13 ноября 1996 г.). Обострение мировой продовольственной проблемы в XXI в. обусловлено, главным образом, более высокими темпами роста населения по сравнению с увеличением производства продовольствия и резким сокращением основных ресурсов, нужных для производства сельскохозяйственной продукции. Только в 2008 г. народные волнения против роста цен на продовольствие вспыхнули в 40 странах мира, в том числе и в соседнем Узбекистане. По данным ООН, с 2002 г. рост мировых цен на продовольствие составил 65%, на зерно – 42, молочные продукты – 80%. Из-за бедственного положения с продовольствием 36 стран мира нуждаются в срочной международной помощи. Мировой опыт показывает, что граница продовольственной безопасности находится на уровне импорта продовольствия в размере 18–35% потребности.

Проблема продовольственной безопасности для стран – участниц ЕврАзЭС является в настоящее время одной из ключевых. Это связано в том числе с влиянием глобального кризиса и спадом производства в отраслях сельского хозяйства государств ЕврАзЭС. При этом территории стран, входящих в ЕврАзЭС, располагают огромным потенциалом АПК. У данных государств есть все предпосылки и мощный потенциал, чтобы стать ведущими мировыми производителями продовольствия. Уже сегодня Казахстан является крупнейшим экспортером зерна, а по экспорту муки занимает первое место в мире. О наличии у АПК Республики Казахстан огромного потенциала свидетельствуют значительный объем сельскохозяйственных угодий, общая площадь которых составляет 223 млн га, высокий трудовой потенциал села (в сельской местности проживает более 47% населения страны); благоприятные климатические условия для выращивания зерновых и зернобобовых культур,

картофеля и овощей; значительный потенциал территорий пастбищ для занятия животноводством. Однако при этом, по данным Министерства сельского хозяйства, Казахстан завозит около 40% молочной, 29 – мясной и около 43% – плодоовощной продукции.

Положительная динамика в вопросах продовольственной безопасности наблюдается в России. По подсчетам ученых, общий уровень продовольственной безопасности в России за последние 15 лет вырос на 9% и сейчас составляет 89% [7]. Стабильность общего уровня продовольственной безопасности в Российской Федерации говорит о том, что в целом страна способна обеспечить себя и в случае каких-либо санкций со стороны Запада. При этом по ряду основных продуктов питания ситуация в России не столь благополучная. Так, по молоку уровень продовольственной независимости составляет около 80%, по мясу – 75,9%. Это примерно на 10% ниже уровней, установленных доктриной продовольственной безопасности. По отдельным видам мясной продукции, например по говядине, фактический уровень независимости более чем в два раза меньше порогового уровня [7].

По данным ученых и специалистов, на начало 2014 г. Кыргызстан из девяти необходимых видов продуктов обеспечивал себя полностью только тремя. «Это картофель, молоко и овощи. Обеспеченность по хлебопродуктам и муке составила 47%, мясу – 37%, растительному маслу – 31%, сахару – 12%», – отметил министр экономики страны Т. Сариев. В Республике сокращается потребление мяса и рыбы, а недостающие продукты замещаются хлебом и картофелем [8].

Доктрина продовольственной безопасности РФ в качестве основных рисков, угрожающих национальной продовольственной безопасности, рассматривает макроэкономические, обусловленные снижением инвестиционной привлекательности отечественного реального сектора экономики и другими факторами. Исходя из обозначенных рисков в Доктрине определяются направления государственной политики: борьба с бедностью, повышение экономической доступности продуктов питания, развитие торговой инфраструктуры, а также форсированное развитие сельского хозяйства. Государственное стимулирование сельского хозяйства имело место и до принятия Доктрины продовольственной безопасности. Если в рамках национального проекта «Развитие Агропромышленного комплекса» в 2006–2007 гг. государство выделило 47 млрд рублей, то в рамках принятой в июле 2012 г. Правительством РФ государственной программы развития Агропромышленного комплекса на 2013–2020 годы объем финансирования сельского хозяйства составит 1,5 трлн рублей. С 2013 г. помощь сельхозпроизводителям оказывается уже по правилам и условиям Всемирной торговой организации, в соответствии с которыми объем господдержки российского АПК в 2012 и 2013 гг. уже был предусмотрен на уровне 9 млрд долларов с ежегодным последующим снижением, к 2018 г. до 4,4 млрд долларов. В такой ситуации вопрос «как правительство будет определять необходимость получения господдержки и выявлять «самые нуждающиеся» территории?» остается откры-

тым. Подобные решения должны быть основаны на понимании социально-экономической ситуации конкретной территории и ее динамики, то есть с учетом определения вектора социально-экономического развития той или иной территории. В частности, такой вектор будет своевременно сигнализировать о возникновении кризисных и негативных тенденций. Опасность возникновения кризисных явлений в регионах делает весьма актуальной задачу построения системы мониторинга для анализа и оценки направления социально-экономического развития, которая, с одной стороны, характеризуется уровнем социально-экономической безопасности, а с другой – устойчивостью социально-экономического развития. Построение такого вектора включает в себя анализ динамики нескольких интегральных показателей – сводный интегральный показатель уровня устойчивого социально-экономического развития и интегральный показатель уровня социально-экономической безопасности изучаемой территории.

В основе оценки социально-экономической устойчивости территории должны лежать интегральные показатели уровня социально-экономического развития территории [9, с. 5], выраженного коэффициентом $K_{усер}$, и интегральный показатель, позволяющий оценить уровень социально-экономической безопасности, – $K_{сэб}$. Идея комплексной оценки заключается в том, чтобы отобразить в одной системе координат (в одной координатной плоскости) одновременно несколько интегральных показателей. Таким образом, в едином пространстве можно показать сразу две шкалы – по оси OD – отобразить сводный интегральный показатель, характеризующий уровень устойчивого социально-экономического развития изучаемой территории, выраженный коэффициентом $K_{усер}$, по оси OS – уровень социально-экономической безопасности этой же территории – отражается коэффициент $K_{сэб}$. Для анализа динамики как уровня устойчивого социально-экономического развития, так и уровня социально-экономической безопасности предлагается производить расчет среднегодовых темпов роста и среднегодовых темпов прироста интегральных показателей. Последние также отображаются в декартовой системе координат, что позволит наглядно увидеть вектор развития изучаемой территории.

Так как расчет ведется одновременно по нескольким интегральным показателям, то можно комплексно отразить тот или иной аспект изучаемой проблемы. Для определения вектора социально-экономического развития территории предлагается изучение комплексных показателей за прошедшие несколько лет и анализ их динамики – расчет темпов роста названных показателей, а затем расчет среднегодовых темпов прироста их показателей по каждой рассматриваемой территории. Далее с учетом уровня последнего года каждого интегрального показателя и среднегодового темпа прироста строится прогнозное значение для каждого интегрального показателя. Направление изменения существующей ситуации, отраженной в виде точки на координатной плоскости ($K_{усер}; K_{сэб}$), к прогнозным значениям, которые характеризует точка ($K_{усер}^{Пр}; K_{сэб}^{Пр}$), и задает вектор социально-экономического развития терри-

тории. Расчет уровня социально-экономического развития предлагается производить согласно методике, предложенной сотрудниками научно-образовательного центра при кафедре экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, «Управление территориальным развитием», следуя которой вычисляется сравнительный интегральный показатель, получаемый на основе сведения разнонаправленных частных показателей и дающий наглядную картину уровня устойчивого социально-экономического развития муниципального образования или сельского поселения [9, с. 6]. Результат построения векторов социально-экономического развития достаточно наглядно изображает уровни социально-экономической устойчивости изучаемых территорий и тенденции развития дальнейшей социально-экономической ситуации. Динамика негативных тенденций отображается стрелкой в левый нижний угол, положительные изменения могут ждать те территории, вектор которых направлен в правый верхний угол.

Таким образом, новая модель развития интеграционных процессов Сообщества должна принципиально строиться на интенсификации отношений между соседними территориями. Именно такая модель позволит использовать глобальные ресурсы, заложенные в отношениях сотрудничества и соседства территорий, переноса центров социально-экономического развития, в частности торговли, ближе к приграничным территориям, что даст возможность поддержать и улучшить социально-экономическое положение их населения, использовать имеющуюся, хоть и находящуюся зачастую в плачевном состоянии, инфраструктуру, получить взаимовыгодный экономический эффект за счет снижения транзакционных издержек.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://belstat.gov.by>
2. Доклад о человеческом развитии. URL: 2013//http://www.mfa.gov.by/upload/HDR_2013_RU.pdf
3. Агентство республики Казахстан по статистике. URL: <http://stat.gov.kz/faces>
4. Пресс-релиз Национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <http://stat.kg>
5. *Россель Э.* Пленарное заседание XII Российского экономического форума «Развитие экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС». URL: <http://www.inst.eurasec.com>
6. *Шагайда Н.И., Узунюм В.Я.* Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы: доклад. URL: <http://www.agronews.ru/articles/detail/132996/>
7. URL: <http://www.odnako.org/blogs/uroven-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-rossii-viros/>
8. Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП) // *Время Востока (East Time)*. Русская редакция. URL: <http://www.easttime.ru/news/kyrgyzstan/kyrgyzstan-ne-obespechivaetsvoyu-prodovolstvennyuyu-bezopasnost/6801>
9. *Герасимова В.В., Тутаев В.Н., Мендель А.В., Фадеева Н.П.* Статистические методы расчета устойчивости развития сельских территорий: сб. мат-лов науч.-практ. конф. «Роль государственной статистики в оценке социально-экономического развития регионов». Саратов, апрель 2013. Саратов, 2013.

A.K. Tikhonov
Formation of Legislation
on Corruption

Russian and international regulatory acts aimed at combating corruption are analyzed. The category of "corruption" enshrined in legal regulations, as well as the main causes of its spread, and the impact of corruption on the development of statehood are studied. The possibility of using positive experience of anti-corruption legislation in individual foreign countries by the Russian legislator is considered.

Key words and word-combinations: corruption, legislation, anti-corruption activities, malpractice, conflict of interest.

Анализируются российские и международные правовые акты, направленные на борьбу с коррупцией. Исследуется закреплённая в правовых нормах категория «коррупция», основные причины ее распространения, влияние коррупционной деятельности на развитие государственности. Рассматривается возможность использования российским законодателем положительного опыта антикоррупционного законодательства в отдельных иностранных государствах.

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, законодательство, антикоррупционная деятельность, злоупотребление служебным положением, конфликт интересов.

УДК 347.91/95+34(4/9)
ББК 67.410.1-2+67.40812+67.99

А.К. Тихонов

СТАНОВЛЕНИЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О КОРРУПЦИИ

Коррупция как противоправный феномен находит негативное отражение во всех сферах государственной деятельности – политической, экономической, социальной, управленческой. Материальные, политические и морально-нравственные издержки, которые государство и общество несут от постоянно растущих масштабов коррупции, вызывают настолько негативную оценку, что проблема антикоррупционной деятельности вышла за рамки чисто правового явления и приобрела значение одной из острейших политических и социально-экономических проблем. При этом коррупция выделяется крайне опасными последствиями.

В России в последние годы указанное явление рассматривается как одна из основных угроз стабильности, жизнеспособности государства и безопасности общества, поскольку уровень распространения коррупции в нашей стране очень высок. Так, по заключениям экспертов, объем коррупционного рынка в России увеличился с 240 до 316 млрд долларов, а средний размер взятки, которую дают чиновникам, вырос с 10 до 130 тыс. долларов [1, с. 69]. В год возбуждается более десяти тысяч уголовных дел, но только, как правило, по выявленным фактам взяточничества [2, с. 14]. Однако официальная статистика не отражает всего масштаба данного феномена, характеризующегося высокой степенью латентности.

Согласно докладу, подготовленному еще в 2007 г. Общественной палатой РФ, корруп-

ция в России достигла таких масштабов, что стала угрозой государственному строю. «Если в ближайшее время не будут приняты радикальные меры, – подчеркивается в докладе, – восторжествует консолидированная коррупционная схема, имеющая своей целью формирование на территории России нового социально-экономического образования, ориентированного исключительно на обогащение незначительной части общества за счет большинства» [3].

В докладе были выделены четыре типа коррупции: бытовая коррупция, которая «не оказывает существенного влияния на экономику страны, но серьезно деморализует простых граждан»; в органах власти, несущая наибольшую опасность для общества; коррупция в области кадровой политики, которая привела к кризису управления; а также коррупция в судебных, правоохранительных и контрольных органах.

О сути коррупции существует множество мнений. Отчасти это связано с тем, что любой подход к рассматриваемой проблеме обусловлен прежде всего отраслевой спецификой проявления коррупции. Многие взгляды отражают позиции отдельных авторов и цель, достижение которой они ставят перед собой в соответствии с научными или практическими задачами, требующими решения в том или ином определении.

Понятие коррупции комплексное, многоплановое. В борьбе с этим негативным явлением необходимо выработать специальные способы и механизмы в расследовании «коррупцированных» преступлений. Учитывая, что с правовой точки зрения коррупция должна быть объективирована в виде каких-либо уголовно-правовых деяний, составов преступлений, ее необходимо рассматривать как совокупность противоправных деяний.

В тексте действующего Уголовного кодекса РФ не используется термин «коррупция». Однако традиционно считается, что непосредственно к коррупционным преступлениям относятся взяточничество (ст. 290–291 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), а также провокация взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ). На это указывается и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4].

Однако, представляется, с учетом направленности данного противоправного явления, корыстной или иной личной заинтересованности субъекта деяния элементы коррупционности имеются и в ряде иных составов преступлений, предусмотренных в Особенной части Уголовного кодекса РФ. В связи с этим правильнее было бы рассуждать о комплексе криминалистических характеристик коррупционных преступлений. В связи с этим неверно отделять или противопоставлять криминалистическое понятие коррупции ее уголовно-правовому и криминологическому определению. Коррупция сегодня – это не отдельное, конкретное уголовно-правовое явление, а совокупность общественно опасных деяний. Ее следует рассматривать как криминологический, социально-экономический и политико-правовой феномен с многоструктурным и многоуровневым содержанием.

Взаимосвязь уголовно-правовой и криминалистической характеристик кор-

рупции весьма очевидна. Уголовно-правовая характеристика выявляет круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу, а криминалистическая составляет информационную основу коррупционной деятельности.

В современных условиях коррупция – «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [5, с. 8], а также из корыстной заинтересованности создания преимуществ для третьих лиц.

С середины 80-х годов XX столетия начались особенно интенсивные научные исследования коррупции как комплексной проблемы с позиции системного анализа. При этом проблема неоднократно рассматривалась на международно-правовом уровне, принимались соответствующие международно-правовые акты, в которых предлагались и нормативные определения этого явления. Представляется, что одно из наиболее лаконичных, но информативно-содержательных определений коррупции прописано в принятом Десятым конгрессом ООН (Каир, 1995 г.) документе, в нем она рассматривается как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [6].

Определение, значительно расширившее понятие субъекта коррупционных деяний, было разработано Междисциплинарной группой по коррупции Совета Европы. Коррупция рассматривается ими не только в качестве взяточничества, но и как «любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного вида отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других» [6]. Подобный подход вызван стремительным развитием так называемой транснациональной коррупции, в структуре которой субъектами нередко выступают представители коммерческих и иных негосударственных структур.

В руководстве, подготовленном Секретариатом ООН, коррупция трактуется как совокупность трех групп криминальных деяний: 1) кража, хищение и присвоение государственной собственности должностными лицами; 2) злоупотребление служебным положением для получения неоправданных личных выгод; 3) конфликт интересов между общественным долгом и личной корыстью [6]. На наш взгляд, данная правовая конструкция научно обоснованна. В ней хотя и объединено множество, казалось бы, разнородных видов противоправных деяний, но все они связаны между собой таким существенным для характеристики коррупции элементом, как корыстное использование должностным лицом своего служебного положения для обогащения или иной личной выгоды.

Генеральной Ассамблеей ООН принята 31 октября 2003 г. Конвенция про-

тив коррупции. Она была подписана Россией на специальной конференции в г. Мериде (Мексика) в декабре 2003 г. и ратифицирована 8 июня 2006 г. [7]. В документе подчеркивается, что для эффективного предупреждения и борьбы с коррупцией необходим всеобъемлющий и многодисциплинарный подход. В Конвенции декларируется, что эффективная борьба с этим явлением возможна лишь путем реализации комплекса мер на основе единой антикоррупционной политики государства и общества по устранению причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в различных сферах жизнедеятельности. В числе рекомендуемых в Конвенции действенных мер по предупреждению коррупции и борьбе с ней названы совершенствование системы приема на работу, подбора должностных лиц, прохождения службы, продвижения по службе, выхода в отставку. Предусматривается ротация кадрового состава, его надлежащее вознаграждение, принятие антикоррупционного законодательства (ст. 5–7 Конвенции).

Этот международно-правовой документ имплементирован в российскую правовую систему, а закрепленные в нем нормы и принципы являются ее составной частью и имеют приоритет перед внутрироссийским законодательством (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). Это также означает, что нормы и принципы Конвенции ООН от 31 октября 2006 г. имеют прямое действие на российской территории и должны реализовываться в правоприменительной практике. Кроме того, отдельные положения Конвенции подлежат детализированию российским законодателем, в частности создание национального антикоррупционного законодательства в России, как того требуют ее национальные интересы.

В отношении противодействия коррупции в странах Европейского Союза ученые пришли к однозначному выводу: в борьбе с коррупцией необходим комплекс организационных и структурных мер, только репрессии не дадут желаемого результата.

В настоящее время наработан положительный опыт в нормативном определении коррупции в ряде стран – участниц СНГ. Например, в Законе Республики Казахстан от 2 июля 1998 г. № 267-1 «О борьбе с коррупцией» в ст. 2 коррупция определяется как «не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющими государственные функции, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ» [8].

К сожалению, в российском законодательстве длительное время не было нормативного определения коррупции. В 90-х годах XX столетия в условиях правового нигилизма антикоррупционные нормативные акты принимались на уровне подзаконных, поэтому нередко они противоречили другим нормативным актам, равным им по юридической силе.

Так, Государственная Дума два созыва не могла принять законодательные

акты о борьбе с коррупцией. Не только Дума сталкивалась с сопротивлением исполнительной власти, но и сами законодатели проявляли в этих вопросах непоследовательность, которая может быть объяснена многими объективными и субъективными факторами. Кроме того, Указ Президента РФ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» (1995 г.) находился в явной коллизии с Указом Президента РФ «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (1992 г.), ведь в последнем разрешалось поручать на конкурсной основе представление интересов государства в советах директоров должностным лицам органов государства за «соответствующее вознаграждение».

Многие так и не принятые законопроекты, направленные на борьбу с коррупцией, содержали определение данного явления. Так, еще в ст. 2 проекта Федерального закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» в понятие «коррупция» предлагалось включить «подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу». В этом проекте подчеркивалось, что «коррупционное правонарушение может иметь разную степень отклонения от норм и влечет за собой соответствующие санкции, это общественно вредное либо общественно опасное деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность» [9].

В проекте другого Федерального закона «О противодействии коррупции», принятого в первом чтении Государственной Думой в ноябре 2002 г., коррупция (коррупционные отношения) определялась как «поиск, установление и поддержание противоправных отношений между специально указанными субъектами коррупции и иными лицами (физическими и юридическими лицами) с целью достижения каждой из сторон своих личных, групповых, корпоративных и корыстных целей» [10, с. 19].

Лишь в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» было дано нормативно-правовое понятие коррупции. Под ней законодатель понимает «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Кроме того, к коррупции относится и совершение перечисленных действий от имени или в интересах юридического лица [11].

Таким образом, общими элементами в приведенных определениях являются следующие признаки: *во-первых*, присутствие фактов «торговли» своими должностными возможностями государственных и муниципальных чиновников, *во-вторых*, делящийся характер коррупционных отношений (т.е. коррупция рассматривается не как разовая деятельность, а как атрибут преступной деятельности должностного лица); *в-третьих*, коррумпированность, как правило, предполагает постановку действий должностного лица в зависимость от получения вознаграждения или иного материального преимущества.

Ведь проблемы, связанные с предупреждением и пресечением коррупции в Российской Федерации, находятся в центре общественного внимания. В параметрах правового государства российское общество ориентировано на пресечение коррупции как социального явления и поддержание законности и правопорядка на всей территории России. Коррупция дезорганизует общество, порождая синдром отчуждения личности от государства. Она меняет содержание отношений граждан с государством и его официальными представителями, влечет негативные последствия и для общества, и для государства, и для отдельного человека. Коррупция – отрицательное социальное явление, корни которого в недостатке организации государственно-правовых отношений, особенностях психологии их участников, требует применения разнообразного и широкого спектра нормативно-правовых средств антикоррупционного характера.

Библиографический список

1. Власенко Н.А., Грачева С.А., Рафалюк Е.Е. Теоретический анализ правовых средств и правовых моделей противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 11 (191).
2. Дмитриев Ю.А. Борьба с коррупцией: фикция или реальность? // Государство и право. 2012. № 5.
3. Ведомости. 2007. 20 февр. URL: <http://www.burocrats.ru/sluhi/070220124253.html>
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 12.
5. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб., 1998.
6. Девятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Справочный документ о международной борьбе с коррупцией. A/Conf. 769/14. 1995. 13 Арг.
7. Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.
8. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 г. № 267-1. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/normativnye-pravovye-akty/zakon-respubliki-kazahstan-o-borbe-s-korrupciey-ot-2-iyulya>
9. Парламент. газ. 2006. 14 июля. URL: <http://old.pnp.ru/index.html?year=2011&month=7>
10. Антикоррупционная политика // Мат-лы для парламентских слушаний (21 декабря 2001 г.). М., 2001.
11. СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

R.M. Abubakirov
The Mechanism
of Anti-Corruption Activities
in the Economic Sphere
of the State

Corruption groups with key figures in their ranks are analyzed. The economic preconditions of the corruption groups' emergence are substantiated and their common and specific features are identified. The necessity of the formation of an organization-economic mechanism with government and public institutions involved in the fight against corruption on the basis of their partnership is shown. Methods to combat corruption taking into account various corruption schemes are defined.

Key words and word-combinations: corruption groups, key figures of corruption schemes, methods to combat corruption, self-regulatory organizations.

Анализируются коррупционные группировки с входящими в их состав ключевыми фигурами. Обоснованы экономические предпосылки возникновения коррупционных группировок, определены общие и специфические их черты. Показана необходимость формирования организационно-экономического механизма, включающего государственные и общественные институты, осуществляющие борьбу с коррупцией на базе их партнерского взаимодействия. Установлены методы борьбы с коррупцией с учетом различных коррупционных схем.

Ключевые слова и словосочетания: коррупционные группировки, ключевые фигуры коррупционных схем, методы противодействия коррупции, саморегулируемые организации.

УДК 343.7
ББК 67.408.12

Р.М. Абубакиров

МЕХАНИЗМ
АНТИКОРРУПЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВА

В условиях динамизма социально-экономических процессов, усиления конкурентных отношений на внешнем и внутреннем рынках внедрение рыночных отношений в социальную сферу усиливается противоречивым влиянием на экономический прогресс в обществе. В качестве отрицательных последствий развития рыночных отношений следует признать коррупцию, борьба с которой осуществляется и на уровне отдельных государств, и на международном уровне. Так, Конвенция ООН по борьбе с коррупцией и взяточничеством была ратифицирована в России в 2006 г. На ее базе сформировалась нормативно-правовая база антикоррупционной политики с учетом международных стандартов. Тем не менее фиксируется достаточно высокий уровень коррупции в России, который с учетом региональной специфики и региональной асимметрии существенно отличается по регионам. Наиболее высокий уровень коррупции отмечен в Москве и Московской области (30%); самый низкий уровень – в ряде областей, в число которых входит и Саратовская область, где он составляет 0,3% [1, с.108].

Анализ коррупционной деятельности предполагает рассмотрение экономических предпосылок, закономерностей возникновения и развития коррупции как социально-экономического феномена, общих и специ-

фических черт проявления, видов коррупционных схем с входящими в их состав ключевыми фигурами.

К экономическим предпосылкам, на наш взгляд, следует отнести складывающиеся условия в обществе в результате бесконтрольной коммерциализации и проникновения рыночных отношений в социальную сферу, прежде всего в сферу управления. В этой связи у отдельных чиновников разных ветвей и уровней власти создается ложное представление о том, что должностные функции и занимаемые должности могут быть востребованы в качестве особого товара – управленческих услуг, услуг чиновничьего покровительства или прикрытия корыстных деяний представителей коммерческой среды.

К общим чертам коррупционных схем, реализуемых в различных сферах хозяйственной деятельности, следует отнести, во-первых, набор постоянных субъектов, входящих в состав этих схем. К ним, как правило, относятся: чиновники, представители органов государственной власти и местного самоуправления, руководители отраслевых структур, представители крупного и малого бизнеса, представители органов, финансово-кредитных и банковских структур, топ-менеджмента крупных корпораций. Во-вторых, наличие ключевых фигур, определяющих взаимосвязь между элементами или субъектами в коррупционной схеме, длительность коррупционного взаимодействия и связей в рамках обозначенной схемы, сроки исполнения поставленных задач и систему так называемого «стимулирования», направленную на устранение административных барьеров чиновников и обеспечивающую «подстраховку» со стороны правоохранительных органов. В-третьих, поиск общих для отраслей народного хозяйства «слабых мест», где возможно возникновение коррупционных схем и пробелов в законодательстве по хозяйственно-правовым вопросам, а в отдельных случаях – «системы откатов».

К специфическим чертам коррупционных схем следует отнести различную роль ключевых фигур, обусловленную спецификой отраслей хозяйства, где формируются коррупционные схемы. Общими и специфическими закономерностями формирования и развития коррупционной деятельности являются следующие:

- коммерциализация отдельных видов социальных услуг;
- неправильное понимание социальной ответственности представителями государственных и муниципальных органов управления;
- отсутствие общей идеологии, объединяющей чиновников, позиционирующей их особый статус и миссию в обществе, призванных обеспечивать социальную нравственность и служить отечеству;
- искаженное представление о частно-государственном партнерстве;
- отсутствие жестких правил следования букве закона у чиновников различных рангов;
- специфика коррупционных группировок, связанная с условиями и особенностями их функционирования в отдельных отраслях хозяйства.

Формирование коррупционных схем в различных отраслях хозяйства и социальной сфере свидетельствует об определенных функциях, выполняемых ключевыми фигурами, и об изменении этих функций в зависимости от специфики отраслей.

Наиболее коррумпированными отраслями хозяйства в России признаны такие отрасли, как пищевая промышленность, строительная отрасль, ЖКХ, а также такие сферы деятельности, как управление собственностью на недвижимое имущество и земельными участками, управление миграционными потоками в складывающейся системе трудовой миграции. Коррупционные группировки работают по различным коррупционным схемам. Они наиболее распространены в пищевой промышленности и в сфере общественного питания, а также в оптовой и розничной торговле. В этих отраслях схема коррупционного взаимодействия определяет в качестве ключевых фигур представителей бизнеса, непосредственных производителей продуктов питания, выступающих учредителями [1, с. 53]. К ключевым фигурам следует отнести и представителей местной администрации, участие которых в коррупционной группировке обеспечивает ликвидацию административного давления и административных барьеров. Главная цель коррупционной схемы состоит в том, чтобы снять формальные административно-правовые барьеры, оплачивая административную услугу чиновника неформальным способом.

Предпринимательская деятельность основывается на экономической независимости и гарантированности капиталовложений, и у предпринимателей создается впечатление о том, что участие в коррупционных группировках является гарантом экономической независимости. Обычно участие в коррупционных схемах не всегда позволяет предпринимателю заручиться поддержкой чиновников для успешного развития бизнеса, поскольку для успешно развивающихся предприятий может возникнуть опасность рейдерского захвата и скупке активов предприятий подставными лицами чиновников и других участников коррупционных группировок. Коррупционные схемы в отраслях производства препятствуют развитию конкуренции, способствуют монополизации рынков, завышению цен на товары и услуги, снижая количество последних. Коррупционные схемы негативно сказываются на организации и оплате труда на предприятиях, качестве трудовой жизни в коллективах предприятий, поскольку усиливается социальная напряженность и социальное расслоение в трудовых коллективах, растет обеспокоенность в связи с нарушением правил трудового законодательства. Усиливается социальная неустойчивость на микроуровне и уровне первичных звеньев народного хозяйства, что является тормозом эффективной деятельности предприятий. Причем коррупционные схемы не являются абсолютно обособленными, и они могут пересекаться в других отраслях хозяйства и сферах экономической и финансовой деятельности, что приводит к возникновению системы «корпоративных покровов». Следствием этого является высокая степень риска инвестиций в экономику страны национальных и зарубежных инвесторов. Кроме того, осуществляется вывод активов успешных российских предприятий за рубеж, а также вливание бюджетных средств в сферу кредитования банковских услуг, что позволяет коррупционным группировкам расширить коррупционные схемы и получить доступ к контролю за рынком банковских услуг и усилить давление на хозяйствующие субъекты и предпринимателей.

Многообразие коррупционных схем демонстрируется в строительной отрас-

ли, сфере ЖКХ и сфере оформления права собственности на недвижимое имущество и земельные участки в условиях дачной амнистии. Для коррупционных схем в этих отраслях и сферах характерно следующее: непостоянный состав участников коррупционных группировок; изменение функций ключевых фигур в составе коррупционных группировок, вследствие чего меняется цель и способы реализации поставленных задач. В отличие от коррупционных схем в отраслях промышленности, где ключевыми фигурами выступают предприниматели, а также руководство крупных предприятий, в схемах при оформлении права собственности на недвижимое имущество, земельные участки и строительства жилых домов в качестве ключевых фигур выступают чиновники различных рангов и ветвей власти. Целью формирования коррупционных группировок становится не получение взятки как денежного вознаграждения за оказанные административные услуги, а обогащение за счет оформления земельных участков и изъятия их под строительство жилых домов на дачных участках. Инициаторами коррупционных схем выступают чиновники, вовлеченные в состав коррупционеров, руководители дачных хозяйств, представители правоохранительных органов. Неоформленные в собственность граждан земельные участки, которые долгое время не были в эксплуатации, передаются с разрешения местных чиновников под строительство частных домов, многоквартирных объектов жилых помещений. Они сдаются в эксплуатацию с нарушениями технических норм, без подключения этих объектов к коммунальным услугам, в результате чего собственники квартир в этих домах становятся «заложниками» своих прав на собственность к проживанию. Наряду с этим следует отметить нарушения границ земельных участков, на которые ранее были оформлены правоустанавливающие документы.

Коррупционные схемы получают широкое распространение при введении в эксплуатацию жилых домов. В ходе их строительства строительные организации производят закладку коммуникаций и осуществляют строительство подъездных дорог. При продаже квартир и коттеджей строительные компании сохраняют за собой право собственности на коммуникации и подъездные пути, что является нарушением градостроительных правил.

Чиновники, входящие в состав коррупционных группировок в строительной отрасли, наряду с получением взяток за перевод земель в другую категорию, используют свое служебное положение в качестве источника постоянного дохода за счет оформленного на членов своих семей недвижимого имущества в строящихся домах. Строительным компаниям гарантируется покровительство практически на всех уровнях власти, и они, пользуясь правом компании-застройщика, могут реорганизоваться в управляющие компании и предоставлять жильцам коммунальные услуги по собственным тарифам, злоупотребляя их правами. Таким образом чиновничья услуга выступает уже не товаром, а инструментом накопления капитала.

Коррупционные схемы, складывающиеся в различных сферах экономической деятельности, на наш взгляд, следует разграничить на два типа: коррупционные схемы, приносящие разовые доходы чиновникам в виде взяток или иных материальных вознаграждений; коррупционные схемы, приносящие постоянные доходы в увеличивающихся размерах за счет получения в личную собствен-

ность или собственность членов семей объектов недвижимости, активов предприятий и других хозяйствующих субъектов.

Анализ коррупционных схем позволяет выявить не только причины их появления, характер коррупционных взаимодействий участников коррупционных группировок, ключевые фигуры, но и определить меры антикоррупционного воздействия с целью нейтрализации противоправных действий и их ликвидации.

В отечественной и зарубежной литературе большое внимание уделяется вопросам взаимодействия государства и общества в борьбе с коррупцией. При этом особое внимание обращается на принятие нормативно-правовых актов, которые способствовали бы не только ликвидации существующих коррупционных группировок, но и искоренению коррупции как социально-экономического явления. Это позволяет ужесточить наказание коррупционеров с помощью принятия нормативно-правовых актов, предписывающих уголовные и административные наказания, увеличение размеров штрафов и других санкций. Тем не менее государство не в состоянии проконтролировать эффективность исполнения предписанных норм в административно-правовом законодательстве, с одной стороны, а с другой – всегда могут быть найдены пробелы в нормативно-правовых актах, коими могут воспользоваться нарушители закона. Однако государство призвано занять ведущие позиции в борьбе с проявлениями коррупции во всех ее формах. Без «наличия антикоррупционной нормативно-правовой базы добросовестные представители общества не смогут выявить случаи коррупции среди обычных актов дарения» [2, с. 49]. Исходя из этого государство должно взаимодействовать с институтами гражданского общества, чтобы совместными усилиями искоренить коррупционные группировки.

В качестве институтов гражданского общества следует выделить такие, как Торгово-промышленная палата, Антикоррупционный комитет, Российский общественно-политический фонд «Информатика для демократии» (Фонд Ин-Дем), Transparency International Russia (российское отделение международной некоммерческой организации Transparency International [ТИ]), которые выполняют следующие функции по борьбе с коррупцией: осуществляют оценку на основе независимой экспертизы антикоррупционного законодательства в России и дают разъяснения его отдельных положений населению и общественности; проводят мониторинг деятельности субъектов коррупционных группировок; формируют нетерпимое отношение к проявлениям коррупции в обществе через СМИ и другие коммуникативные инструменты; защищают интересы предприятий и предпринимателей, ощутивших проявление коррупции на примере своей деятельности. Тем не менее, как показывает практика, эффективность деятельности этих институтов в борьбе с коррупцией не велика.

Механизм антикоррупционной деятельности должен основываться скорее на партнерском взаимодействии институтов государства, институтов публичного регулирования и институтов саморегулирования. Институты публичного регулирования должны оказывать содействие государственным институтам по следующим направлениям, это:

– организация общественного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов и органов государственной власти и местного самоуправления;

- транслирование правдивой информации о деятельности коррупционных группировок;
- разъяснение населению с позиции СМИ о социальных и экономических последствиях коррупции.

Членство предприятий в торгово-промышленных палатах позволяет иметь информацию о мерах антикоррупционной профилактики и о введенных антикоррупционных стандартах, а также запретах и ограничениях, позволяющих предупредить коррупцию. Так, при создании Московской торгово-промышленной палаты Антикоррупционный комитет проводит анализ механизмов и «откатов», явных вымогательств в различных сферах хозяйственной деятельности, а также осуществляет экспертизу законодательных актов контрольных и различительных функций чиновников при организации конкурсных и тендерных средств и госзаказов [3].

Институт саморегулируемых организаций может оказать содействие государству по борьбе с коррупцией в следующих направлениях. Во-первых, оказать помощь предпринимателям, в особенности представителям малого бизнеса, по вопросам организации и внедрения стандартов профессиональной деятельности с целью повышения качества продукции и управления на предприятии. Это поможет избежать или минимизировать давление «сверху» о принудительном их включении в состав коррупционной группировки. Во-вторых, снизить социальную напряженность и устранить конфликты предпринимателей на отраслевых рынках, а также избежать вовлечения в коррупционные схемы. В-третьих, защитить от коррупционного давления предпринимателей путем их включения в состав саморегулируемых организаций, а также общественных и профессиональных союзов. Вхождение предприятий в саморегулируемые организации обязывает их соблюдать стандарты профессиональной этики на рынке и в хозяйственной деятельности, что снижает шансы быть вовлеченными в коррупционные группировки [4, с. 5]. В-четвертых, информировать и консультировать предпринимателей об их правах и по организационно-хозяйственным вопросам. Саморегулируемые организации защищают интересы входящих в их состав организаций как в государственных структурах, так и в возникших конфликтах и спорах с другими коммерческими организациями. При этом следует отметить, что предприятия в составе саморегулируемых организаций могут защищать не только собственные интересы, но и интересы своих клиентов.

Таким образом, партнерское взаимодействие государственных публичных и саморегулируемых институтов является залогом успешного противодействия всем формам коррупционного взаимодействия.

Библиографический список

1. Коррупция в России: независимый годовой отчет Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки». М., 2011.
2. Юсупов М.Р., Минин А.Я. Противодействие коррупции институтами гражданского общества // МГПП Московский антикоррупционный комитет. М., 2009.
3. Горный М.Б. Взаимодействие НКО и власти: общие тенденции и опыт Санкт-Петербурга. URL: www.sivikbook.ru/files/FileJornyiyzNKO-2007/pdf
4. Fighting Corruption: What role of civil society? The Experience of the OECD. URL: <http://www.oecd.org/daf/anti-bribery/anti-briberyconvention/19567549.pdf>

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.Yu. Shakirova
**Fundamental Characteristics
of the Russian Cultural Space**

The Russian social and cultural field as complex field of constructed meaning based on rhizoma axiological sphere is analyzed. It is postulated that the main feature of the axiological sphere – being a rhizome – depends on historical patterns of development of the Russian social and cultural field which is strongly influenced by geographical factors i.e. the vastness of the territory of Russia. The basic priorities of an effective cultural policy are esteemed.

Key words and word-combinations: social and cultural field, axiological sphere, rhizome, values.

Анализируется российское социокультурное пространство как комплексное пространство конструируемого смысла, основанное на ризомной аксиосфере. Постулируется, что ризомность аксиосферы обусловлена историческими особенностями развития российского социокультурного пространства, на которое значительное влияние оказывают географические факторы. Рассматриваются основные приоритеты эффективной культурной политики государства.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурное пространство, аксиосфера, ризома, ценности.

УДК 316.32
ББК 60.52

Е.Ю. Шакирова

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Социокультурное пространство России – очень сложное, неоднородное формирование. Его комплексность обусловлена тем, что в строении данного пространства присутствуют элементы разнообразных культурных и социальных полей. Полагаем, что в этом случае социокультурное пространство формируется прежде всего на основе общности социальных интересов людей, проживающих на одной территории. Именно мультикультурализм России накладывает определенный отпечаток на специфику ее социокультурного пространства. Мультикультурализм предполагает не просто признание равноправия и культурного разнообразия, но и поощрение растущего разнообразия культур, их укрепление как самостоятельных образований. Однако при формировании любой социокультурности вступает в работу один из законов движения и развития культурно-исторических типов, выдвинутых Н.Я. Данилевским: «Начала цивили-

лизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [1, с. 95]. Исходя из этого, можно предположить, что, несмотря на определенную близость исторического развития и культурных оснований, полного единения достигнуто быть не может в силу неких различий между цивилизационными началами разных народов. Тем не менее историческое развитие некоторых государств, в том числе и России, свидетельствует о том, что единство исторического пути способствует формированию социокультурного пространства, имеющего определенную целостность при наличии разнокачественных и разнородных социокультурных элементов (фундаментальных социокультурных переменных или социокультурных монад). В рамках многообразия культур выявляется направляющая культура, которая в условиях активного межкультурного взаимодействия понимается как доминирующая, ведущая культура. Именно она начинает задавать тон и основной вектор социокультурного развития, влиять на развитие других культурных формирований.

Другой закон движения и развития культурно-исторических типов гласит, что «цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [1, с. 95–96]. Таким образом, российское социокультурное пространство – это феномен, современного мира; оно сформировано общностью исторической судьбы тех народов, которые проживают на территории России, имеет множество пересекающихся семантико-смысловых плоскостей и выступает как пространство, несущее основание коммуникации.

Смысловое различие между социокультурными формированиями заключено именно в основаниях социокультурного пространства, в рамках которого функционирует данное формирование. Пространство и время – фундаментальные философские категории, отражающие сущность миропонимания той или иной социокультурности. Пространство предстает в данном случае как нечто, что удерживает гетерогенные социокультурные объекты, в качестве совокупности мест, что обеспечивает сохранность смысловой плотности. Итак, российское социокультурное пространство – смысловое пространство, существующее по законам культуры и истории, динамическое образование, создающее событийное социокультурное строение бытия.

Несомненно, понятие и образ цивилизации включает в себя пространственные аспекты, причем как реальное географическое пространство, так и символическое – социокультурное. В одной из своих поздних статей «Искусство и пространство» М. Хайдеггер следующим образом трактует пространство: оно таит в себе событие, которое дает... вещам принадлежать друг другу [2, с. 134–135]. Бытие-в-мире предстает как экзистенциальная пространственность присутствия, а не обезличенная вместимость одного в другое. Пространство открывает в объектах высшую суть, придает смысл и предоставляет возможность

становления, приобретая тем самым самостоятельный сакральный смысл. Социокультурное пространство раскрывается через ценностную сферу, которая выступает в качестве его фундамента, и отличительной чертой аксиосферы является ризомоморфизм, российское – не исключение в данном случае, но истоки ризомоморфизма у российского социокультурного пространства совсем иные.

Социокультурное пространство России «рассеяно», рассредоточено в силу сосуществования в его рамках элементов разнообразных культур. Ризоматическое строение аксиосферы в полной мере отвечает потребностям социально-философского осмысления социокультурных реалий России. «По всей видимости, образ ризомы сам по себе идеально воспроизводит как бы ненапряженное и «отдыхающее» пространство, пространство, которое не стремится центрироваться, дифференцироваться или автоматически иерархизироваться. Это принципиально важный пример пространства ацентричного и неиерархизированного, чья самоорганизация заключается в отсутствии организации» [3, с. 25]. Ж. Делез и Ф. Гваттари называют ризому системой без памяти [4], с чем мы в данном случае не согласны. Полагаем, что ризома есть продукт перерождения системы, в результате чего теряется центр, нет выделенного разделения на ядро и периферию, появляется несколько центров и векторов-направлений развития. «Участниками “ризомного процесса” могут быть разнородные элементы, что выводит нас за пределы любого бинарного мышления, будь то оппозиция означающего / означаемого, внешнего / внутреннего, формы / содержания и т.д. Эта разнородность также, в свою очередь, делает невозможным синтезирующее единство, не давая системе прийти к какому-то завершению...» – пишет в своей статье С.М. Малкина [5, с. 29–30].

Российское социокультурное пространство специфично в этом отношении. Оно никогда не имело системной организации, по причине наличия многочисленных культурных формирований внутри данного пространства. Так, изначально российское пространство было ризоматическим, в котором каждый вектор-направление представляет то или иное культурное направление. «По существу, уподобление... пространства ризоме позволяет автоматически избежать возможных философских натяжек, которые связаны с целенаправленными интерпретациями явлений...» [3, с. 25]. Действительно, образ ризомы позволяет интерпретировать социокультурность России в ином ключе. Итак, в России отсутствует единое аксиологическое поле, это очевидно. Аксиосфера России – это комплексное, а-структурное, а-логичное образование, в котором со-существуют и взаимодействуют разнообразные слои и плоскости, представленные ценностями национальными, общечеловеческими, заимствованными и ассимилированными, ценностями различных социальных групп и слоев. Каждая из данных плоскостей – результат развития определенного вектора аксиоризомы. Представлены данные плоскости со-вокупностью социокультурных единиц, мозаично связанных между собой. Например, ценностная сфера российского социокультурного пространства никогда не представляла единого в морфологическом плане образования.

При описании социокультурного пространства России необходимо также проанализировать и понятие геокультурного пространства. «Геокультурное пространство – система устойчивых культурных реалий и представлений на опре-

деленной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира» [3, с. 62]. Формируется особое социо-гео-культурное пространство, свойственное тем странам, которые имеют огромную территорию, заселенную различными народами. Россия в этом отношении уникальна. В мире нет ни одной страны, которая занимает столь большую территорию и заселена столь разнообразными в культурном отношении народами. Конечно, взаимодействие и совместное существование различных народов приводит к образованию единого пространства со-существования: социо-гео-культурное пространство – это смысловое пространство единства многообразного. Как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, «чтобы возникла единая сложная структура, должна быть определенная степень перекрытия входящих в нее более простых структур. Должна быть соблюдена определенная топология, “архитектура” перекрытия... если область перекрытия недостаточна, то структуры будут развиваться, “не чувствуя” друг друга, жить в разных темпах. Если же перекрытие слишком сильно, то структуры быстро сольются, “выродятся” в одну быстро развивающуюся структуру» [6, с. 194]. Иными словами, при отсутствии точек соприкосновения и зон взаимного перекрытия более простые структуры развиваются, не взаимодействуя друг с другом, что подразумевает наличие у них собственного вектора-направления движения. В другом случае при наличии слишком больших зон перекрытия простые образования теряют свою идентичность и образуют новое, иное образование, имеющее собственные имманентно присущие ему потенции развития.

Российское социо-гео-культурное пространство – гетерогенное по составу, но гомогенное по сути образование, строение которого связано с функционированием фундаментальных социокультурных переменных (социокультурных единиц). В контексте российского социо-гео-культурного пространства данные социокультурные единицы приобретают определенную специфику: они наполняются географической компонентой. Территория России накладывает своеобразный отпечаток на восприятие и трансляцию российских культурных особенностей. Сформированная геокультура охватывает геополитические, геосоциальные и геоэкономические образы, объединяющиеся в едином геокультурном образе. «Геокультурный образ – это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и цивилизаций в глобальном контексте» [3, с. 63]. Формирование геокультурных образов связано с функционированием той или иной культуры на территории, с которой она связана генетически. Любая цивилизация создает мощное символическое социо-гео-культурное пространство, которое, с одной стороны, постоянно перерабатывает собственные внутренние потенции к распространению и внешнему влиянию, а с другой стороны, перерабатывает культурный материал, поступивший из других пространств в результате взаимодействия между социокультурными единицами, находящимися в пограничной зоне.

Современное российское социокультурное пространство может быть оха-

рактировано как находящееся в состоянии глубоких преобразований. Россия – в состоянии ценностного кризиса, поскольку ценности «старой» культуры поддерживаются не всеми слоями общества, впрочем, как и недавно появившиеся ценности. Тема ценностного кризиса в России не нова, еще А. Ахиезер подобную ситуацию назвал «культурным расколом». Раскол есть «патологическое состояние социальной системы, большого общества, характеризуемое острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, распадом всеобщности, культурного основания общественного воспроизводства» [7]. Он выступает в качестве «постоянно угрожающего интеграции общества конфликта, по крайней мере, двух субкультур, которые вызывают друг у друга дискомфортное состояние и характеризуются отсутствием в обществе массового нравственного идеала, который мог бы реально обеспечить нравственное и организационное единство» [7, с. 293]. «...Традиционная культура не только не исчезает, но даже может активизироваться, укрепляться, защищаясь от новых форм культуры любыми средствами» [8, с. 73]. Разнообразие ценностей – естественное состояние человеческих сообществ, оно потенциально содержит возможность позитивных и негативных процессов. В России данное разнообразие ценностей, или раскол, суть которого – конфликт ценностей, «означает возможность социальных потрясений, политической нестабильности, кризиса культурных оснований общества» [9, с. 45]. Сущность российского культурного и ценностного раскола состоит в сосуществовании элементов традиционной и западной культур и, следовательно, традиционных и привнесенных ценностей.

Не случайно В. Зеньковский писал в свое время: *«Пути России и ныне еще не открылись, точнее говоря, не осуществился великий национальный синтез, не выковалось основное внутреннее единство и не закончена напряженнейшая борьба в глубинах народной души. Вот отчего проблема русского пути, русского своеобразия не только не была снята, но, наоборот, она приняла еще более сложный, хотя вместе с тем и более конкретный характер»* [10, с. 63].

Со-существование разноплановых ценностей свидетельствует о перерождении ценностной сферы. Начало формирования ценностной ризомы в том виде, в котором она представлена в данной социокультурной ситуации, связано также и с началом распада государства под названием СССР. Этот процесс дал мощный толчок проникновению в ценностную сферу иных ценностей, тем более что почва для этого уже была готова. Итак, ризомоморфизм аксиосферы российского социокультурного пространства – явление комплексное, включающее формирование векторов-направлений, связанных с культурами различных народов, а также связанных с ассимилированием инородных ценностных элементов. Ризомоморфизм аксиосферы социокультурного пространства России имеет прямое отношение к проблеме выбора пути развития, которая является частью более широкой проблемы – цивилизационной идентичности, – и осложняется тем, что Россия все активнее вовлекается в набирающий темпы процесс глобализации.

Глобализация означает прежде всего проникновение постиндустриальных отношений в российское общество. В России налицо становление некоторых

элементов постиндустриального общества: стимулируется развитие науки, увеличивается количество учебных заведений, возрастает число занятых в сфере услуг, появляется множество профессий, связанных с передачей информации и контролем над ее использованием, возникает больше возможностей изменения социального статуса за счет образования, увеличивается численность среднего класса. Изменение социально-групповой структуры и качественное преобразование основополагающих институтов общества свидетельствуют о его глубокой трансформации, поскольку названные компоненты представляют собой неразрывно связанные стороны сложного и многомерного феномена – социальной структуры общества [11, с. 150]. Т. И. Заславская подчеркивает, что в последние десятилетия в России «усилилась мозаичность социальной структуры. В частном и государственном секторах экономики, в разных отраслях, финансово-промышленных группах, регионах действуют относительно автономные, независимые системы социальной стратификации и мобильности. Это разрушает традиционные институты восходящей мобильности через повышение образования, рост квалификации, накопление профессионального опыта, которые прежде играли роль сита, пропускающего «наверх» наиболее способных, знающих и предприимчивых граждан» [12, с. 10]. Понятно, что эти тенденции отражаются на системе ценностей российского социума. Мозаичность социальной структуры, о которой писала Т.И. Заславская, в полной мере отражает мозаичное строение социокультурного российского пространства. Социокультурные единицы, вступая в отношения обмена, формируют мозаичную композицию российского социокультурного пространства. Особенностью социокультурной мозаики России является «микс» разноплановых культурных элементов, обусловленный внутренними аксиологическими процессами, инициированными внешними «вызовами». Выделяются некоторые особенности ценностных процессов в России: многоуровневость ценностно-нормативной системы общества, что связано с усложнением и трансформацией социальной структуры, поиском самоидентификации отдельных социальных групп и общества в целом; возникновение новых ценностных векторов-направлений аксиоризомы (в силу появления новых политических объединений, новых социальных групп и т.д.).

Социо-гео-культурное пространство современной России – это семиотическое пространство, которое воспринимается топологически. Мир современности а-центричен, с одной стороны, и в то же время любое место может быть расценено как своеобразная граница, с другой стороны, социо-гео-культурное пространство современности целиком самоописывается и саморегулируется [13, с. 179]. А.М. Кадыров отмечает: «Современное общество представляет множество цивилизационных типов, оно полицентрично, динамично, постоянно меняет доминантные точки и центры внимания» [14, с. 67].

В современности, в мире постмодерна а-центричность и наличие пограничности в любом месте означает текучесть границ, их непостоянство, перманентный дрейф самого пространства, то есть нахождение в ситуации перманентной неустойчивости и неопределенности. Центр и границы совмещаются, со-существуют, совмещают разнообразные социо-гео-культурные характеристики. В эпоху

постмодерна центр везде и всюду, максимум и минимум совмещаются в любой точке. Процесс освоения такого пространства целиком зависит от ментальных конструкций, которые сами получают пространственное выражение, создаются при помощи языковых средств и при их же помощи осуществляются. Так, постмодерн предполагает со-существование реального и ментального, при этом ментальные пространства получают самостоятельное существование и реализуются как ключевые пространственные концепты, на основе которых строятся схемы интерпретации всего социо-гео-культурного пространства. Здесь картина мира – это реализация определенных схем интерпретации. Границы интерпретации поэтому предстают границами воспринимаемого мира.

Существенной особенностью социокультурного пространства России является его переходность, сочлененность в едином социо-гео-культурном формировании нескольких формирований, отличие которых друг от друга становится наиболее существенным по мере их взаимного удаления. Благодаря такому сочленению происходит формирование единого пространства на основе формирования гео-культурных образов и представлений. В этом отношении огромную роль играет образ *земли*. Для сочленения в единое целое данный образ служит символом и местом объединения. В социокультурном развитии земля наполняется культурой, она приобретает иной смысл: «Земля – не безучастное физическое пространство, а пространство человеческое» [15, с. 27]. В данном случае пространство можно рассматривать следующим образом: это продукт деятельности людей (социально-культурной, социально-экономической, социально-политической) и «место», «область» функционирования созданных человеком продуктов своей деятельности. Образ земли в социокультурном пространстве России объединяющий, точнее – со-единяющий. В подобном соединении особая роль принадлежит русскому народу, его толерантности и внимательному отношению к традициям и истории других народов. «...Русский народ есть важнейший фактор Российской империи, и основные черты его духа в значительной степени определяют характер ее...» – отмечал в свое время Н.О. Лосский [16, с. 834]. Формирование единого пространственного образа у народов России связано и с формированием единого поля хозяйственной деятельности. Историческое направление развития социума – формы организации взаимоотношений между людьми – связано с размытием границ между экономикой, то есть хозяйственной деятельностью, и «не-экономикой», иными словами, между хозяйственной практикой и культурой, с возрастанием востребованности интеллектуальности и творческих способностей человека труда [17, с. 20–28]. Происходит становление единого формирования, в котором культурные особенности определяют формы социального устройства и хозяйственной деятельности.

Подобное со-единение различных в социокультурном и социально-экономическом отношении народов в едином гомогенном образовании приводит к созданию некоего «тонального центра», определяющего пульсирование и функционирование всего образования. Тональный центр задает устойчивые отношения между людьми, вокруг него собираются и воспроизводятся народы, проживающие на единой территории, он «держит» культуру единого формирования, детерминирует основания единого социокультурного пространства. Если

тональный центр разрушается, то разрушаются те связи, которые со-единяют людей в едином образовании. Тональных центров, на наш взгляд, может быть несколько: функционирование социокультурного пространства опирается на них, складываются такие тональные центры исторически, зависят от природной среды (гео-факторы), культурных традиций (фактор культуры) и системы взаимоотношений между людьми (социальный фактор). Подобными центрами в современном социокультурном пространстве являются такие крупные социально-экономические морфо-конструкции, как система образования, общие праздники, единое информационное поле.

Носителей единой социокультурности объединяют информационные потоки – информационные связи, в чем и заключается основная функция информационного пространства – обеспечение информационного взаимодействия между людьми и удовлетворение их информационных потребностей. Именно единые информационные потоки формируют общие линии, вдоль которых происходит объединение людей в единую социокультурность. Это пространство семантическое, складывающееся в процессе человеческой деятельности. Создание информационного пространства протекает параллельно построению социокультурности, это два тесно связанных между собой процесса. В результате информационные потоки пронизывают социокультурное пространство, транслируют культурные образцы, модели и нормы. Таким образом, именно информационные потоки образуют некие тональные центры, вдоль которых объединяются культурные поля различных народов в единое социокультурное пространство.

Информационные тональные центры выполняют функцию, в определенной степени противоположную аксиоризоме. Аксиоризома российского социокультурного пространства порождена культурными особенностями различных народов, проживающих на территории России. Векторы-направления аксиоризомы – это ценностные основания культурных формирований, в то время как информационные тональные центры придают некую целостность а-центричной аксиоризоме, накрывая ее, как сеткой. В связи с этим базовыми функциями информационных тональных центров будут интеграция, социализация и установление взаимопонимания между социальными акторами. В условиях российского мультикультурного пространства интеграция крайне необходима, нарушение функции интеграции ведет к разрушению целостности пространства, его разделению на составляющие элементы.

Современность со всей остротой ставит перед российским социокультурным пространством сложную дилемму: с одной стороны – углубляющиеся процессы глобализации, связанные со стандартизацией жизнедеятельности людей, а с другой – все более актуальным становится проблема сохранения культурных особенностей и культурного генофонда народов, проживающих на территории России [18, с. 46]. Для того чтобы глобализация не оказалась опасной для дальнейшего развития российской социокультурности, необходима продуманная и эффективная локальная культурная политика, а также выбор ее соответствующих инструментов. Это комплексная проблема. В условиях «тесноты» социокультурного пространства России, со-члененности внутри нее множества культурных полей все более необходимым видится создание следующих при-

оритетов. Во-первых, переход к такой парадигме развития культуры, которая предоставляет возможности для саморазвития культурных процессов в стране, иными словами, предоставление больших свобод для саморазвития внутренних культурных полей. Во-вторых, развитие секторов культуры, обеспечивающих функционирование трансграничных культурных потоков, активное освоение Россией глобального социокультурного пространства, то есть предоставляющих возможности для связи российского социокультурного пространства и иных социокультурностей. В-третьих, развитие индустрии культуры, удовлетворение массовой потребности в продукции, изготовленной на стыке культурной и информационной областей, что становится все более актуальным на современном этапе. В-четвертых, поддержка новаторства, творческого воображения и изобретательности, плюрализма и самобытности – важнейших характеристик современности. Насколько это достижимые цели и приоритеты, может показать ближайшее будущее, однако процессы управленческого воздействия на социокультурные процессы могут иметь «обратный» эффект: а именно эффект отторжения навязываемого воздействия.

Библиографический список

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 2003.
2. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
3. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. URL: <http://tfk1.narod.ru/tizoma.htm>
5. Малкина С.М. Единое и многое: постметафизический аспект // Известия Саратов. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3, Т. 12. 2012. С. 28–33.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и доли управления // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики. М., 2011.
7. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (социально-культурная динамика России). 2-е изд. Новосибирск, 1991. Т. 1: От прошлого к будущему.
8. Ахиезер А.С. Без попыток диалога раскол в русской культуре непреодолим // Западники и националисты: возможен ли диалог?: мат-лы дискуссии. М., 2003. С. 73–77.
9. Кризисный социум: Наше общество в трех измерениях. М., 1994.
10. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 2005.
11. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социокультурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социальной школы. Новосибирск, 1999.
12. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // СоцИс. 2001. № 8. С. 3–11.
13. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
14. Кадыров А.М. Модернизация и глобализация России. Уфа, 2010.
15. Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские? М., 2012.
16. Лосский Н.О. Ценность и Бытие. Харьков; М., 2000.
17. Сиземская И.Н. Социокультурное пространство России: реалии и перспективы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 20–28.
18. Биндюков Н.Г. Глобализация и Россия: парадигма, социально-политический аспект, стратегия левых сил. М., 2004.

A.V. Fedorova
Research of Modern
Organizations:
Theoretical Bases
and Methodological Attitudes

The main theoretical approaches to research of modern organizations are analyzed. Attention is paid to complexity of the research field. The configurations connected with organizational, communicative and managerial risks are described. It is postulated that approach to research configurations from the standpoint of risks can become an integrative, theoretical and methodological compromise in the research of modern organizations.

Key words and word-combinations: modern organizations, risks, configurations, risk studies approach.

Анализируются основные теоретические подходы к исследованию современных организаций. Обращается внимание на сложность исследовательского поля. Описываются конфигурации, связанные с организационными, коммуникативными и управленческими рисками. Постулируется, что подход к исследовательским конфигурациям с позиций рисков может стать интегративным, теоретико-методологическим компромиссом в исследованиях современных организаций.

Ключевые слова и словосочетания: современные организации, риски, конфигурации, рискологический подход.

УДК 316:014
 ББК 60.504/506

А.В. Фёдорова

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Мир организаций настолько разнообразен и сложен, что на современном этапе исследователь все в большей степени встает *на позицию фальсификатора* по отношению к исследовательским процедурам, применяемым к организациям как сложным, многомерным, гетерогенным и рискованным объектам, фактически отказываясь изучать их в соответствии с традиционными алгоритмами исследовательских практик. Тем самым *концепт сложности* социальной реальности и современных организаций подменяется *концептом невозможности исследований*. «Отказ» исследователя признать сложность и многообразие современных организаций и социальных практик, конституирующих организации, с одной стороны, и обусловленного их функционированием, – с другой, привел к *натурализации подходов* к современным организациям. Иными словами, за современными организациями закрепляется статус естественных, необходимых, объективно существующих социальных реальностей.

Основным предметом изучения организаций становятся объективные закономерности функционирования и изменения структур и процессов в них. На наш взгляд, такой подход значительно ограничивает видение современных организаций, неоправданно сужая поле социологической рефлексии, поэто-

му становится важным следующее: во-первых, осветить основные теоретические подходы и методологические установки, применяемые к исследованиям организаций в современной ситуации; во-вторых, привести в логическое соответствие сложность и гетерогенность исследовательского поля современных организаций; в-третьих, выявить новые конфигурации, связанные с полем риска (организационного, коммуникативного и управленческого).

Внесем некоторую терминологическую ясность в процесс использования таких понятий, как «*поле риска*» и «*конфигурации*». По аналогии с социальным и политическим полем П. Бурдьё *под полем риска* будем понимать поле борьбы внутриорганизационных и внеорганизационных сил за обладание различными видами материального / символического капитала. Поле риска конституировано габитусами и диспозициями агентов, а также общей направленностью социальных действий агентов на «выигрыш / ущерб» в ситуации неопределённости, проявляющей себя через особенности социального времени и недостаток / избыток информации [1].

Конфигурации представляют собой пространственное и временное взаимозависимое расположение полей, теоретических подходов, концепций и методологических установок на основе какого-либо *действенного принципа*.

Первая конфигурация, в основе которой лежит принцип *последовательной смены усложняющихся организационных форм*, позволяет рассмотреть организации в динамике как последовательный переход от традиционных организаций к М-формам.

Усложняющиеся организационные формы (от традиционной организации до мультидивизиональной корпорации) коррелируют с изменяющимися условиями и факторами внешней среды. В этом теоретическом подходе акцент делается на *изменениях организационных структур* под влиянием развития идей бизнеса и бизнес-процессов, что позволяет говорить об актуализации традиций, связанных со структурным функционализмом (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, Л.А. Козер), культурным структурализмом, или культурной антропологией, К. Леви-Стросса, марксистским направлением исследований (К. Маркс, Л. Альтюссер), теорией конфликта (Р. Дарендорф, Дж. Рекс и Д. Локвуд), теорией обмена (Дж.К. Хоманс, П. Блау) и других. Тогда теоретические основания и конкретизирующие их методологические установки, используемые для исследований организаций, выстраиваются в рамках институциональных форм, структур и легитимных процессов, последовательно сменяющих друг друга в организациях. Следуя этой логике, можно выделить исторически первый тип организаций – *традиционную организацию*. Она характеризовалась простотой организации внутриорганизационных практик социальных агентов, стабильными и неизменными стратегиями взаимодействия с внешней средой, представляла собой единичную организацию операционально дифференцированную и замкнутую, топологически сосредоточенную в одном месте.

Усложнение структур и процессов, а также их структурная и функциональная дифференцированность, ставшие важными условиями для развития

организаций в XX в., привели к тому, что на смену традиционной организации приходит *унитарная организация* (так называемая U-форма), «состоящая из множества единиц, действующих во множестве различных индустриальных и коммерческих секторов и в ситуации значительной географической отдаленности» [2, с. 201]. В ситуации, когда U-формы перестали отвечать потребностям развивающегося общества, исследователи отмечают произошедший сдвиг от унитарной организации к *мультидивизиональной организационной форме* (M-форме). В рамках мультидивизионального подхода получили свое развитие мультинациональные корпорации, последовательное усложнение структур которых способствовало созданию бизнес-отделов, получивших в дальнейшем статус самостоятельных центров прибыли, управления и контроля за имеющимися ресурсами. Эти процессы в организационном поле обусловлены становлением и развитием монопольного капитализма. Современный исследователь, работавший в русле социологических интерпретаций организаций и менеджмента П.В. Романов, в рамках анализа неомарксистской экономической социологии апеллирует к работам П. Бэрана и П. Суизи, выступающих с критикой марксистских теорий, которые обвиняли данные теории в неспособности объяснить экономический, социальный и организационный переход от конкурентного капитализма к монопольному капитализму. Одним из основополагающих аспектов такого перехода является процесс возникновения гигантских или крупных корпораций, способных контролировать большой сектор экономики [3, с. 4].

П.В. Романов обращает внимание на влияние усложнения организационных форм и их взаимосвязь с изменениями специфических черт «ядерного» процесса в организации – процесса управления. В связи с этим возникает и получает свое развитие новый тип управленческих практик – «*корпоративный менеджмент*», определяющими чертами которого становятся следующие: «...большое количество акционеров, но большинство акций принадлежат небольшой группе крупных акционеров. Несмотря на то, что акционеры “владеют” корпорацией, действительное повседневное управление осуществляют менеджеры. Менеджеры – решающее звено при монопольном капитализме, тогда как при конкурентном капитализме главная роль принадлежала предпринимателям. Менеджеры обладают значительной властью, которую они пытаются поддерживать. Они даже стремятся достичь финансовой независимости своих фирм, пытаясь, насколько это возможно, производить любые необходимые денежные средства своими силами, нежели полагаясь на внешние источники финансирования» [3, с. 5].

Менеджеров как социальную группу в период монопольного капитализма отличают рационализированные стратегии минимизации рисков, что можно противопоставить стратегиям увеличения рисков, к которым были склонны предприниматели в период конкурентного капитализма.

Г. Саймон полемизирует с П. Бэраном и П. Суизи, используя теорию «ограниченной рациональности», подробно им проанализированной в его труде «Модели человека» (1957). Автор данной теории предлагает иную модель социального действия, основанного не на рационализации и стремлении извлечь из

ситуации максимум возможного, а на сориентированности на своем уровне устремлений, притязаний и потребностей, которые и детерминируют его выбор в ситуации неопределенности. Модель «ограниченной рациональности» предполагает признать ограниченность когнитивных и познавательных способностей социального агента в ситуации неопределенности, под которой Г. Саймон в первую очередь понимает информационную неопределенность. Способности социальных агентов оказываются не всегда адекватными сложности стоящих перед ним проблем.

Организации как сложные системы взаимодействий между социальными акторами являются репрезентативными системами, представляющими собой комплексы интерпретаций организационной миссии, целей, задач, ценностей, стратегий. Неоднозначное понимание этих основополагающих элементов организационной политики также накладывает ограничения на рационализацию поведения человека в организациях, особенно в моменты выбора и принятия управленческих решений. Решающим фактором является давление среды, когда социальные акторы попадают в режим компрессии социального, организационного и личного времени.

Придерживаясь структурно-функционального подхода к анализу организованностей, естественных и искусственных организаций, С.С. Фролов рассматривает такие динамические факторы, как возникновение и развитие конкурентных отношений, стремление наладить более прибыльное производство, способствовавших формированию фабричной системы как организации с более сложной структурой и функциями. «Свидетельства появления фабричной системы организации труда: индустриализация производства, то есть введение в производственный процесс высокопроизводительных машин, создание системы общественного разделения труда, возникновение крупных организаций с жестким разделением функций на рынке продуктов и услуг. При этом произошло изменение и социальных отношений: увеличилась роль управляющих, возникли большие социальные группы в рамках организаций, а также неформальные организации рабочих как противовес организации управляющих и собственников, отчетливо проявился феномен отчуждения» [4, с. 15].

Необходимо отметить, что значительный вклад в развитие теоретических подходов к изучению организаций внесли ведущие экономисты XVIII–XIX вв.: А. Смит, исследовавший причины богатства народов и природу этого явления; Ч. Баббедж, рассматривавший трудовые движения по рационализации действий в рамках процессов специализации и разделения труда; Дж. Милл, изучавший функции управленцев и разрабатывающий рациональные управленческие принципы, связанные с процессами организации, мотивации работников и контроля за производством на ткацких фабриках; Д. МакКаллум, анализировавший специфические черты менеджмента на железнодорожном транспорте, и другие. Вклад экономистов в анализ функционирования, изменения и развития организаций позволил оформиться новой конфигурации в экономическом поле, в основе которой лежит *экономическая рациональность*. Однако эта конфигурация является вспомогательной.

Результаты исследований экономистов содержат важный вывод: *динамика развития организаций детерминирована повышением экономической рациональности управления организационными процессами, структурами, функциями, отношениями*. (Повышение рациональности труда в искусственных организациях является самостоятельным принципом организационной конфигурации, которая не может быть рассмотрена в силу ограниченности формата статьи.)

Следствиями повышения управленческой и экономической рациональности стали такие сопутствующие процессы, как *отчуждение* и *аномия*. К. Маркс под отчуждением от труда понимал «отделение работников как личностей от их творчества, продукта их труда и от других людей, к которым они относятся только как к единицам товара» [4, с. 45]. Процесс отчуждения тесно связан с рисками, основными причинами которых являются: низкий статус работника или управленца внутри организации; узкая специализация работ; «отстраненность», «оторванность» работника от конечного выпускаемого продукта и коллег; контроль, который испытывает рабочий со стороны продуктов своего труда.

Мы видим, что отчуждение дезинтегрирует организацию, увеличивает ее гетерогенность, рискованность и конфликтогенность. Американский социолог Р. Блаунер проанализировал переменные, конституирующие процесс отчуждения. К ним он отнес возможность и способность работников организации контролировать производственный процесс; «не быть изолированными»; отношение к своему труду как способу самовыражения и дальнейшего профессионального роста. На основе этих переменных можно выстраивать конкретные показатели, отражающие выход в зоны высоких организационных и управленческих рисков, требующих мер по эффективному управлению ими.

Вторая конфигурация, актуализирующая теоретические подходы и методологические установки к исследованиям современных организаций, основывается на принципе смены *парадигм*. Традиционное деление на классическую, неклассическую и постнеклассическую парадигмы позволяет нам сосредоточиться на особенностях перехода от одной парадигмы к другой. Переход от классической парадигмы к неклассической дает возможность уйти от оппозиций классики к социальным агентам и практикам, связанным с ним (стратегиям, взаимодействиям, ролям). Парадигмальные переходы имеют философские основания. В социологии переход от классической к неклассической парадигме связан в первую очередь с развитием психологического направления и идей символического интеракционизма, а также учитывает сложности периода становления и развития эмпирической социологии в США.

Третья конфигурация дополняет предыдущую, связанную с парадигмами, и развивает ее в границах постнеклассической парадигмы. Основной действенный принцип – «*актуальность / применимость*» в рамках современного социологического анализа. Н.В. Романовский (доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования») на основе проведенного глубокого анализа классифицирует социологию

ческие теории, оформившиеся как парадигмы социологического знания. Однако, на наш взгляд, речь идет скорее об исследовательских полях, позволяющих проблематизировать социальные практики современных организаций.

Н.В. Романовский приводит следующую классификацию современных социологических теорий, оформившихся в современные «парадигмы» социологического знания, которые могут способствовать изучению организаций и практик социальных агентов в них, это: а) культуральная социология Дж. Александера; б) теория «креативного действия» Х. Йоаса; в) реляционная социология И.Ф. Девятко и других; г) теория «цепочек интерактивных ритуалов» Дж. Коллинза; д) теория «актор-сеть» Б. Латура и М. Каллона; е) марксистская социология М. Буравого и Э.О. Райта; ж) критическая социология Д. Сайера; з) социология повседневности П. Штомки; и) интегративные теории Х. Эссера, Н.В. Романовского [5].

Н.В. Романовский, вслед за Дж. Ритцером, обращает внимание на те поля, в которых осуществляется интеграция социологических теорий. Первое поле – интеграция макро- и микроуровней социологического теоретизирования. Второе – интеграция методологическая (количественных и качественных подходов в социологии). Третье – интеграция агентства и структуры. Дж. Ритцер дополняет перечисленные интеграцией в развитие социологии феминистских подходов и постколониальные исследования, Н.В. Романовский – поле временного измерения и социологию пространства.

Исследователи отмечают, что все больше проявляют себя «парадигмальные повороты», изменяющие конфигурацию социологического знания. Н.В. Романовский акцентирует внимание на онтологическом, диалогическом, отношенческом повороте и повороте к повседневности, затронувшими сущность, объект и предмет социальных исследований. Второй тип парадигмального поворота связан с поворотами к новым узкоспециализированным теориям, не принимавшимся во внимание по причине неформальности, концептуальной неразработанности.

Четвертая конфигурация, интегрирующая теоретические основания и методологические подходы к исследованиям современных организаций, выстраивается на основе разработки и внедрения *лидирующей организационной конфигурации*. Этот подход к исследованиям современных организаций эвристичен, содержит в себе теоретический и практический потенциал для рефлексии и разработан профессором кафедры социальных коммуникаций Поволжского института имени П.А. Столыпина Т.П. Фокиной и Т.И. Черняевой на основе метафор, предложенных Г. Морганом. В современной социологии это направление активно развивается Д.В. Ивановым в анализе теории потоковых структур [6].

Как особое направление теоретического анализа и основание для выявления и выстраивания новых конфигураций теоретического и методологического знания оформляется предлагаемый нами *рискологический подход*, основная задача которого состоит в осмыслении функционирования и динамики современных организаций с позиций организационных, управленческих и коммуникационных рисков, в зонировании организации и выделении полей рисков

с высоким, средним и низким уровнями для повышения эффективности управления ими.

На наш взгляд, с позиций рискологического подхода может быть переосмыслена динамика современных организаций, основными акцентуациями деятельности которых становятся разнообразные *поля рисков*. В этом случае обращает на себя внимание возникновение организаций в качестве форм, интегрирующих практики социальных агентов, чья основная цель – оптимизация процесса управления рисками и повышение его эффективности на основе аудита и диагностики организационных и управленческих рисков. С появлением организаций возникает новые типы рисков – организационные, управленческие, коммуникативные, риски конфликтных ситуаций, то есть риски, связанные с социальными действиями агентов во внутренней и внешней среде организаций. Под рисками предлагается понимать *ситуацию с ее структурными компонентами, событие и взаимосвязанные действия социальных агентов, направленные на преодоление информационной и временной неопределенности (темпоральности), последствиями которых могут быть как ущерб, так и выигрыш / возможности*.

Благодаря рискологическому подходу выстраиваются качественно иные конфигурации организационных рисков, детерминированные причинами, условиями, факторами, субъектами, объектами, видами, уровнем и степенью риска. В этой конфигурации социальные агенты рассматриваются с позиций управления рисками и подразделяются на *субъекты риска* (социальные агенты, занимающие активную позицию по отношению к различным видам организационных рисков) и *объекты риска* (социальные агенты, испытывающие воздействия со стороны последствий организационных рисков). При этом рискологический подход к организациям в большей степени проявляет парадокс, заключающийся в том, что организации утрачивают свое первоначальное предназначение, связанное со стратегиями снижения рисков. Современные организации трансформируются в социальные формы, аккумулирующие социальные практики агентов организационной жизни с высоким уровнем и степенью рисков.

С позиций *рискологического подхода* происходит переосмысление динамики теоретических подходов и методологических установок по отношению к организациям. Они возникали как совокупность устойчивых и динамически развивающихся социальных практик, направленных на снижение, в основном, экономических и управленческих рисков, посредством оптимизации затрачиваемых усилий, ресурсов и получаемых результатов. Далее социальные практики перестают выполнять лидирующую роль и становятся фоном для оформления организации как совокупности социальных групп, обеспечивающих в первую очередь коммуникативную целостность. Следующий этап в развитии теоретических подходов к организациям связан с развитием *ситуационного подхода*, с вниманием к причинам, условиям и факторам риска, социальным акторам, обуславливающим возникновение того или иного риска, видам риска, уровню риска и степени риска, то есть тем элементам, которые и структурируют ситуацию риска. *Системные риски*

проявляют себя на следующем этапе развития теоретических оснований и методологических установок по отношению к организациям. Организация осмысливается как сложная, немислимая система, состоящая из множества подсистем и процессов, взаимосвязанных между собой. В роли одной из подсистем управления организацией выступает *процесс управления рисками*. Системные теоретические подходы к организационным и управленческим рискам получили развитие благодаря теориям «новых» систем, одной из которых выступает синергетика. Теории «новых» систем определяют взаимосвязь системных представлений об организациях и управлении с такими свойствами, как открытость, нелинейность, непропорциональность, самоорганизация и самореферентность.

Недостатками теоретических оснований и методологических установок в анализе организаций как сложного и противоречивого явления социальной жизни выступают следующие: во-первых, высокая гетерогенность и рассогласованность при рассмотрении организационных элементов; во-вторых, отсутствие системного видения организации как социальной целостности; в-третьих, невнимание к инновациям, организационным изменениям и развитию современных организаций.

На наш взгляд, *рискологический подход* может способствовать преодолению аналитической ограниченности предшествующих подходов к исследованиям организаций, заключающихся в том, что организации исследовались либо в границах отдельных дисциплин (что, безусловно, необходимо для того, чтобы соблюдать «чистоту» объекта и применяемых методологий, методов и техник), либо на различных уровнях (к базовым относили философский, социологический и психологический, при этом выделялись и отдельные субуровни, например социально-психологический или макро-, мезо- и микроуровни в рамках социологического уровня).

Таким образом, подход с позиции аналитики и систематики рисков к исследованиям современных организаций, процессов управления, коммуникаций и конфликтов в них может стать теоретико-методологическим компромиссом, открывающее новое интегративное поле для рискологических исследований [7].

Библиографический список

1. Наумов С.Ю., Журавлев П.В., Шеховцев А.Ю., Фёдорова А.В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2004.
2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.Б. Социологический словарь / пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. М., 1999.
3. Романов П.В. Социология менеджмента и организаций: хрестоматия. Саратов, 2005.
4. Фролов С.С. Социология организаций. М., 2001.
5. Романовский Н.В. Эволюция теоретической мысли в мировой и отечественной социологии – XV Харчевские чтения // СоцИс. 2014. № 2.
6. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // СоцИс. 2012. № 4.
7. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / кол. моногр. под ред. Е.Я. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М., 2013.

**E.Yu. Strigankova
Communication
and Socialization in Forming
Information Society:
Socio-Philosophical Reflection
of Interaction Processes**

The challenging issues of modern information society formation are analyzed. The author studies, from the standing point of socio-philosophical approach, the interrelation of the communication and socialization processes within the information society area. The characteristics of both communication and socialization are defined, as well as their structural and functional peculiarities. The special attention is paid to the social significance of topical social practices realization.

Key words and word-combinations: social communication, information society, socialization, social interaction, communicative practices.

Рассматриваются актуальные вопросы формирования современного информационного общества. Осуществляется социально-философский анализ взаимодействия процессов коммуникации и социализации в информационном обществе. Определяется специфика названных феноменов, выявляются особенности их структурных и функциональных проявлений. Акцентируется социальная значимость в реализации актуальных социальных практик.

Ключевые слова и словосочетания: информационное общество, социальная коммуникация, социализация, социальное взаимодействие, коммуникативные практики.

УДК 316.74:001+004.41/42
ББК 60.561.8:72+32.973-018.2

Е.Ю. Стриганкова

**КОММУНИКАЦИЯ
И СОЦИАЛИЗАЦИЯ
В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ
ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
ПРОЦЕССОВ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В контексте изучения социальных изменений современного общества возрастает актуальность исследования различных видов социальных взаимодействий, в том числе имеющих существенное значение для становления информационного общества. Для нашего исследования становится актуальной социально-философская рефлексия двух социальных феноменов – коммуникации и социализации, их места и влияния на формирование современного общества, качества его функционирования.

Проникновение в сущность названных феноменов, исследование их взаимосвязи и взаимодействий в проблемном поле информационного социума призвано способствовать положительной динамике и результативности социального развития. Важно, на наш взгляд, акцентировать внимание на феномене социальной коммуникации, обладающем большей новизной и, соответственно, менее изученным, также и с позиций социальной философии. Исследование проводится с применением методологии системно-структурного анализа, позволяющего выделить исходные и устойчивые структуры коммуникации, определить и систематизировать их элементный состав, выявить особенности функциональных связей, сконст-

руировать необходимые дефиниции. Предложенная методология призвана помочь в преодолении дескриптивности исследования, обеспечить качественную социально-философскую рефлексию взаимодействия коммуникации и социализации в формирующемся информационном обществе, определить перспективы формирования коммуникативной личности. Прежде всего необходимо анализировать феномен коммуникации, в котором мы выделяем исходные и устойчивые структуры.

Определение исходных структур социальной коммуникации позволяет сделать вывод о том, что человек является субъективной предпосылкой и продуктом социальной коммуникации; в ее процессе происходит воспроизводство социума как вторичной, по отношению к природе, среды обитания человека. Гарантией воспроизводства человека в пространстве социума выступают устойчивые структуры социальной коммуникации: коммуникативное действие, коммуникативные практики и язык коммуникации.

Исходные структуры социальной коммуникации мы определяем как *оперативные связи, регламентирующие производственные и непроизводственные отношения с целью поддержания целостности социума*. В основе исходных структур социальной коммуникации лежит конкретный вид производственной или непроизводственной деятельности, которая формирует потребность во взаимодействии. Коммуникация проявляется через социальную жизнедеятельность субъекта коммуникации, который опосредует ее через разнообразные социальные практики. Исходные структуры коммуникации – внешние социальные структуры, формирующие потребность в коммуникации (совместная производственная деятельность, досуг, торговля, путешествия, войны, политика и т.д.). Элементами данного типа структур являются: социальная ситуация; отдельные виды социальной деятельности; социальные практики как формы человеческой деятельности; субъект коммуникации – активный участник социальных преобразований.

В основе устойчивых структур коммуникации лежит потребность в коммуникации, которая опосредована коммуникативной деятельностью субъекта коммуникации через коммуникативные практики и язык коммуникации. Элементами такого типа структуры будут следующие: речевая ситуация; коммуникативная деятельность; коммуникативные практики как устойчивые формы коммуникативной деятельности; субъект коммуникации как социально-активная языковая личность. Коммуникация проявляется через коммуникативно-языковую природную данность субъекта коммуникации. Язык, будучи средством лингвистической объективизации, обеспечивает когнитивное восприятие реальности. Социальная структура способна существовать лишь при условии понимания субъектами деятельности сути производимых ими действий.

Следовательно, устойчивые структуры социальной коммуникации можно определить как *инструментальные связи, обеспечивающие хранение и трансляцию социальных кодов с целью воспроизводства социума*. Код в данном случае определяется как система, устанавливающая следующее: репертуар противопоставленных друг другу символов; правила их сочетания; окказионально взаимно однозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому [1, с. 57].

Сущность коммуникации, по нашему мнению, раскрывается в социальных практиках, потенциально способных обеспечить реализацию специфичного целерационального коммуникативного действия. *Коммуникативные практики –*

социально-значимые действия, направленные на передачу актуальной информации, характеризующиеся целерациональным воспроизведением коммуникативных отношений, релевантных определенному социальному контексту. Данные практики, осуществляющие прогрессивные цели, направлены на установление взаимопонимания, формирование эффективных поведенческих моделей, приобщение к культурным ценностям Другого и социальную интеграцию Другого в коммуникативное сообщество, то есть им принадлежит определенное место и в осуществлении социализации, являющейся процессом формирования личности, посредством осваивания духовных и материальных ценностей.

Мы исходим из следующих позиций: человек коммуникативен по своей природе, коммуникация является его неотъемлемой, сущностной характеристикой и условием социального существования. Социальное существование, то есть реализация социальных функций человека как члена определенной общности, характеризуется рядом параметров, наиболее важными среди которых являются: пространственно-временные отношения; тип социальной общности; содержание социальных практик, субъектом или объектом которых он является. Относя потребность в коммуникации к социальным потребностям, следует учитывать их природную основу. Внутренние характеристики социальной коммуникации представляют социобиологический комплекс, влияющий на развитие личности, ее активность. В онтогенезе человек, создатель ноосферы, попадает в состояние зависимости от коммуникативных отношений сразу же после своего рождения, так как вынужден усваивать все правила и нормы коммуникативного поведения априорно существующей социальной действительности. Индивид становится участником процесса коммуникации сначала в качестве объекта, на который направлены человеческие отношения: индивидуальность не есть еще социальная личность. Личность возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне культурой и моралью, проявляющими себя значимыми социальными детерминантами.

В исследовании социальной коммуникации и коммуникативных практик социума личность привлекает наше внимание прежде всего как активный субъект коммуникации и творческий участник общественной жизни, который несет ответственность за инициирование и осуществление социальных процессов, направленных на поддержание, воспроизводство и преобразование общества.

В ситуации формирующегося информационного социума взаимосвязь социальной коммуникации и социализации становится наиболее очевидной, поскольку объективная социальная реальность представляет собой сложную коммуникационную инфраструктуру, воспроизводство которой обеспечивают многократно повторяемые коммуникационные и коммуникативные взаимодействия. При этом систематичность, ресурсоемкость такого рода взаимодействий, непрерывность процесса перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условия их жизни, средства их деятельности, схемы их самоутверждения позволяет говорить об экспансии систематических практик коммуникации. В их масштабности, функциональной унифицированности и технологичности обнаруживается содержание информационно-коммуникативных практик современного общества. Эти практики не являются обычной суммой технологий, и потому оказывают мощное, на данном этапе недостаточно осознаваемое, воздействие на жизнь человека и общества [2].

В основе коммуникативных практик социализации лежат лингвистическая объективация социального мира и определенный тип социальности. Лингвистическая объективация есть «проговаривание» реальности посредством речевой коммуникации. Через вербализацию объектов социальной реальности происходит их включение в личное семантическое поле субъектов социализации. Постигание смыслов, формирование представлений, формулирование понятий мира вещей и рефлексия социальных взаимодействий происходит через язык, являющийся актуальным средством коммуникации. Таким образом, система языка является устойчивой структурой социальной коммуникации и важным фактором поддержания реальности. Язык коммуникации методологически и функционально связан с речевой ситуацией, определяющейся социокультурным контекстом того или иного типа социальности.

Деятельность индивида как полноценного члена общества во многом обусловлена степенью и успешностью его социализации, которая, в свою очередь, зависит от эффективности коммуникации, выстроенной в контексте социальной жизнедеятельности объекта социализации, от трансформации личного «Я» в активного субъекта социальных взаимодействий. В процессе коммуникации происходит самоидентификация индивида, осознание им уникальности своего личного «Я» и признание уникальности Другого. Интерсубъективная основа субъект-субъектного или субъект-объектного взаимодействия, заложенная процессом коммуникации, является предпосылкой социализации. Далее успешность социализации предопределяется степенью комфортности включения личного «Я» в систему предлагаемых ему Другим ценностных координат. Через приобщение к ценностям Другого достигается понимание того, насколько соблюдены интересы, удовлетворены потребности и достигнуты цели социализируемого субъекта. Потребностно-целевая детерминация коммуникации обусловливается видами социальной деятельности, среди которых, как основополагающих для процесса социализации, по нашему мнению, следует выделить духовную, духовно-практическую и практическую деятельность [3, с. 220–226]. Взаимодействие в данных сферах деятельности реализуются через релевантные им социальные практики.

Значение социализации для человека как социального существа настолько велико, что, так же как и коммуникация, социализация может быть причислена к неотъемлемым свойствам человека. Однако если коммуникация является онтологическим свойством человека, то социализацию мы можем характеризовать как его атрибутивное свойство. Гносеологической точкой пересечения коммуникации и социализации является личность, которая выступает их субъектом и объектом. Исходя из этого, можно предположить, что коммуникация и социализация находятся в отношениях взаимосвязи, исследование которой дополняет наши представления о феномене коммуникации и его роли в социальных связях людей в обществе. В данном случае социализация как процесс операционального овладения набором программ деятельности и поведения, характерных для той или иной культурной традиции, а также процесс интериоризации индивидом выражающих их знаний, ценностей и норм, приобретает особое значение [4].

В связи с этим привлекает внимание концепция Британской группы куль-

турных исследований (British Cultural Studies Group), определяющая культуру как деятельность людей по преобразованию собственной истории в процессе социальной практики. Теоретики «культурных исследований» (в частности, Раймонд Уильямс) анализировали культуру не как совокупность идей, а как способ проживания («the way of life»). Развивая эту мысль, С. Холл подчеркивает, что культура – это то, что «пронизывает насквозь», пропитывает все социальные практики в обществе, олицетворяя собой их коммуникативное ядро. Анализ культуры позволяет эксплицировать своего рода модель функционирования всего социума; увидеть искусство, торговлю, политику, религию, социальные институты, семейные отношения как объединенные в некое целое благодаря наличию культурных связей. По мнению С. Холла, исследовать культуру – значит понять «структуру чувствования», присущую данному обществу [5].

Деятельность Британской группы культурных исследований оказала значительное влияние на развитие теории коммуникации и, в частности, теории массовых коммуникаций в Великобритании и США во второй половине XX в. Новый подход к пониманию культуры, предложенный представителями данной школы, способствовал проведению анализа современного общества на социокультурных основаниях (в отличие от формационного и цивилизационного подходов). Как отмечается в оценках результатов научной работы названной группы исследователей, «современные антропологи-теоретики тонко переформулировали понятие культуры, включив в него не только нормы, ценности и убеждения, но и все социальные практики... Согласно этому взгляду, культура не является неким... отдельно стоящим феноменом – она скорее «встроена» в социальную структуру» [6, с. 91].

Таким образом, коммуникация выполняет двоякую роль: с одной стороны, она является транслятором культуры (социализация), а с другой – структурирует культурное пространство социума (конституирование).

Особую актуальность в связи с этим приобретает исследование понятия «культурная социализация». В отечественной научной литературе данный термин употребляется наряду с такими, как «политическая социализация», «национальная (этническая, региональная) социализация», «семейная социализация», «экономическая социализация», «правовая социализация», «профессиональная социализация», «психологическая социализация», «образовательная социализация», «педагогическая социализация», «гендерная социализация». Однако поиск определения данного термина в справочной философской литературе не дал положительного результата. В обществоведческих словарях «культурная социализация» рассматривается как аспект социализации, характеризующий вхождение индивида в социокультурную систему [7].

Мы разделяем подход А.В. Лукова, который считает, что «культурная социализация – двусторонний процесс постоянной передачи обществом и освоения индивидом в течение всей его жизни и особенно в молодом возрасте через посредство социализационных институтов (языка как средства коммуникации, игровой деятельности, образования, СМИ) культурных ценностей, реалий и идеалов культуры, выработки культурных потребностей и интересов, установок, жизненных ориентаций, этнокультурной самоидентификации, организации досуга, художественных предпочтений – в итоге: формирования культурных картин мира, – позволяющий индивиду функционировать в пространстве куль-

туры данного общества» [8]. Данное определение представляет интерес в двух аспектах: во-первых, роль культурной социализации понимается как интегрирующая для общего процесса социализации; во-вторых, впервые обращается внимание на итог процесса социализации.

В отличие от философских источников, в отечественной справочной литературе социализация определяется как процесс, и в большинстве исследований акцентируется значение изучения именно процесса, а не результата социализации. С нашей точки зрения, это можно объяснить постулатом непрерывности социализации как процесса, происходящего на протяжении всей жизни человека, и прекращающегося лишь с его смертью (имеется в виду социализация в общем смысле как процесс включения индивида в систему общественных отношений и формирования у него социальных качеств [9]). В данном случае вряд ли возможно говорить о конечном результате социализации, поскольку она имеет бесконечное множество вариантов и сценариев, определяемых социальными ролями, исторической и социокультурной ситуацией. Между тем при изучении социализации предметной – «культурной социализации», «политической социализации», «семейной социализации», «экономической социализации», «профессиональной социализации», «образовательной социализации» – считаем не только возможным, но и целесообразным проводить анализ результатов социализации.

Итак, в исследовании культурной социализации автора интересует не только ее процессуальная часть, но и результат. Важную роль в этом отношении играет субъект социализации, который будет совпадать с субъектом коммуникации, выполняющей при этом сервисную роль транслятора культурных символов. Процесс социализации представляется как процесс взаимодействия субъектов социализации, выступающих в качестве «Я» и Другого, причем субъектом социализации могут выступать самые различные субъекты социального действия: человек, социальная группа, общество. Данное интересубъективное взаимодействие разворачивается в определенной коммуникативно-культурной структуре социума. Результатом этой интересубъективной коммуникации является «качественное своеобразие различных типов (по формациям и по цивилизационному принципу), видов (по определенным видам социальной деятельности) и уровней социализации (от полного ухода от общества до всемирных забот и интересов)» [9].

Социализация не может быть выведена лишь из личного «Я», ей необходимы отношения интересубъективности, где личному «Я» противопоставлен Другой. Отношения коммуникации предлагают социализации разные пары, выходящие за пределы автономного и самодостаточного «Я» – Я-Ты, Я-Мы, Я-Оно, Я-Они. Каждая из пар имеет свои собственные отношения, характеризующиеся с точки зрения сообщения-приобщения, субъекта и объекта. Данные идеи оказали влияние на изучение феномена социализации. Так, например, отмечается, что «в трактовке социализации исторически сложились два подхода: субъект-объектный – субъект – социализации – общество, объект – человек (восходящий к Э. Дюркгейму и Т. Парсонсу) и субъект-субъектный – и общество, и человек – субъекты социализации (истоки которого можно найти в работах Ч. Кули и Дж.Г. Мида)» [10].

С точки зрения субъект-субъектного подхода, индивидуальное «Я» приобретает

социальное качество в коммуникациях, межличностном общении внутри первичной общности (Ч. Кули) (семьи, группы сверстников, соседской группы), то есть в процессе взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов личное / воспринимается с позиции *Me* (Дж.Г. Мид), обретая представление *Self* (У. Джеймс). Иными словами, происходит идентификация личности, которая базируется на понятии самости (*Self*). Далее происходит процесс адаптации индивида к социальной группе, который заключается в том, что индивид преодолевает свое экзистенциальное одиночество для участия в социально-групповой коммуникации, интегрирует свою самость в коммуникативно-смысловое пространство данной группы, принимая ее культуру, ценности, нравственные и этические нормы.

Значит, суть социализации – в балансе адаптации и обособления человека в социальной группе или, в терминологии нашего исследования, коммуникативном сообществе. Их сочетание определяет становление индивида как социального существа и развитие человеческой индивидуальности. Истинная социализация – это процесс достижения индивидуализации; социализация личности всегда индивидуальна. Однако в процессе адаптации к социальной общности существует риск утраты культурной идентичности. Превентивными механизмами могут выступать механизмы коммуникации обособления и единения, используемые в их диалектическом единстве. Механизм идентификации и коммуникации обеспечивает передачу уже ранее существующей идентичности, позволяя тем самым идентичности воспроизводиться вновь и вновь. Пока сохраняется память и существует ориентация на ценности прошлого опыта, а также связь с поколениями, механизм идентификации и коммуникации продолжит воспроизводить прежнюю идентичность (которая выражается в потребности человека в групповой принадлежности) [11, с. 53]. Данная потребность реализуется через прохождение двух этапов социализации – первичного и вторичного. Специфика коммуникации и ее роли на стадии вторичной социализации характеризуется тем, что индивид вынужден усваивать институциональный контекст.

По нашему мнению, социально-философская рефлексия взаимосвязи процессов коммуникации и социализации не только не утрачивает актуальности, но наполняется новым содержанием. Использование традиционных и современных методологических и концептуальных средств социально-философского анализа феномена коммуникации и социализации, их взаимодействия позволило показать следующее: во-первых, обновление связей и взаимодействий в информационном обществе, стремительное развитие его коммуникативности приводит к тому, что коммуникация, проникая в контекст социализации, обогащает ее содержание и формирует качественно новый результат; во-вторых, современное понимание социализации конкретизирует процесс взаимодействия социальных субъектов (человека, социальных групп, обществ); в-третьих, социальное взаимодействие носит intersubъективный характер и порождает новационные коммуникативные структуры, релевантные процессам социализации информационного общества.

Библиографический список

1. Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 2004.
2. Клягин С.В. Аватары нечеловеческого: социально-антропологические вызовы современных информационно-коммуникативных практик. URL: <http://jarki.ru/wpress/2012/01/30/2964/>

3. Стриганкова Е.Ю. Коммуникация в процессах социализации // Вестник ПАГС. 2011. № 3 (28). С. 220–226.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
5. Грицанов А. Постмодернизм. URL: <http://www.e-reading.org.ua/download.php?book=127706>
6. Крейн Д. Социология культуры: вызов социологии как дисциплине // Контексты современности-I. Казань, 2000. С. 96–100.
7. Новейший философский словарь. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Философский%20словарь/>
8. Луков А.В. Культурная социализация // Знание. Понимание. Умение. 2009. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov_AV/
9. Алтатова К.А. Социализация как процесс и результат взаимодействия «Я» и «Другого»: дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2010.
10. Мудрик А.В. Воспитание в процессе социализации. URL: <https://molod.eduhmao.ru/info/1/3718/23235/>
11. Мухамедова Л.И., Хомутова А.Е. Коммуникативные коды политического поведения молодежи. М., 2010.

N.F. Zhirnov
Ideas of Conservatism
in Works by E. Burke,
E. Voegelin and K. Schmitt

The ideas presented in works of the prominent political thinkers of XVIII – early XX centuries are considered. Their previously expressed ideas which have become the foundation for the theoretical constructs of modern conservative theorists are analyzed. It is proved that ideas of Burke, Voegelin and Schmitt still remain the basis of modern politics analysis.

Key words and word-combinations: conservatism, Burke, Voegelin, Schmitt, ideology, politics.

Рассматриваются идеи, представленные в работах видных политических мыслителей XVIII – первой половины XX в. Анализируются высказанные ими идеи, ставшие фундаментом теоретических построений для современных консервативных теоретиков. Доказывается, что идеи Бёрка, Фёгелина, Шмитта и сегодня остаются основой анализа современной политики.

Ключевые слова и словосочетания: консерватизм, Бёрк, Фёгелин, Шмитт, идеология, политика.

УДК 316.75:32+32.001
ББК 66.05+66.1(0)

Н.Ф. Жирнов

ИДЕИ КОНСЕРВАТИЗМА В РАБОТАХ Э. БЁРКА, Э. ФЁГЕЛИНА И К. ШМИТТА

В истории политической мысли Эдмунд Бёрк, Эрех Фёгелин и К. Шмитт занимают особое место. Их жизнь и творчество совпали с переломными моментами истории стран, где они жили (Англия и Германия), а именно с периодами становления и торжества либеральной и радикальной идеологий, порожденных политической борьбой в Англии XVII в. и Французской революцией XVIII в. Их идеи получили развитие в XX в. в виде большевизма, национализма и нацизма – как крайне левой идеологии, так и крайне правой идеологии. Центром этих двух идеологий оставалась консервативная идеология, которая не позволяла окончательно скатить-

ся обществу в бездну. На наш взгляд, актуальным остается вопрос: в чем состоит значение консервативных идей, которые можно считать спасительными хотя бы для начала XX в., и какова их роль в наше время?

Идеи, изложенные Э. Бёрком, Э. Фёгелином и К. Шмиттом, стали фундаментом консервативной, а сегодня и неоконсервативной идеологии. Становление политической теории Э. Бёрка произошло после завершения политической борьбы короля и парламента. Торжество парламента привело к появлению новой политической системы в Англии. Крупнейшими событиями для Европы стали Французская и Американская революции XVIII в.; в Англии – «восстание лорда Гордана», направленное против закона «О веротерпимости»; борьба тори и вигов определила развитие Англии второй половины XVIII в. Значение Э. Бёрка состоит в том, что он посредством дивергентности и интеграции провел расщепление идеологии тори и вигов в интеграцию идей, которые легли в основу по сути новой идеологии, получившей название консерватизма. Основные мысли изложены Э. Бёрком в произведениях «Настоящее положение наций», «Размышление о Французской революции», «Защита естественного общества», «Краткая история Англии», «Три письма к благородным лордам», где он подвел итог своим размышлениям по поводу политики.

В основе теории консерватизма лежит биполярность естественного и позитивного права. Естественно-правовые нормы относятся ко всем индивидам, следование содержащимся в них предписаниям отвечает критериям высшей, абсолютной справедливости. Эти требования гарантируют индивиду высшую правоту в его ориентационной и регулятивной деятельности.

Основу консерватизма составляет традиционализм, являющийся ключевым элементом политической теории Э. Бёрка. Традиции противопоставляются им «разуму», который провозгласили французские просветители XVIII в. Соблюдать традиции означало действовать в соответствии с естественным ходом вещей, то есть с природой, с вековой мудростью, аккумулированной в традиции. Политика является не столько итогом глубокого размышления, сколько результатом следования природе человека, общества, находящейся выше рефлексии.

Развиваясь на основе законов природы, общество опирается на духовную, психическую и физическую целостность, что дает возможность сохранить социальные связи, идентичность личности и проводить перемены без ущерба для социальной системы. Общество строится на социальной иерархии, и это позволяет сохранить его целостность и благополучие. В обществе не существует социального равенства, так как оно может привести к социальной анемии, равенство возможно только в правовом смысле.

Воплощением традиции и естественного права является английская конституция – драгоценное наследие предков. В ходе ее естественного развития сложилась целая система взаимоуравновешивающих элементов, которая обеспечивает равновесие и стабильность политической системы. Это равновесие не должно нарушаться теми, кто заинтересован в сохранении спокойствия и порядка; допустимо лишь, где нужно, подобно садовнику время от времени бережно удалять с вечнозеленого дерева конституции старые, засохшие побеги, пестовать новые. Так медленная, постепенная эволюция сочетается с принци-

пом сохранения традиций, которые дополняются лояльностью к политическим институтам как наследию предков.

Политическое развитие должно осуществляться только с помощью реформ в естественном ходе вещей. Главное, чтобы реформы не нарушали «естественные» традиционные основы общества. «Мой ведущий принцип в модернизации государства, – подчеркивал Э. Бёрк, – использовать имеющиеся материалы. Честный реформатор не может рассматривать страну всего лишь как чистый лист, на котором он может писать все, что ему заблагорассудится. Стандарту государственного деятеля должны быть свойственны: предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе» [1, р. 427–428]. Любая модернизация должна опираться на традицию и авторитет, принцип торизма.

Главный в модернизации, по мнению Э. Бёрка, – принцип превентивности, предназначение которого состоит в предотвращении радикальных преобразований (революции). При этом понятия «изменение» и «реформа» признавались нетождественными: первое меняло сущность субъектов, второе их сущность не затрагивало, являлось «вынужденным средством», которое приходилось применять (принцип торизма).

Приоритетными признавались личные права, права и свободы как базирующиеся на фундаментальных законах природы и лишь дополняющиеся обязанностями человека перед обществом и государством, что позволяет уравновесить негативные и позитивные аспекты. Перед личными правами приоритет отдается обществу, так как в нем концентрируется мудрость поколений. Главная задача государства состоит в обеспечении и защите естественных прав человека, и реформы не должны нарушать «естественные» традиционные устои общества.

С точки зрения Э. Бёрка, консерватизм – это система воззрений на окружающий мир, тип сознания и политико-идеологических ориентаций, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями. Современные теоретики консерватизма трансформировали политические идеи Э. Бёрка в концепции финансовой бережливости, частной собственности, законности, социального порядка, традиционного общества, традиции, постоянства, преемственности, стабильности политической системы в рамках национальных школ: англо-американской, немецкой, французской, латиноамериканской, русской.

Идеи консерватизма получили продолжение в работах немецких политических мыслителей XX в. Эриха Фёгелина и Карла Шмитта. В фундаментальных трудах «Порядок и история», «Новая наука политики» Э. Фёгелин представляет анализ истории политической организации общества на принципе гностицизма [2]. Обе книги изобилуют сложной специальной терминологией, которую автор использует для объяснения своих позиций. Основная идея Э. Фёгелина, называемая «гностицизмом», сводилась к тому, что правительства могут осчастливить людей; эта одна из самых невероятных иллюзий либеральной эры конца XIX – начала XX в. привела к катастрофическим последствиям в Европе и Азии, сказывающимся до сих пор.

Принцип гностицизма состоит в том, что существующие в обществе недостатки могут быть устранены передачей всей полноты власти в руки элиты, которая должна быть ответственной за решение политических и социально-экономических проблем общества. Добившись политической власти, гностические секты начинают требовать от простых людей полной поддержки. Но когда

их планы срываются, гностические элиты стремятся переложить свою ответственность за неудачи на других, дожидаясь разрешения сложных проблем, чтобы потом вновь вернуться к власти. Основное содержание гностических программ состоит в формировании идеального политического и социального порядка.

Работы Э. Фёгелина, построенные на наблюдениях политической реальности первых десятилетий XX в. Германии, во многом актуальны и сегодня. По его мнению, каждый «изм» XX в. содержит не только общие гностические черты, но и конкретные признаки (например, либеральная коммунистическая преданность уравниловке, феминистская вера в узаконенную жертвенность женщин и др.) и не используется совместно с другими «измами». Мысли Э. Фёгелина представляются весьма современными в свете политики, которую проводят сегодня США и страны Западной Европы, объявляя себя эталоном политического развития. К примеру, политика Дж. Буша-младшего по отношению к другим странам мира основывалась на гностической концепции идеального мира. В настоящее время этой же линии придерживается и Б. Обама. Заявляемые цели либерализма задуманы с точки зрения гностиков ради рая, который никогда не будет достигнут, так же как никогда не исчезнут требования неоконсервативных интеллектуалов по достижению этих целей. Гностические теоретики проповедуют истину, которая, с их точки зрения, доступна простым людям и является своего рода политической религией; как сторонники утилитарной морали они нацелены нести ее в общество всеми доступными средствами. Все секты гностиков стремятся к достижению земного рая как наивысшего блага, поэтому любые действия с этой целью ими заранее оправдываются. С гностической точки зрения мораль – категория политическая и ничего общего не имеет с понятием чести.

Э. Фёгелин подчеркивает, что теории, построенные на гностицизме, привели к тоталитаризму, и эта тенденция сегодня просматривается в политике США и некоторых стран Западной Европы. Замечание немецкого мыслителя о том, что идеология не может выступать в роли фундамента цивилизации, объективно перекликается с идеями Э. Бёрка об органическом развитии человеческого общества и политических институтов. Всякое искусственное прерывание такого развития ведет к политическим и социальным катастрофам [3].

Э. Фёгелин привнес континентальную традицию рассуждений в англосаксонский философско-политический дискурс. Высказанные им политические идеи сильно изменили американский консерватизм. Благодаря ему американские консерваторы смогли сформулировать по сути новую политическую философию, получившую название неоконсерватизма. Кроме того, под влиянием событий в мире они перестали верить в технологический прогресс и в то, что общество лучшим образом можно было бы перестроить по строгому плану, заданному кем-то. Аргументы, приведенные Э. Фёгелином, дали консерваторам возможность бороться с подобными концепциями.

Политическое наследие К. Шмитта представлено многочисленными эссе, статьями и книгами, заслуживающими пристального научного внимания. В первой половине XX в. широкий резонанс получила его работа «Понятие политического», другие труды известны в России мало. Так, в эссе «Диктатура» К. Шмитт выявляет эффективные и неэффективные элементы новой конституции его страны. Должность президента характеризуется им как сравни-

тельно эффективный элемент в силу того, что он приобретает власть объявлять чрезвычайное положение. Эти полномочия президента, которые К. Шмитт нежно хвалил как диктаторские [4], по сравнению с более медленными процессами законодательной политической власти, достигнутой посредством парламентского обсуждения и компромисса, представлялись ему более эффективными.

К. Шмитт утверждал, что если конституция государства демократична, то любое отрицание демократических принципов, осуществляемое государственной властью независимо от одобрения большинством граждан, можно определить как диктатуру. Для К. Шмитта каждое правительство, способное к решительному действию, должно включать диктаторский элемент в пределах своей конституции. Именно поэтому немецкое понятие «*Ausnahmezustand*» следует переводить как «чрезвычайное положение», что дословно означает государство исключения, которое, согласно К. Шмитту, освобождает руководителя от любых юридических ограничений в применении определенных действий. Термин «исключительный» определяется им специфично: суверенитет понимается как разрешение власти принимать исключительные меры в государстве в острых ситуациях.

Рассуждения о конституции и ее роли в государстве К. Шмитт продолжил в эссе «Политическое Богословие», где суверен определен следующим образом: «Суверен... кто выбирает исключение», при этом важен политический момент, когда следует преступить верховенство закона в интересах общества.

Название эссе основано на утверждении К. Шмитта о том, что «все существенные понятия современной теории государства представляют секуляризацию теологических понятий» – другими словами, в политической теории государства принцип суверенитета можно соотнести с теологическим принципом Абсолютной власти.

Поддержка К. Шмиттом авторитарных структур власти прослеживается в статье «Кризис парламентарной демократии», где автор критикует методы либеральной политики, якобы оправданные верой в рациональное обсуждение и открытость, что противоречит фактической политике парламентских фракций, в которых результаты вырабатываются партийным руководством.

Важным вкладом К. Шмитта в политическую мысль явилась разработка концепций конституции и диктатуры, которые до него практически игнорировались в политических исследованиях. Его теория не соответствовала традиционному дискурсу, так как в тот период кризис политической жизни не был столь масштабным для многих наций, в более глубоком кризисе оказалась в дальнейшем и Веймарская республика. В современных условиях идеи К. Шмитта приобретают актуальность и широкое распространение в силу большего соответствия реальной политической действительности.

Библиографический список

1. *Burke E.* The Works. L., 1872.
2. The Collected Works of Eric Voegelin. Vol. 15 // Order and History. Vol. 2: The World of the Polis. University of Missouri, 2000.
3. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / пер. с англ. М., 1993.
4. Шмитт К. Диктатура: От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. М., 2005.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

N.S. Safronov
Development
of Power Institutions
in Regional Political Space

Formal functionality of regional political institutions in the Russian Federation is compared to their real powers and nature of activity. The assessment of efficiency of administrative process at regional level in political space of the Saratov Region is given. The main functions of regional political institutions are considered through the prism of interaction with federal authorities. An assumption of the reasons for inefficient interaction of federal and regional political institutions is made.

Key words and word-combinations: power institutions, regional interests, representation, efficiency, political space.

Сравнивается формальная функциональность региональных политических институтов в Российской Федерации с их реальными полномочиями и характером деятельности. Дается оценка эффективности управленческого процесса на региональном уровне в политическом пространстве Саратовской области. Рассматриваются основные функции региональных политических институтов через призму взаимодействия с федеральными органами государственной власти. Делается предположение о причинах неэффективного взаимодействия федеральных и региональных политических институтов.

Ключевые слова и словосочетания: институты власти, региональные интересы, представительство, эффективность, политическое пространство.

УДК 342.55
ББК 67.400.7

Н.С. Сафронов

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Это свидетельствует о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, а значит, и о наличии региональной системы власти и региональной политики. Осознание и возможности реализации региональных интересов являются основой региональной политики, в рамках которой формируется политическое пространство субъектов РФ. Эффективность регионального политического пространства обеспечивается развитостью и активностью его институтов. Они занимают важнейшее место в системе государственной власти.

Современная система региональных институтов политической власти существует уже

более двух десятилетий и находится в постоянном развитии. Функции региональных политических институтов оговорены в Конституции РФ 1993 г. В главе 3 «О федеративном устройстве» описаны сферы политической деятельности совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Этот документ – базовый для определения полномочий федеральной и региональной власти. Помимо Конституции, о разграничении полномочий говорится в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Закон о МСУ), Законе № 199-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований». Общий смысл этих законов можно свести к конкретизации сфер деятельности и полномочий органов государственной власти в субъектах РФ, а также к повышению их ответственности за организацию и эффективность управленческого процесса в пространстве своих регионов.

Упоминание юридических аспектов деятельности институтов власти регионов и их взаимодействия с федеральными органами государственной власти можно встретить у таких ученых-юристов, как О.Е. Кутафин, А.В. Малько, Н.И. Матузов, и других. Но в этих трудах преобладает сугубо юридический подход со слишком детальным рассмотрением проблемы в юридическом смысле и незначительным вниманием именно к политическим аспектам управленческого процесса. Среди политологов стоит отметить А.Г. Чернышова, В.Н. Колесникова, О.В. Бахлову [1–3]. Тем не менее тема развития региональных политических институтов недостаточно изучена, и, следовательно, становится актуальным рассмотрение некоторых аспектов эволюции и функциональности институтов власти в региональном политическом пространстве.

Региональная политическая власть в России имеет свою структуру, которая на протяжении всего времени существования находилась в постоянном развитии и продолжает эволюционировать. Вместе с тем необходимо учитывать факт структурных различий во всех субъектах РФ: республиках, краях, областях, автономной области и автономных округах, особенности конституционно-правового статуса каждого из которых также закреплены в Конституции РФ. Наше исследование посвящено эволюции структуры областной формы субъектности на примере Саратовской области.

В соответствии со ст. 5 и ст. 66 Конституции РФ, статус области определяется Конституцией РФ и уставом, принимаемым областным законодательным (исполнительным) органом власти. 24 мая 2005 г. Саратовской областной Думой (Законом № 46-ЗСО) принят Устав Саратовской области, который закрепил структуру региональной политической системы и взаимодействие ее институтов: губернатора, областной Думы, местного самоуправления. Помимо Устава существенные структурные изменения вносят должности полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе и главного

федерального инспектора по Саратовской области, а с 4 апреля 2005 г. – Общественная палата РФ. Деятельность Общественной палаты направлена на согласование интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества в стране. Эволюционное развитие институтов региональной политической власти охватило и органы местного самоуправления, полномочия которых становятся все более ясными. Ведется серьезная работа по усилению роли органов МСУ в региональной структуре власти.

Механизм формирования власти тоже менялся, что наиболее заметно при рассмотрении института губернатора, который изначально формировался путем прямого голосования избирателей на открытых выборах, а с 2005 по 2012 г. путем согласования с Администрацией Президента РФ и утверждения Президентом РФ. Кандидатуры главы региона предлагались президентом на утверждение местному законодательному органу власти, который в течение месяца должен был принять или не принять предложенную кандидатуру. Основная проблема состояла в том, что кандидаты, которые президент предлагал на утверждение, на практике редко имели отношение к политической жизни региона и являлись для большинства граждан данного субъекта РФ «чужими людьми». Для примера: два последних губернатора Саратовской области Павел Ипатов и Валерий Радаев до их назначения на эти должности не были близки к областным политическим процессам, так как первый занимал руководящую должность на Балаковской АЭС – в муниципальном образовании, отдаленном от областного центра, и в организации, не ведущей активной политической деятельности; второй до 2007 г. вел политическую деятельность в Хвалынском районе Саратовской области, еще более отдаленном от областного центра, и только потом был избран депутатом областной Думы четвертого созыва, где в том же году стал председателем, что также свидетельствует о том, что данные представители власти малоизвестны для большинства граждан Саратовской области. Но сегодня ситуация исправлена: Госдума 22 марта 2013 г. приняла в третьем, окончательном, чтении Закон о праве регионов выбирать – оставить ли им прямые выборы губернаторов или ввести процедуру выборов главы субъекта через региональное законодательное собрание [4].

Как видно, структура региональной политической власти находилась в динамическом развитии, но эти преобразования не изменили характер субъектной власти. Гораздо более важной характеристикой региональной политической власти субъектов РФ является не структура, а функциональность, которая также находится в развитии, расширяя полномочия политических институтов и совершенствуя механизмы их политического влияния. Если не акцентировать внимание на хозяйственных и социальных функциях, то наиболее ответственными, по нашему мнению, являются политические функции обеспечения фун-

кционирования электорального процесса; законодательной деятельности по регулированию внутрирегиональных отношений; развития внутрирегиональной партийной системы; формирования бюджета региона и распоряжения им. Наличие именно этих функций обеспечивает политическую субъектность российских регионов в федеративном государстве, а их реализация гарантирует необходимый уровень самостоятельности субъектов РФ в общей системе федеративных отношений. Данные функции могут быть показателем эффективности деятельности региональных институтов, поскольку ими во многом определяется реальная политика.

Несомненно, на электоральные процессы оказывает огромное влияние федеральная власть – Президент РФ, Центральная избирательная комиссия, руководящие органы политических партий, федеральное законодательство в целом, а также средства массовой информации. Законы, регламентирующие избирательный процесс в регионах, например Федеральные законы № 138-ФЗ от 26 ноября 1996 г. «Об обеспечении конституционных прав граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и № 67-ФЗ от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», сильно устарели (с момента издания последнего прошло более десяти лет), а существенных поправок и изменений в электоральном законодательстве, касающемся регионов, так и не было.

Как правило, деятельность федеральных структур власти, направленная на региональные политические процессы, носит управленческий характер. Так, согласно Федеральному закону № 229-ФЗ от 3 декабря 2012 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта РФ: по одному от законодательного (представительного) и от исполнительного органов государственной власти субъекта РФ. Кандидатура на пост представителя от законодательного (представительного) органа власти может выдвигаться председателем данного органа власти, фракцией или группой депутатов и в итоге утверждается большинством голосов. Представитель же от исполнительного органа власти просто назначается руководителем данного органа государственной власти субъекта РФ. Несмотря на то что в Федеральном законе № 229-ФЗ закреплено, что сведения о кандидатурах представителей в Совет Федерации должны «размещаться на информационном стенде в помещении для голосования... а также могут доводиться до сведения избирателей иными способами, предусмотренными законом» [5, с. 4], можно сделать вывод, что порядок выбора или назначения этих представителей довольно отдален от граждан и носит закрытый характер, как, собственно, и деятельность самого Совета Федерации РФ.

Осуществление электоральной функции для региональных институтов власти принципиально важно. По сути, они организуют и обеспечивают электоральный процесс в регионах, без него не могут состояться ни выборы парла-

мента, ни выборы президента. Но вопрос эффективности исполнения региональными властями этой функции выглядит противоречиво [6, с. 175]. Нормальная демократическая эффективность определяется соблюдением всех демократических норм и условий избирательного процесса, а политическая эффективность, к сожалению, оценивается результатами выборов в пользу существующей власти. И этот подход нередко определяет всю деятельность институтов власти в обеспечении электорального процесса.

Рассмотрение законотворческой деятельности региональных парламентов показывает, что в последнее время функция региональных законодательных органов замкнулась на реализации законов, принятых на федеральном уровне. В противопоставление можно привести пример Соединенных Штатов Америки, где каждый отдельный штат – субъект федерации – наименее зависим от центра и имеет собственную развитую независимую систему законодательства. К тому же в российских регионах принимаемые законы нередко мало затрагивают действительно насущные проблемы, решение которых не терпит отлагательств.

Так, Саратовская областная Дума проводила активную деятельность только в первых созывах (не считая «базовых» Законов «О правительстве», «О гербе и флаге» в 1996 г., «О почетном гражданине» в 1997 г. и т.д.), принимая достаточно важные законы: «О государственной поддержке общественных объединений» в 2001 г., «О государственной поддержке производства и реализации сельскохозяйственной продукции в Саратовской области», «Об охране и использовании объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, находящихся на территории Саратовской области», «О доплате к пенсии гражданам, имеющим особые заслуги перед Саратовской областью» в 2003 г., «О земле» в 2004 г. Далее деятельность областной Думы свелась к принятию законов, либо регламентирующих повседневную деятельность области, таких, как «О выборах в органы местного самоуправления Саратовской области», «О референдумах в Саратовской области», «О наименованиях органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Саратовской области», «О регулировании градостроительной деятельности в Саратовской области», «Об областном бюджете» [7], либо к копированию федеральных законов и их адаптации к условиям области. Оценивать эффективность законодательной деятельности региональных институтов власти непросто. С одной стороны, федеративное устройство России позволяет субъектам Федерации проводить активную законотворческую политику, а с другой – утвердившаяся «вертикаль власти», решающее влияние сильного центра на все региональные процессы сводят к формальностям многие аспекты субъектной самостоятельности. Одним из таких аспектов как раз является региональное законотворчество.

В региональной партийной системе наиболее заметно влияние федеральных руководящих партийных органов и сильное давление государственных органов власти на продвижение политики лишь одной политической партии [8, с. 153]. В любом регионе партийная система является точной копией и отра-

жением федеральной партийной системы. Деятельность партий в регионах в большой степени зависит от качества кадрового состава и от установления хороших взаимоотношений с федеральным партийным центром. Так, заметно увеличилось внимание федерального центра к Саратовской области и местному отделению партии «Единая Россия» после того, как Вячеслав Володин в 2007 г. был избран депутатом в Государственную Думу пятого созыва и занял пост заместителя председателя Государственной Думы. Его прошлая активная политическая деятельность в Саратовском регионе позволила установить нужные каналы коммуникации для осуществления более эффективной политики и контроля в регионе со стороны федерального центра. Неформальные связи здесь тоже сыграли большую роль.

В целом региональная партийная система в самой сильной степени зависит от федерального центра. Оценка эффективности региональных партийных систем затруднена отсутствием четких общепринятых критериев [9, с. 37]. Конечно, некоторые показатели культивируются в научных и общественных оценках, например: количество политических партий, представленных в регионе, численность их членов и активистов, участие партий в избирательных кампаниях, их представительство в региональном парламенте и региональных партийных лидеров в Государственной Думе РФ, интенсивность партийных мероприятий и их влияние на региональный политический процесс. Однако все эти показатели не могут оцениваться однозначно, поэтому их использование не гарантирует объективности суждений о характере функциональности партийных систем отдельных субъектов РФ.

В большинстве регионов размер формируемого бюджета не способен обеспечить развитие региона. Из этого следует, что большинству регионов придется занимать финансовые средства у банков или федеральной власти, что свидетельствует об их финансовой несамостоятельности. Так, доходы Саратовской области в 2013 г. составили около 60 млрд рублей, а расходы 65,5. Налицо серьезный дефицит бюджета. По прогнозам в 2014 г. дефицит бюджета Саратовской области составит 4,2 млрд рублей, а в 2015 – 2,4 млрд [10]. В эти цифры входит и размер внешнего долга Саратовской области перед федеральным центром, который, конечно, планируется с каждым годом уменьшать, но тем не менее он сильно ограничивает деятельность региональной власти относительно планирования и распоряжения местным бюджетом.

Эффективность бюджетной политики региональных властей сильно различается по отдельным субъектам РФ. Общая экономическая обстановка в стране мало способствует самостоятельной хозяйственной деятельности регионов. Лишь несколько групп регионов (столичные, богатые энергоресурсами, имеющие хорошие природные условия для развития аграрного производства) располагают экономикой, обеспечивающей формирование достаточного бюджета. Подавляющее же большинство регионов дотационны. И этот факт показывает низкую результативность бюджетной политики институтов власти данных регионов. Но бесспорно и то, что ответственность за это региональные власти вправе делить с институтами власти федерального

уровня: «Центр должен уметь отдавать и перераспределять полномочия. И не только полномочия, но и источники финансирования местных и региональных бюджетов» [11, с. 3].

Проведенный анализ показывает, что региональные институты в целом выполняют всю совокупность возложенных на них функций. Однако уровень эффективности их деятельности недостаточно высок. В основном это связано с тем, что в результатах деятельности рассматриваемых институтов слабо отражены интересы избирателей, гражданских организаций и в большей степени институты подчинены отношениям с федеральным центром. Деятельность представителей политической власти в регионах во многом носит формальный характер, то есть дублирует решения федеральных структур власти, не учитывая региональные особенности. Следовательно, региональная власть в большинстве субъектов РФ малоэффективна из-за несамостоятельности в проявлении собственной инициативы, из-за незначительности ресурсов, которыми она располагает. Некоторые инструменты, используемые местной властью, не являются демократическими. Такая ситуация традиционно порождалась слабостью общественного контроля за политиками, неразвитостью в России гражданского общества [12, с. 1]. Формальный характер управленческой деятельности представляет собой основное препятствие для эффективного функционирования институтов власти в региональном политическом пространстве.

Библиографический список

1. Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: политологический анализ устойчивого развития переходных обществ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2010.
2. Чернышов А.Г. Реальная и декоративная роль российского парламента (о некоторых уроках российского парламентаризма) // Парламентаризм в России и Германии: история и современность. М., 2006.
3. Бахлова О.В. Политические механизмы оптимизации территориального управления Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2013. № 38.
4. РИА Новости: [сайт]. URL: http://ria.ru/trend/choose_governor_law_16012012
5. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. закон № 229-ФЗ от 3 дек. 2012 г. // Рос. газ. 2012. № 5956.
6. Туровский Р.Ф. Социальная и политическая эффективность региональной власти: проблема измерения // Полития. 2013. № 1 (68).
7. Официальный сайт Саратовской областной Думы. URL: <http://www.srd.ru/>
8. Николаев А.Н. Трансформация региональной модели власти: исторический опыт // Власть. 2013. № 12.
9. Вагина Л.С. Региональные партийные системы в структуре политических режимов российских регионов: дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2012.
10. Открытый бюджет России: [сайт]. URL: <http://budget4me.ru>
11. Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. № 2.
12. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. № 1.

R.S. Sorokin
Administrative Court Proceeding
Code as a Means
of Counteraction against
Corruption in the Civil Service

The issue of the need for administrative court proceeding code creation in the Russian Federation is considered. The author sets forth a few points of view concerning administrative court proceeding in whole and a normative legal act that can resolve disputes of citizens with public authorities in particular. Certain provisions of the Draft of administrative court proceeding code in the Russian Federation are analyzed.

Key words and word-combinations: administrative court proceeding, civil service, counteraction against corruption, Draft, code.

Рассматривается вопрос о необходимости создания Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Автором изложено несколько точек зрения, относящихся к административному судопроизводству в целом и к нормативно-правовому акту, способному разрешать споры граждан с публичной властью в частности. Анализируются отдельные положения Проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: административное судопроизводство, государственная служба, противодействие коррупции, проект, кодекс.

УДК 351.9+347.91/95
ББК 67.401.06+67.410.1

Р.С. Сорокин

КОДЕКС
АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК СРЕДСТВО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЕ

В настоящее время отмечается, что участились случаи совершения административных правонарушений органами управления, представляющими собой государственную власть. Вследствие этого «публичное управление» для решения поставленных перед государством задач сегодня стало немаловажным, а в результате актуализировался и вопрос о необходимости закрепления кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В ст. 118 Конституции РФ установлено, что правосудие в России реализуется посредством конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Тем не менее в Российской Федерации до настоящего периода времени на вопрос об осуществлении административного судопроизводства однозначного ответа нет, уровень правового регулирования и систематизации российского административного законодательства по-прежнему находится на очень низком уровне.

Формирование отечественного административного судопроизводства берет свое начало в реформе 1864 г., когда был утвержден принцип разделения обвинительной и судебной властей. Лепту в формирование отечественного административного судопроизводства внес и «Проект преобразования учреж-

дений губернского управления статс-секретаря Столыпина» [1], предложенный им в 1908 г. Однако после убийства П.А. Столыпина данная программа воплощена в жизнь не была. События 1917 г. также не позволили реализовать многие прогрессивные реформаторские идеи по созданию административных судов. Советский тезис «власть всегда права» не допускал мыслей о создании административного судопроизводства. Лишь после принятия Конституции РФ в 1993 г. административисты вновь обратили внимание на проблему формирования административного судопроизводства.

Этот вопрос в последние годы становится все более актуальным. Целесообразность и необходимость принятия в России специального кодекса административного судопроизводства подчеркивается многими учеными. Их мнения чаще сходятся в том, что термин «административное судопроизводство», содержащийся Конституции РФ, будучи одним из важнейших административно-правовых средств обеспечения и защиты публичных интересов, в настоящее время нуждается в отдельном нормативном закреплении.

Административное судопроизводство – это рассмотрение и разрешение возникающих споров между административными органами управления и населением. Отсутствие в России независимой инстанции, касающейся рассмотрения споров граждан с публичной властью и ее органами, свидетельствует об упрощенной и недемократической форме судебной системы.

«Надобность в кодексе административного судопроизводства возникла не сегодня и детерминируется огромным количеством сложностей, сопровождающих процесс судопроизводства в России», – считает А.Н. Приженникова [2]. «Распыление процессуальных норм по трем кодексам (КоАП РФ, ГПК РФ и АПК РФ), их пробельный характер неоправданно усложняет работу, создает условия различного толкования и применения этих норм и, как следствие, ведет к усугублению проблем в сфере защиты прав и свобод, провозглашенных Конституцией РФ. Следует иметь в виду, что в АПК РФ и в ГПК РФ имеются отличия и эти отличия определяются их разной правовой природой, поскольку различны предметы судебной деятельности в АПК РФ и ГПК РФ» [2].

Н.В. Соколова считает, что «характер и специфика дел, вытекающих из административных и иных публичных правоотношений, имеет свои процессуальные особенности, заключающиеся в порядке их рассмотрения, правовом статусе участников этого судопроизводства, процессуальных сроках» [3]. Некоторые авторы указывают на необходимость принятия кодекса об административном судопроизводстве в Российской Федерации и образовании административных судов в связи с большой практической базой рассмотренных дел, возникших из административных правоотношений.

Существует также мнение, что предлагаемое новое административное судопроизводство не имеет ничего общего с нынешними административными правонарушениями. Заимствованное понятие приведет к новым противоречиям и путанице в законодательстве, соответственно, усложнению для понимания законодательства гражданами, новым злоупотреблениям со стороны государственных служащих и увеличению судебных и административных ошибок. С точки зрения Н.А. Бочарниковой, напротив, создание административных судов позволит устранить административные ошибки из административного процесса: «Ад-

министративные ошибки исполнительных органов государственной власти, должностных лиц и государственных служащих превратились сегодня в серьезную политическую и социально-правовую проблему. Они свидетельствуют о юридической незащищенности человека и гражданина, поскольку в результате совершения административных ошибок нарушаются права, свободы и интересы граждан. Создание действенного механизма по выявлению, предупреждению и исправлению административных ошибок могло бы иметь первостепенное значение для реформирования системы государственного управления» [4]. О.А Егорова, прорабатывая данную проблему, выдвигает ряд аргументов в пользу создания административных судов: улучшение качества рассмотрения дел, уменьшение сроков их рассмотрения, снижение нагрузки на судей и другие [5].

Иногда аргументом против создания административных судов и специализированного кодекса административного судопроизводства в Российской Федерации становится утверждение о бессмысленности усложнения имеющейся судебной системы. Однако данных о социологических исследованиях, касающихся введения в судебную систему административных судов и неэффективной системы функционирования, не имеется.

Возможные усложнения судебной системы связаны с такими изменениями, которые появляются в процессе реформы самого законодательства и некоторых усложнений структуры судебной власти, внедрения новых функций и постановки новых задач в самой правовой системе, а также при трансформациях в общественной и государственной жизни. Гуманная политика со стороны государства в области создания специализированного административного судопроизводства в Российской Федерации послужит укреплению авторитета власти, росту квалификации должностных лиц, а вместе с тем и государственных служащих.

Сегодня законодательство Российской Федерации содержит два вида средств противодействия коррупции на государственной службе. Во-первых, это УК РФ, который устанавливает составы преступлений коррупционного характера. Во-вторых, это дисциплинарные средства противодействия коррупции на государственной службе. Они направлены на исполнение государственным служащим обязанностей, предусмотренных законодательством о противодействии коррупции. Подобные обязанности перечислены в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». С принятием кодекса административного судопроизводства появится третий вид средств противодействия коррупции. Данный нормативный акт станет механизмом осуществления контроля за деятельностью государственного аппарата, что позволит снизить уровень коррупционного поведения в органах власти, создаст специальный механизм борьбы с проявлениями коррупции на государственной службе. Кодекс даст возможность сократить риски коррупционности в деятельности государственного служащего, систематизирует весь механизм общественного надзора государственного аппарата. Все это должно уменьшить потребность общества в существующем рынке коррупционных должностей. Административные суды способны увеличить доверие граждан к суду, желание граждан обращаться туда с исками для восстановления нарушенных прав и свобод. Такое нововведение увеличит исполнительность служащих в связи с реализацией должностных обязанностей. Административное судопро-

изводство будет в значительной степени играть роль фактора, подавляющего коррупцию, поскольку жалобы граждан и иных субъектов права на запрещенные законом деяния органов государственной власти или должностных лиц позволят вскрывать потенциальные источники коррупции.

При этом необходимо решить проблему законодательства, касающуюся взаимоотношений государственных органов, служащих и граждан, так как последние остаются непроинформированными об их правах на получение от администрации услуг. Зачастую чиновники преднамеренно скрывают подобного рода информацию. Правовая природа самих административных правоотношений изначально ставит участников отношений в неравные условия, поэтому при переходе к административно-процессуальным правоотношениям, в основе которых лежит спор, каждому участнику должно быть гарантировано «качественное» рассмотрение. Формирование административных судов и специализированного административного судопроизводства поспособствует борьбе с коррупцией в самой системе государственной службы, в органах государственной власти, а также местного самоуправления.

Кодификация административно-процессуальных норм, принятие кодекса административного судопроизводства могло бы стать логичным окончанием в решении ряда социально значимых вопросов. Создание специализированного административного судопроизводства необходимо для изменения взаимоотношений гражданина и государства. Административный суд должен стать институтом в борьбе с идеологией «прощения». Создаваемая веками психология «прощения» настолько прижилась и укоренилась в общественном сознании, что потребуются многие десятилетия, чтобы гражданин, зная свою правоту и уверенный в защите закона избавился от роли «просителя» [6].

Всеобщим анализом подобного рода дел призван заниматься институт административной юстиции, реформа которого идет в России в последние годы. Рассмотрение дел в судебном порядке в связи с возникающими административными правоотношениями осуществляется в судах общей и арбитражной юрисдикции на основании Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ. Российским юристам известны несколько различных проектов кодекса административного судопроизводства. Все они имели серьезные недостатки, и поэтому, к сожалению, работа, начавшаяся еще в 2000 г., продолжается до сих пор. Среди ряда существенных недостатков, переходящих из различных редакций законопроекта, – неопределенность при определении предмета правового регулирования, отсутствие четкого указания на основания и виды нормативных актов, подлежащих оспариванию, отсутствие единого понятийного аппарата.

В рамках рассматриваемой темы нельзя оставить без внимания Проект № 246960-6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [7]. Основной принцип подведомственности в данном случае следующий: если одной из сторон выступает государство, дело попадает под новый кодекс. Его задача – уравнивать стороны там, где один из участников заведомо сильнее. На наш взгляд, настоящий законопроект кодекса административного судопроизводства является по большей части компиляцией норм ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ и КОАП РФ, подвергшихся «косметической» переработке. Например, процедуру рассмотрения административных дел предлага-

ется в основном сохранить неизменной, аналогичной соответствующим нормам Гражданского процессуального кодекса РФ. К заимствованиям норм Проекта из Арбитражного процессуального кодекса РФ можно отнести правила освобождения от доказывания обстоятельств, признанных сторонами (ст. 67 Проекта), или положение, согласно которому можно приложить к административному исковому заявлению документы в электронной форме (ч. 2 ст. 128 Проекта). Административно-исковое заявление является одним из нововведений, так как в настоящее время в процессуальном законодательстве существуют лишь такие институты, как «исковое заявление» и «заявление».

В отличие от арбитражного и гражданского судопроизводства для осуществления административного не предполагалось создания отдельной группы федеральных судов. Отдельно указано, что положениями Проекта не планируется регулировать производство по делам об административных правонарушениях (ч. 6 ст. 1 Проекта). Также Проект предусматривает введение специальных судебных штрафов за различные нарушения в ходе рассмотрения дела.

Нормы Проекта о лицах, участвующих в административном деле, в основном повторяют нормы Гражданского процессуального кодекса РФ, однако предлагаются и некоторые изменения. Разработчики предлагали установить дополнительное требование к лицам, которые могли бы быть представителями в суде. В предусмотренных в Проекте случаях гражданин для защиты своих прав обязан иметь представителя, но если этот же гражданин будет работать в организации, то он сможет самостоятельно представлять ее интересы. На наш взгляд, это похоже на дискриминацию сторон. Кроме того, в отличие от ныне действующих норм Проект содержит прямое указание на обязательность юридического образования у всех представителей, кроме «законных» представителей юридических лиц и граждан, не обладающих полной дееспособностью.

Разработчики Проекта предлагают установить дополнительное требование к лицам, которые могут быть представителями в суде, – наличие у них высшего юридического образования (ч. 1 ст. 57 Проекта). В настоящее время такого правила нет ни в Гражданском процессуальном кодексе РФ, ни в Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Одновременно предлагается установить обязанность граждан вести дела только через представителя, если у заявителя нет высшего юридического образования.

В Проекте содержится положение о том, что эта обязанность возникает в прямо предусмотренных Проектом случаях. Однако в предложенной редакции Проекта указан только один такой случай: рассмотрение административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховных судах республик, краевых судах, областных судах, судах городов федерального значения, суде автономной области и судах автономных округов (далее – верховные суды субъектов РФ) и Верховном Суде РФ (ч. 7 ст. 210 Проекта). При подаче административного искового заявления по такому делу административный истец, если он является гражданином и намерен вести дело самостоятельно, должен будет указать сведения о наличии у него высшего юридического образования, а также приложить к заявлению копии документов об образовании (ст. 127, 128 Проекта). Если данное требование не будет соблюдено, суд оставит административное исковое заявление без движения (ст. 132 Проекта).

та). Указание в ч. 1 ст. 58 Проекта на необходимость признания судом некоторых полномочий представителя дает слишком широкие и совершенно неоправданные возможности для судебного усмотрения, что может привести к совершенно непредсказуемым последствиям и ограничению процессуальных возможностей представляемого лица. Открытым остался вопрос о толковании ч. 4 ст. 59 Проекта, содержащей отсылочную норму к федеральному закону, хотя Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прямо указывает на необходимость оформления доверенности либо ордера, вследствие чего данная норма представляется неоправданно избыточной.

Внедрение процедуры административного судопроизводства наверняка повлечет за собой увеличение как штатов судов общей юрисдикции, так и размеров их финансирования. В своей научной статье, упоминая о финансовой составляющей Проекта кодекса административного судопроизводства, Н.А. Громошина пишет: «Ясно, что основные препятствия – финансовые: если кодекс административного судопроизводства «почти ничего не будет стоить», то создание административных судов – весьма затратное дело» [8]. Однако авторы Проекта уверяют, что все возможные расходы, о чем немало вопросов, заложены в бюджете, каких-то дополнительных ассигнований не потребуется.

К сожалению, проводимые в нашей стране административная и судебная реформы имеют незавершенный характер. Нормативно-правовые акты в этой сфере которые все же принимаются, чаще под видом «лучше», ужесточают и ограничивают возможность граждан участвовать в жизни страны и даже их собственную свободу, напротив, развязывают руки чиновникам, прибегающим к злоупотреблениям.

Кодекс административного судопроизводства планировалось ввести в действие с 1 января 2014 г. Этого не произошло, необходимые корректировки Проекта кодекса будут носить положительный, прогрессивный характер в плане регулирования взаимоотношений гражданина и государства, а не станут очередными противоречивыми нормами, порождающими коррупцию, усугубляющими положение в стране и нарастание негативного отношения граждан к власти. Содержание Проекта № 246960-6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации вызывает, скорее, недоумение, так как введение такой формы судопроизводства само по себе вряд ли изменит общее впечатление граждан от наблюдаемого ими процесса отправления правосудия.

И все же российское правосудие в виде деятельности судов общей юрисдикции является крайне отсталым, поэтому необходимая корректировка и принятие нового кодекса является крайне важной задачей. Кроме специфической формы противодействия коррупции на государственной службе, это придаст юридической мысли и практике положительную динамику, пусть даже при наличии определенных издержек.

Библиографический список

1. Хронос. Всемирная история в Интернете. URL: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn1_41.html
2. Приженникова А.Н. Создание административных судов – насущная необходимость российской судебной системы // Юридическая наука: Проблемы и перспективы развития (регио-

нальный аспект): сб. статей по итогам II Междунар. науч.-практ. конф. В. Новгород, 8–9 октября 2009 г.: в 3-х т. В. Новгород, 2011.

3. Соколова Н.В. О некоторых проблемах создания административного правосудия в России // Вестник Самарской гуманитарной акад. Сер.: Право. 2008. № 1.

4. Бочарникова Н.А. Административная ошибка: правовое содержание, значение и основные направления преодоления. Воронеж, 2012.

5. Егорова О.А. Административные суды – «за» и «против» // Журнал российского права. 2001. № 5.

6. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения...: сб. избранных науч. трудов / Ю.Н. Стариков; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2010.

7. Кодекс Российской Федерации об административном судопроизводстве. URL: <http://ко-ас.пф/кас-рф.html>

8. Громошина О.А. Кодекс административного судопроизводства: оценка перспектив // Вестник гражданского процесса. №5. 2013.

D.A. Rozevatov
Social-Political and Cultural
Aspects of the American Society
Existence in the Model
of the Myth of American Dream

Social-economic and spiritual aspects of the American society in the model of American Dream are considered. The author conducts a research on how American Dream was dispelled many times in national American literature. The main pragmatic functions and their potential at rendering social-political and cultural aspects of American society existents are defined.

Key words and word-combinations: American Dream, society, Benjamin Franklin, O. Henry.

Рассматриваются социально-экономические и духовные аспекты американского общества в модели американской мечты. Исследуется, как американская мечта неоднократно развенчивалась в национальной американской литературе. Выделяются основные прагматические функции, а также их потенциал при отображении общественно-политических и культурных аспектов существования американского общества.

Ключевые слова и словосочетания: американская мечта, общество, Б. Франклин, О. Генри.

УДК 316.75+323(4/9)
ББК 66.05+66.3(4/8)

Д.А. Розеватов

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
СУЩЕСТВОВАНИЯ
АМЕРИКАНСКОГО
ОБЩЕСТВА
В МОДЕЛИ МИФА
ОБ АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЕ

American Dream – американская мечта служила и до сих пор служит моделью поведения для молодых людей, желающих добиться жизненного успеха. Успешность в современных условиях служит синонимом счастья и вполне его заменяет. «Американская мечта, этот сложившийся комплекс убеждений, жизненных установок, перспектив, связанных с идеалами свободы, равенства возможностей для самореализации и приложения энергии и способностей каждого, была сформирована еще во времена “отцов-осно-

вателей” демократической системы США», в частности Б. Франклина [1, с. 5]. Первопереселенцы были уверены, что в осваиваемой ими стране они сумеют обрести то, что было им недоступно в Европе, потому что здесь они свободны. Но желаемого можно достичь только трудом, упорством, самоограничением и целеустремленностью. Собственно, в этом комплексе нет ничего сугубо американского, но именно в Новом Свете он лег в основу массового сознания. Счастье – это успех, успех – это счастье.

Американская мечта эволюционировала вместе с нацией, в ее состав включались новые концепции, так что «...сейчас это – некий синтез идей, начиная с мессианского назначения Америки, богоизбранности страны, взгляда на рядового американца как на носителя великих идей и спасителя мира, абсолютного первенства Америки во всем. Современное состояние американской мечты имеет мало общего с тем, что она содержала изначально» [2, с. 19]. Сейчас она является в большей степени не американской мечтой, а мечтой об Америке для тех, кому не посчастливилось жить в этом «райском саду». Между тем изначально она формировалась как идеология скопидомства и аскетизма. Образцом поведения и основой для жизненной позиции настоящего американца считалась «Autobiography» Бенджамина Франклина. Эта культовая книга могла иметь название «Как я выбился из бедности». Автор – один из столпов американской демократии, символ и воплощение американской мечты, олицетворение лучших национальных качеств. Автобиография знаменитости – это всегда некоторая намеренная театрализация жизненного пути, наставление, недаром Франклин выбрал форму письма к сыну. Как отец нации он таким образом адресовался к любому молодому американцу.

Главное в ней – описание ежедневного неустанного труда совсем молодого человека, который последовательно и неуклонно шел к своей цели – жизненному успеху. Родившийся в семье ремесленника, где было 17 детей, он сам добился того, что стал национальным символом. Франклин был крупным ученым и изобретателем, организатором отечественной науки и высшего образования, государственным деятелем (вместе с Дж. Вашингтоном и Т. Джефферсоном подписывал Declaration of Independence), дипломатом, писателем, издателем, публицистом. Все это высоко ценилось благодарными соотечественниками, однако со временем наиболее ценным для них стала его работа по самоорганизации и самовоспитанию как всеобщий образец, доказательство принципиальной возможности для каждого добиться жизненных высот.

Стремясь «выбиться в люди», Франклин с самых ранних лет отдавал каждую свободную от работы минуту чтению, изучению языков (самостоятельно выучил пять), самообразованию. Важна авторская установка: свою славу он не считал следствием собственной исключительности или везения. Он позиционировал себя как самого обычного человека, сумевшего продвинуться исключительно благодаря труду и самодисциплине. Не имея наставников, он сам анализировал каждый свой день и даже ставил себе оценки по тринадцати критериям, которые сам же разработал и расположил по степени значимости.

У Франклина есть несколько произведений, похожих на инструкции: «Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым», «Путь к изобилию», «Как

сделать, чтобы у каждого человека в кармане было много денег» и т.д. Здоровые советы Франклина можно свести к такому тезису: «Богатство главным образом зависит от двух вещей: от трудолюбия и умеренности... Без трудолюбия и умеренности ничего не удастся, а с их помощью удастся все» [3, с. 83]. Проецируя свою просветительскую мораль на конкретику, он советует: «Трать на один пенс меньше, чем ты зарабатываешь. Вскоре твой тощий кошелек начнет наполняться... Весь небосвод будет сиять ярче, и в каждом уголке души радость будет бить ключом. Пусть трудолюбие сопутствует тебе с самого утра и сопровождает тебя до тех пор, пока не придет вечерний час отдыха» [3, с. 567]. Показательно, что этот едва ли не единственный в тексте экспансивный пассаж описывает ликование по поводу денежных накоплений. Ничто больше не возбуждает такого восторга у автора. Желая реализовать американскую мечту, следует с детства посвятить все свое время зарабатыванию и накоплению денег, а также «интеллектуальным инвестициям» – учебе ради возможности не просто жить в достатке, но сделать карьеру. В соответствии с этой установкой в американских семьях до сих пор существует обычай помещать в рамку и вешать на стену первый заработанный ребенком доллар.

Позже воплощениями американской мечты считались именно люди, самостоятельно добившиеся богатства и славы, неважно, в какой области: это были, например, и братья Кеннеди, и Мэрилин Монро.

Любая национальная литература является отражением национального сознания, концентрацией нравственного опыта народа. Американская мечта в таком варианте, который сформулировал Франклин, неоднократно развенчивалась в американской литературе, что, очевидно, свидетельствовало об отторжении некоторых ее положений. Это делалось с различных позиций, использовался весь арсенал художественных средств, соответствующих творческой индивидуальности автора. Так, в романе Джека Лондона «Мартин Иден» (1908) главный герой внешне как будто осуществляет американскую мечту – из самых низов, из беспросветной бедности он поднимается к вершинам славы и богатства. Он тоже работал и ограничивал себя во всем, но его позиция принципиально противостоит самому духу философии Франклина, внешне соответствуя ее букве. Идеал, к которому он стремится, – любовь и творчество, то есть понятия, связанные со стихией, иррациональностью, противостоящие рационализму просветителей. Мартин Иден идет на жертвы и терпит лишения не ради денег; добившись успеха, он стремится избавиться от них.

Полемика с Франклином содержится как в самой авторской позиции, так и в организации сюжета. Мещанка Руфь пытается привить Мартину идеи American Dream и приводит пример одного из служащих своего отца: «На первых порах он зарабатывал три доллара в неделю, а сейчас у него тридцать тысяч годового дохода. Как он достиг этого? Он был честен, трудолюбив и бережлив. Он отказывал себе в удовольствиях, которые обычно так любят молодые люди. Он положил себе за правило откладывать сколько-нибудь каждую неделю, ценою любых лишений. Это выдающийся человек. Такой пример должен нас всех вдохновлять. Он доказывает, что человек с упорством и волей может высоко

подняться над своим окружением» [4, с. 82]. Это «жизнеописание» почти текстуально совпадает с культовыми произведениями Франклина. Руфь, не способная самостоятельно мыслить, некритично воспринимающая готовые клише, которые приняты в ее окружении, искренне считает героя своей истории образцом для подражания не только для Мартина, но и для всех соотечественников. Мартин же, испытавший все «прелести» такой жизни на своем собственном опыте, смотрит на вопрос иначе: «Мне жалко его. Он сам украл у себя жизнь ради этих тридцати тысяч, от которых ему теперь никакой радости. Сейчас он уже на свои тридцать тысяч не купит того, что мог бы тогда купить на свои отложенные десять центов: леденцов, или орехов, или билет на галерку». Мартин не может найти оправдания лишениям, на которые обрек себя молодой человек: «Если бы он это делал из-за любви или влечения к прекрасному – Мартин бы его понял. Юноша, одержимый любовью, мог умереть за поцелуй, но не за тридцать тысяч в год! Было что-то жалкое, мелкотравчатое в карьере мистера Бэтлера» [4, с. 83].

Наиболее выразительным развенчанием американской мечты до сих пор считают «Американскую трагедию» Т. Драйзера (1925). Герой Клайд Гриффитс откровенно ориентирован на достижение материального успеха. На первых страницах романа он под давлением родителей занимается уличным проповедничеством, но стыдится этого, изо всех сил стремится «выбиться в люди». Поставив себе целью добиться успеха любой ценой, герой гибнет на пороге осуществления своей американской мечты. Разочарование ей уже на рубеже XIX–XX вв. все шире распространяется в обществе и отражается в литературе.

Своеобразно выглядит критика американской мечты в новеллах О. Генри. Писатель не высмеивает ее на сюжетном уровне, не изображает как иллюзию, приводящую к краху обманувшегося героя. Он просто демонстративно игнорирует ее. Как отечественные, так и европейские критики часто обвиняли О. Генри в утешительстве, аполитичности, стремлении сгладить острые социальные проблемы. На наш взгляд, вся новеллистика О. Генри является доказательством его резко отрицательного отношения к культивируемой в стране установке на финансовый успех и карьере по модели национального кумира Франклина.

Ни один из героев О. Генри не строит свою жизнь по этому образцу. Они ставят себе практические цели, но только те, которые могут реально достичь, например, отказывая себе во всем, за восемь месяцев скопить на новое платье. Получая восемь долларов в неделю, большего добиться невозможно. «Выбиться из бедности» по примеру национального символа в их реальности нельзя, ограничивать себя еще больше, чем они это делают в своей повседневности, просто опасно для жизни. В нескольких рассказах О. Генри приводит подробный расчет грошовых доходов своих героев и героинь. Эти строки можно считать прямым ответом на разумные советы Франклина. Например, в «Неоконченном рассказе» бедная продавщица Дэлси живет на шесть долларов в неделю. Из них два она платит за комнату, завтраки стоят шестьдесят центов в неделю, а надо еще одеваться... Автор прерывает себя: «Нет, я отказываюсь. Мое перо повисает в воздухе» [5, с. 761].

Франклин в своих произведениях гневно обрушивается на тех, кто тратит деньги не на самое необходимое: вкусную еду, красивую одежду и прочие излишества. Причем несколько раз упоминает пурпурную одежду. Видимо, для него она была символом недопустимого расточительства, почти развратом. Может быть, одна из героинь О. Генри не случайно покупает именно пурпурное платье? Она отказывает себе во всем не ради призрачного богатства в далеком будущем, а ради реальной радости ощутить себя привлекательной и счастливой [5].

Этот и множество подобных рассказов О. Генри, которыми он и прославился у себя на родине, можно считать прямой полемикой с установками Франклина. Во-первых, нельзя подчинить всю жизнь работе и накопительству, во-вторых, эти самоограничения все равно не помогут добиться того, «чтобы в кармане было много денег», как он обещал.

Франклин уверяет, что воздержанность и самоограничение приведут к тому, что радость будет бить ключом в душе, а небосвод засияет ярче для тех, кто отложил один пенс про запас. Герои О. Генри счастливы как раз тогда, когда нарушают эти предписания, тратя деньги на то, без чего можно обойтись.

Давно уже стало штампом обвинение американцев в излишнем прагматизме, игнорировании ими высших духовных ценностей ради материальной выгоды. Э. Баталов, сравнивая основные положения русской идеи и американской мечты, указывает на противостояние национальных культурных приоритетов по этому параметру. Причину такого положения он видит в том, что «русская идея, сформулированная в трудах философов, начиная с Достоевского, формировалась тоже как мессианская» [6, с. 200], но в основу ее были положены не демократические, а аристократические, то есть духовные, ценности. Она была внедрена в народное сознание сверху, в соответствии с иерархической расстановкой ценностей по следующей модели: «высшая власть – народ – мало что значащий индивидуум». В результате русская идея сейчас мало кому известна, и народ живет вне ее поля. Американская же мечта развивалась снизу, создателями ее были простые люди, в том числе типографский наборщик Франклин, и, соответственно, аксиологическая модель выглядит иначе: индивидуум – общество – обслуживающая их власть [6, с. 324]. Экономическая успешность Америки доказывает эффективность такой схемы. Множество американских культурологов изучают этот феномен, в частности Д. Бурстин [7], которого, впрочем, упрекают в некорректности: объектом его изучения стали только белые и только мужчины. Включение в исследование анализа жизни цветного населения значительно испортило бы статистику.

Таким образом, американская мечта на первоначальном этапе своего существования выдвинула буржуазные ценности как основополагающие, что вызвало ее отторжение в среде интеллектуальной и творческой элиты страны. Однако именно ориентированность на успешность, материальные блага и свободу определили ее глубокий демократизм. Эволюционируя, американская мечта вобрала и духовную составляющую, но тоже имеющую демократический, а не аристократический характер: приоритет семейных ценностей, нерассуждающий стадный патриотизм, глубокую уверенность в абсолютном мировом первенстве американских ценностей. Практика действительно доказывает универ-

сальный характер этих установок. Американская мечта в ее современном варианте успешно внедряется в жизнь. Однако популярность произведений Драйзера, Лондона, О. Генри не снижается, следовательно, где-то в глубинах национального сознания продолжает существовать другая американская мечта, смыкающаяся с русской идеей: мечта не о достигаемом упорным трудом и самоограничением благосостоянии, а о торжестве чистого духа, чуждого рациональности и расчету.

Библиографический список

1. Брукс В.В. Писатель и американская жизнь. М., 1972.
2. Володин Д.А. Компаративистский анализ русской и американской философии в контексте национального менталитета: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004.
3. Франклин Б. Избранные произведения / пер. с англ. Б. Франклин. М., 1956.
4. Лондон Дж. Мартин Иден. Рассказы / пер. с англ. Дж. Лондон. М., 1972.
5. Генри О. Собрание сочинений: в 2 т. / пер. с англ. О. Генри. М., 2010. Т. 2.
6. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., 2001.
7. Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт / пер. с англ. Ю.А. Зараховича, В.С. Нестерова. М., 1993.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

A.N. Neverov, G.G. Gubaydullina
Counter Movement of Psychology
and Economics in the Walls
of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
(The Second International
Scientific and Practical
Conference “Economic
Psychology: Past, Present,
Future”, May 15–17, 2014)

*А.Н. Неверов,
Г.Г. Губайдуллина*

**ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ
ПСИХОЛОГИИ
И ЭКОНОМИКИ
В СТЕНАХ ПОВОЛЖСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА
(Вторая Международная
научно-практическая
конференция
«Экономическая психология:
прошлое, настоящее,
будущее»,
15–17 мая 2014 г.)**

В начале 2013/14 учебного года в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ кафедра психологии и педагогики профессиональной деятельности преобразована в кафедру экономической психологии и психологии государственной службы, таким образом появилась вторая в России кафедра, специализирующаяся на одном из самых актуальных направлений современной гуманитарной науки, междисциплинарном по своей сути, – экономической психологии и

поведенческой экономической теории. В декабре 2013 г. завершился и процесс перехода центра психолого-экономических исследований Саратовского научно-го центра Российской академии наук (СНЦ РАН) на базу Поволжского института управления. В итоге в вузе были созданы исчерпывающие условия для эффективного развития данного научного направления.

Одним из свидетельств этому выступает работа конференции «Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее», прошедшей с 15 по 17 мая 2014 года в городе Саратове. В качестве соорганизаторов данного мероприятия, помимо Поволжского института управления имени П.А. Столыпина и СНЦ РАН, выступили Санкт-Петербургский государственный университет, Брянский государственный технический университет и научный совет по философии образования и проблемам методологии исследований в образовании Российской академии образования (РАО). Высокий уровень мероприятия и его значение для науки оценили эксперты Российского фонда фундаментальных исследований, оказавшего финансовую поддержку конференции.

Помимо круглых столов, панельных дискуссий в рамках пленарной сессии и презентаций монографий ведущих мировых ученых, то есть собственно конференции, были проведены еще два масштабных мероприятия: международная научная школа для молодых ученых «Методы психолого-экономических и нейроэкономических исследований» и выездное заседание научного совета по философии образования и проблемам методологии исследований в образовании РАО «Культурно-исторический подход как методологический фундамент подготовки кадров для науки, бизнеса и кадров государственной службы».

Международная научная школа «Методы психолого-экономических и нейроэкономических исследований», участниками которой стали более 40 молодых ученых, студентов, аспирантов и магистрантов со всей России (от Калининграда до Владивостока), объединила молодых ученых, которые видят будущее своих исследований в развитии данной отрасли науки. Всем слушателям, которые успешно подготовили проекты, были вручены сертификаты об окончании школы.

Отдельного упоминания заслуживает проведение очередного выездного заседания научного совета РАО под руководством профессора Бориса Исаевича Пружинина, состоявшегося во второй день конференции. Традиционно такие заседания собирают профессиональный состав из ученых, администраторов и практиков и проводится дискуссия. Поставленные вопросы, связанные с обеспечением профессионального самоопределения и адекватной экономической социализации современной молодежи, вызвали живой интерес у представителей министерств Саратовской области и руководителей образовательных организаций Саратова. Особо стоит подчеркнуть, что в рамках выездного заседания совета состоялось обсуждение итогов функционирования экспериментальной площадки Федерального института развития образования при Министерстве образования и науки РФ, нацеленной на научно-методическую организацию профориентационной работы и содействию профессионального самоопределения. На территории Саратовской области деятельность площадки курирует региональное министерство образования, а научное сопровождение оказывает центр психолого-экономических исследований нашего института. Координатор

площадки, сотрудник министерства образования Саратовской области М.И. Ефимова, сообщила об имеющихся наработках и достигнутых результатах, после чего совместно с представителями других министерств и ведомств Саратовской области, Федерального института развития образования и представителями научного сообщества был проведен круглый стол.

Всего в рамках конференции в течение трех дней были организованы и проведены четыре пленарных сессии, три круглых стола, пять мастер-классов, две открытые лекции и две презентации. В работе заседаний участвовало более 200 человек из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Калининграда, Иркутска, Черкесска, Челябинска, Рязани, Краснодара, Ростова-на-Дону, Ярославля, Новосибирска, Архангельска, Северодвинска, Владивостока, Калуги, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова), а также зарубежных стран (Израиля, Новой Зеландии, Венгрии, Франции, Австрии, Германии, Украины, США и Белоруссии). Среди них – признанные ученые в области экономической психологии и поведенческой экономики, педагогики, философии, экономики, психологии, социологии, а также преподаватели вузов, молодые ученые, студенты. Следует отметить интерес практиков в области образования и реализации государственной политики. Так, в работе конференции приняли активное участие представители министерства образования и министерства занятости, труда и миграции Саратовской области, руководители учреждений среднего общего и среднего профессионального образования.

В первый день работы конференции состоялась панельная дискуссия по проблеме методологии и перспективам развития экономической психологии, круглый стол «Психология образа жизни (памяти А.Н. Смирнова)» и два мастер-класса «Рациональное и иррациональное в экономическом поведении» профессора, представителя питерской школы психологии, О.С. Дейнека и «Половой эксперимент нечестности: возвращают ли клиенты лишнюю сдачу в ресторанах?» председателя исполнительного комитета ICABEEP, президента международного общества поведенческой экономики SABE, О.Х. Азара (Израиль).

Конференция началась с минуты молчания в память о замечательном человеке и ведущем отечественном специалисте в сфере экономического самоопределения, духовно-нравственной регуляции личности и экономической психологии, профессора Аллы Борисовны Купрейченко.

В приветственном слове директор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ Виктор Леонидович Чепляев подчеркнул большое научное и практическое значение проводимого мероприятия, а также отметил особую актуальность изучения экономико-психологических проблем в современных условиях. Он также отметил, что перевод центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН на базу института означает возвращение в стены Президентской академии экономической психологии, впервые организованной именно в данном вузе профессором А.И. Китовым в 1980-е годы. Было справедливо отмечено, что теперь в институте созданы все условия для дальнейшего развития исследований в данном направлении.

Очень важной частью открытия конференции стало награждение победителей первого чемпионата «Экономические таланты – 2014». Мероприятие проводилось с января по апрель 2014 г. для учащихся школ Саратовской области.

Организационную поддержку чемпионату оказывали научно-организационный отдел и центр довузовской подготовки института. Основой мероприятия стала уникальная игровая экономико-психологическая модель «Рыночная экономика», разработанная сотрудниками центра психолого-экономических исследований и неоднократно отмеченная наградами инновационных салонов и конкурсов научно-технических разработок.

Всего в чемпионате приняли участие 88 команд школ городов Саратова и Энгельса. В финальный тур прошли 26 лучших команд, представляющих МОАУ «Медико-биологический лицей», МОАУ «Лицей информатики и математики», МОУ «Гимназия № 89», МОУ «Гимназия № 108», МОУ «СОШ № 100», МОАУ «Лицей № 36», МБОУ «Кадетская школа «Патриот»». В рамках финальных игр школьники соревновались между собой и со специальными командами преподавателей и студентов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

В рамках конференции прошло торжественное вручение гран-при в присутствии Президента Международного общества исследований в области поведенческой экономики (SABE) О.Х. Азара.

Первое заседание было посвящено проблемам методологии экономической психологии. Оно прошло в форме панельной дискуссии. Заслушали пленарные доклады: профессора О.Х. Азара, президента Международного общества развития поведенческой экономической теории (SABE) из г. Беэр-Шева, Израиль; профессора кафедры организационной психологии РГПУ имени А.И. Герцена А.И. Худякова (Санкт-Петербург); профессора М. Альтмана, гл. редактора «Вестника поведенческой экономической теории» из школы экономики и финансов Университета Виктории г. Веллингтона (Новая Зеландия) и профессора А.Н. Неверова, директора центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН и заведующего кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ (Саратов). Кроме того, в первый день работы был проведен круглый стол «Психология образа жизни» (ведущие: профессор А.Н. Неверов и доцент А.Ф. Пантелеев), мастер-классы по теме «Рациональное и иррациональное в экономическом поведении» (ведущий О.С. Дейнека) и «Половой эксперимент нечестности: возвращают ли клиенты лишнюю сдачу в ресторанах?» (ведущий О.Х. Азар).

В докладах на панельной дискуссии поднимались проблемы моделирования экономико-психологических феноменов и явлений и роли в этом лабораторных экспериментов. Так, профессор О.Х. Азар на основе серии экспериментов предложил выделить два рода принятия экономических решений, которые он обозначил как полное относительное мышление и ограничено относительное мышление. Профессор А.И. Худяков на примере данного доклада показал положительные и отрицательные стороны организации процедуры эксперимента в экономической психологии. В докладах М. Альтмана и А.Н. Неверова было обращено внимание на необходимость междисциплинарного подхода к моделированию, релевантной методологии как психологической, так и экономической наук. М. Альтман обосновал то, что экономические модели должны включать в себя психологические переменные, однако для этого требуется карди-

нальный пересмотр методологии. Профессор А.Н. Неверов на примере ряда экономико-психологических моделей, построенных в работах центра психолого-экономических исследований, продемонстрировал возможности нового метода экономической психологии – психолого-экономического моделирования.

Обсуждение вопросов методологии экономической психологии и поведенческой экономической теории продолжилось в рамках мастер-классов, на которых профессор О.С. Дейнека и президент Международного общества развития поведенческой экономической теории О.Х. Азар на примере своих исследовательских программ продемонстрировали существующие методы организации и проведения исследований в данной сфере.

Итогом первого дня работы стало проведение круглого стола «Психология образа жизни», посвященного памяти саратовского психолога, одного из идеологов открытия центра психолого-экономических исследований Александра Николаевича Смирнова. В рамках этого мероприятия обсуждались вопросы развития проблемы психологии образа жизни, тесной связи между мировоззрением человека и его деятельностью, а также личностной трансформации и возникновения межпоколенных разрывов в условиях резкой смены образа жизни.

Второй день конференции был посвящен выездному заседанию научного совета по философии образования и проблемам методологии исследований в образовании РАО, возглавляемого профессором Б.И. Пружининым. Общей темой семинара в этом году выступило обсуждение проблемы культурно-исторического подхода как методологический фундамент подготовки кадров для науки, бизнеса и кадров государственной службы. На заседании также обсуждались вопросы профессионального самоопределения и экономической социализации российской молодежи. В работе приняли активное участие как экономические психологи, так и представители Федерального института развития образования, министерств и ведомств Саратовской области, а также практики в сфере образования.

Презентация проектов участников международной научной школы «Методы психолого-экономических и нейроэкономических исследований», на которой прошло живое общение начинающих экономических психологов со всех уголков России с уже состоявшимися учеными в данной сфере, стала началом второго дня конференции. Знаковым событием стала презентация магистерской программы «Экономико-психологическое конструирование организаций и бизнес-процессов», открытой в вузе.

В рамках панельной дискуссии «Экономическая социализация и профессиональное самоопределение молодежи» были заслушаны пленарные доклады профессора, заведующего кафедрой политической психологии СПбГУ О.С. Дейнека, профессора ГУ – ВШЭ А.Н. Поддъякова, старшего научного сотрудника ФИРО Г.В. Резапкиной, старшего научного сотрудника Института психологии РАН Т.В. Дробышевой, доцента ННГУ имени Н.И. Лобачевского Н.Ю. Стояхиной и профессора из Колледжа Северной Вирджинии М. Корригана (США). Итогом дискуссии стал тезис о необходимости построения образовательных технологий, способных обеспечить адекватную экономическую социализацию и блокирующие возможности «тройного обучения». Обсуждение темы продолжилось в рамках круглого стола «Культурно-исторический подход как методологический фундамент подготовки кадров для науки, бизнеса и кадров государствен-

ной службы», ведущими которого выступили профессор С.И. Мозжилин и координатор экспериментальной площадки по профессиональному самоопределению, сотрудник министерства образования Саратовской области М.И. Ефимова.

Своеобразным итогом выездного семинара научного совета РАО и обсуждения можно считать тезис, сформулированный директором института В.Л. Чепляевым, о необходимости возвращения к формуле социализации «Гражданственность и профессионализм», принадлежащей П.А. Столпину. Также в рамках второго дня конференции прошли открытые лекции профессора А.И. Худякова «Эксперимент как метод изучения взаимодействия экономики и человека» и профессора А.Н. Лебедева «Нейроэкономическая модель принятия финансовых решений в условиях равнозначного выбора».

Третий день работы конференции открыли мастер-классы профессора М. Альтмана (Новая Зеландия) «Почему счастье повышает продуктивность?», профессора А.В. Латкова (Саратов) «Рентоориентированное поведение». Продолжением работы выступила третья панельная дискуссия по проблеме «Теоретические модели и практические приложения экономической психологии и поведенческой экономики». В рамках панельной дискуссии были представлены пленарные доклады руководителя лаборатории поведенческой и экспериментальной экономики ГУ – ВШЭ А.В. Белянина, доцента БГТУ В.В. Евенко, профессора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ А.К. Адамова.

Завершением работы конференции стал круглый стол «Будущее экономической психологии и поведенческой экономики», на котором были заслушаны доклады, подготовленные участниками международной научной школы.

Подводя результаты конференции, ее участники подчеркнули, что с каждым мероприятием, проводимом в Саратове, на базе центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН позиции психологов и экономистов все более сближаются, и проводимая сейчас реформа образования и науки требует все большего количества значимых междисциплинарных исследований с целью обеспечения устойчивого развития российского общества.

Проведенное мероприятие позволило сопоставить методологию и научно-исследовательские программы, реализуемые в настоящее время в отечественной и зарубежной экономической психологии, и показало назревшую необходимость дальнейшей институционализации экономической психологии и поведенческой экономической теории (прежде всего в сфере создания возможности проведения и защиты диссертационных исследований по самостоятельной специальности научных работников).

Наибольшее количество вопросов вызвали доклады Президента Международного общества развития поведенческой экономики и экономической психологии (ICABEER) Офера Азара из Израиля, ведущего ученого в сфере поведенческой экономики из Канады Морриса Альтмана, заведующего кафедрой прикладной психологии Финансового университета при Правительстве РФ, профессора Александра Николаевича Лебедева, заведующего кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессора Ольги Сергеевны Дейнека, ведущего специалиста по экспериментальной психологии и психологии измерений, профессора Андрея Ивановича Худякова

(РГПУ имени А.И. Герцена), ведущего специалиста Федерального института развития образования Галины Владимировны Резапкиной и главного специалиста в России по экономической социализации личности, сотрудника лаборатории экономической и социальной психологии Института психологии РАН Татьяны Валерьевны Дробышевой.

Саратовская экономико-психологическая школа была представлена докладами и мастер-классами сотрудников центра психолого-экономических исследований СНГ РАН, который с декабря 2013 г. функционирует на базе Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Самой большой по численности участников стала делегация с факультета психологии Высшей школы экономики (Москва).

Практический характер конференции, высокий уровень докладов и мастер-классов и активность молодых исследователей позволяют надеяться на то, что основным результатом конференции станет дальнейшее развитие междисциплинарных исследований в России.

E.G. Lipatov
We Present the Administrative
and Criminal Law Chair
of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
АДМИНИСТРАТИВНОГО
И УГОЛОВНОГО ПРАВА
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина –
филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Кафедра административного и уголовного права существует в институте с 2000 г., первоначально создана как кафедра правового обеспечения управленческой деятельности. Четырнадцать лет функционирования кафедры под руководством доктора юридических наук Эдуарда Георгиевича Липатова можно назвать временем интенсивного роста и становления. Если на момент создания на кафедре работал только один кандидат юриди-

---

ческих наук, то в 2012 г. – уже четыре доктора и пять кандидатов юридических наук. В последние годы многие из сотрудников возглавили собственные коллективы, а также трудоустроились в столичные вузы (профессор С.Е. Чаннов – кафедру трудового и служебного права в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина; профессор А.В. Филатова стала заместителем директора Научно-исследовательского института Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации; доцент Г.В. Матвиенко, один из лучших специалистов в области таможенного права в России, работает в Российской академии правосудия). Так, кафедра из мало кому известного структурного подразделения провинциального вуза достаточно быстро превратилась в равноправного субъекта научного сообщества, которая заняла место в ряду лучших кафедральных коллективов страны. Затруднительно привести примеры столь быстрого формирования научного коллектива такого высокого качества, так как традиционно в России коллективы кафедр складываются десятилетиями.

Сама история кафедры стала неординарным явлением в отечественной вузовской практике. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, кафедра в организационном плане существовала на определенной дистанции от авторов основных научных школ и «ревнителей» сложившихся традиций научного исследования. С одной стороны, это ограничивало возможности помощи соискателям кафедры, но, с другой – подарило неизмеримо больше. Ученые оказались абсолютно свободны в формировании своих научных концепций, так как не были скованы позицией патриархов в науке. Такая ситуация способствовала максимальному раскрытию творческого потенциала коллектива, что обеспечило высокие результаты их научных изысканий. Во-вторых, заведующий кафедрой отверг практику «торможения» особо инициативных сотрудников, которая, к сожалению, практикуется в отношениях руководителей научных коллективов с подчиненными. Эта позиция привела к созданию атмосферы творческой лаборатории, где сотрудники стремились учиться друг у друга, и при этом сформировала дух здорового соперничества, что отразилось на качестве работы коллектива.

Поддержка профессора В.В. Володина (в настоящее время первого заместителя руководителя администрации Президента РФ) оказала влияние на достижение коллективом высоких результатов работы. Ныне известный государственный деятель несколько лет руководил в институте кафедрой государственного строительства и управления, а именно при ее разделении на две кафедры – государственного и муниципального управления и правового обеспечения управленческой деятельности – сформировался наш коллектив. Поэтому многим членам нашей кафедры, включая заведующего, довелось работать под руководством профессора В.В. Володина, ставшего научным консультантом по докторским диссертациям соискателей Э.Г. Липатова и С.Е. Чаннова, оказавшего неоценимую помощь при их подготовке и защите. В.В. Володин как экспериментатор смело ломает стереотипы и шаблоны в науке: его советы предопределили формирование у соискателей собственной исследовательской традиции, учитывающей проблемы социальной практики.

За кафедрой закреплен достаточно обширный перечень учебных дисциплин: административное право, таможенное право, земельное право, уголовное право,

---

криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика. Однако научно-исследовательская работа в силу профиля учебного заведения в первую очередь направлена на изучение проблем в области административного права.

Миссия кафедры административного и уголовного права обусловлена самой природой современного научного знания и связана прежде всего с эволюцией классической теории познания, потребностью в новых приемах и средствах изучения многообразных явлений правовой действительности. Традиционное классическое исследование юридических феноменов применяет отраслевой подход, в основе которого лежит единство предмета и метода правового регулирования, то есть то или иное общественное явление исследуется отраслевой правовой наукой, регулирующей конкретные общественные отношения.

Между тем в настоящее время предметом юридической науки все в большей степени становятся не просто однородные общественные отношения, а функции власти, регулируемые нормами различных отраслей права. Это вытекает из самого текста Конституции РФ: например, в ст. 71 и 72, содержащих перечни предметов ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения, в их качестве указаны не только отрасли законодательства, но и функции власти (оборона, безопасность, образование, здравоохранение и т.д.). Естественно, изучение правовых основ властных функций невозможно в рамках какой-либо отдельной отрасли права. Для этого необходимо использовать межотраслевой научный подход, способствующий реализации миссии кафедры административного и уголовного права. Например, изучение законодательства о государственном заказе Российской Федерации не будет полным, если его проводить только в рамках гражданского законодательства (с помощью методов изучения данной отрасли права). Несмотря на то что в тексте Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» указано, что он основан на положениях Гражданского Кодекса РФ, размещения государственного и муниципального заказа реализуются посредством целой системы органов исполнительной власти, осуществляющих нормативно-правовое регулирование, надзор, размещение заказов. Следовательно, данная отрасль законодательства включает в себя как нормы гражданского права, так и административного и финансового права. Изучение этой отрасли законодательства требует привлечения методов познания, разработанных различными отраслевыми науками (аналогичным образом изучаются законодательства о борьбе с коррупцией и другие виды), – то есть проектно-функционального, межотраслевого подхода в изучении явлений правовой действительности. При этом данный подход не отрицает классического отраслевого исследования. Основой для исследования конкретных направлений государственной деятельности выступает наука административного права, нормы которой регламентируют государственное администрирование. Оптимальное сочетание методов административного права и методов других отраслей права способствует правовому обеспечению государственных функций. На изучение и анализ этих уникальных сочетаний и направлена научно-исследовательская деятельность кафедры.

Результаты работы коллектива нашли отражение в таких фундаментальных трудах, как «Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества» (Э.Г. Липатова), «Служебное правоотношение: поня-

---

тие, структура, обеспечение» (С.Е. Чаннова), «Регламенты и процедуры в сфере реализации государственного контроля (надзора)» (А.В. Филатовой). Монографии послужили опорой при подготовке и защите в 2010 г. трех диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Учебники Г.В. Матвиенко и О.Ю. Бакаевой «Таможенное право» (2003), С.Е. Чаннова и М.В. Преснякова «Трудовое право» (2007) выпущены самым престижным издательством юридического профиля – «Юристъ». Учебник «Административное право» (под редакцией Э.Г. Липатова и С.Е. Чаннова) вышел в 2013 г. в издательстве «Дашков и К^о». Курс лекций «Административное право», подготовленный коллективом кафедры под редакцией Э.Г. Липатова, С.Е. Чаннова, увидел свет в 2006 г. в издательстве «Экзамен», причем тираж данного курса составил 100 тыс. экземпляров, что является рекордным для учебных пособий по административному праву. В 2006 г. в издательстве «Ось» вышел еще один курс лекций по административному праву, разработанный коллективом авторов кафедры.

Для обучающихся, практических работников кафедрой подготовлены и изданы несколько комментариев к законодательным актам, используемых в качестве учебных пособий. Комментарии к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (под редакцией Э.Г. Липатова и С.Е. Чаннова) выпущены в 2005 г. издательством «Теис», а также издательством «Юстицинформ». Данные комментарии размещены в правовой системе «Гарант», востребованы студентами и слушателями (по курсу «Административное право»). В 2007 г. вышел комментарий к Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации», в 2004 г. – комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления» (под редакцией С.Е. Чаннова), используемый студентами и слушателями в изучении курса «Муниципальное право». Также вышли комментарии к Федеральному закону «О муниципальной службе», Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Следует отметить, что подготовка комментария к КоАП РФ силами коллектива одного учебного заведения является уникальным явлением в издательской практике.

Таким образом, у коллектива кафедры административного и уголовного права сложились стабильные партнерские отношения с ведущими московскими издательствами, работающими в сфере юриспруденции. Комментарии и учебные издания, подготовленные сотрудниками кафедры, получают высокую профессиональную оценку, востребованы на рынке профессиональной юридической литературы.

Когда кафедру покидает, переходя на новый уровень, яркий ученый, взгляды которого выкристаллизовались в ее творческой атмосфере, руководитель испытывает смешанные чувства. Но это доказательство тому, что коллектив профессионально развивается, способен формировать научно-педагогические кадры высокой пробы, чья квалификация позволяет успешно решать все текущие и перспективные задачи.

Э.Г. Липатов,
доктор юридических наук,
заведующий кафедрой административного и уголовного права

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абубакиров Ринат Мидхатович – аспирант кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafeconom@piuis.ru

Алиев Талех Рамиз оглы – аспирант кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
e-mail: kyzyl_baku@mail.ru

Балькина Галина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: balykinagal@mail.ru

Гаврилкина Юлия Владимировна – соискатель кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: GavrilkinaYV@saratov.gov.ru

Глухарёва Людмила Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)
e-mail: liglur@mail.ru

Губайдуллина Гульнара Гиззатовна – ведущий специалист центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (отв. секретарь конференции)
e-mail: gubaidyllina@mail.ru

Даутов Владимир Владиславович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vladimir-dautov@yandex.ru

Дорошин Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: ivansar@mail.ru

Жирнов Николай Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: nikolai.jirnov@yandex.ru

Ишмухамедова Резеда Илгизовна – соискатель Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань)
e-mail: reseda@mail.ru

Калугин Рафаэль Анатольевич – аспирант кафедры национальной и региональной экономики Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: kaluginraf@gmail.com

Книга Елена Викторовна – аспирант кафедры международного частного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: knigae@mail.ru

Коротенко Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: Andreypooshka13@yandex.ru

Липатов Эдуард Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: eduard.lipatov2010@yandex.ru

Лучков Николай Андреевич – кандидат социологических наук, профессор кафедры антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Luchkovna@mail.ru

Мендель Анна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры математики и статистики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: a-mendel@yandex.ru

Неверов Александр Николаевич – доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: psychecon@gmail.ru

Нурмухамедов Азизджан Нигмаджанович – начальник отдела международных связей Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан
e-mail: international@dba.uz

158   2014 ● ВЕСТНИК ПАГС

Розеватов Денис Александрович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: den18w@mail.ru

Сафронов Никита Сергеевич – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: safronovns@gmail.com

Сергеев Александр Николаевич – аспирант кафедры истории Казанского государственного энергетического университета

e-mail: merchant08@inbox.ru

Сорокин Роман Сергеевич – аспирант кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: sorokin.magistr@yandex.ru

Стриганкова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: English@pags.ru

Тихонов Алексей Константинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и права Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова

e-mail: tixonov1807@yandex.ru

Фёдоров Александр Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и правовых дисциплин Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: fedorov.reg40@gmail.com

Фёдорова Анна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Шакирова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-Воздушных Сил Военно-воздушной академии имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (филиал в г. Сызрани)

e-mail: 5526reu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rinat Midhatovich Abubakirov – post-graduate student of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafeconom@piuis.ru

Talekh Ramiz ogly Aliev – post-graduate student of the Criminal Process Chair, Legal Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

e-mail: kyzyl_baku@mail.ru

Galina Anatolievna Balykina – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: balykinagal@mail.ru

Yulia Vladimirovna Gavrilkina – competitor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: GavrilkinaYV@saratov.gov.ru

Lyudmila Ivanovna Glukhareva – Doctor of Sciences (Law), Professor of the International Law Chair, Law Department, Russian State University for the Humanities (Moscow)

e-mail: liglur@mail.ru

Gulnara Gizzatovna Gubaydullina – leading specialist of the Center of Psycho-Economic Researches SSC RAS, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (executive secretary of the conference)

e-mail: gubaidyllina@mail.ru

Vladimir Vladislavovich Dautov – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Administration

e-mail: vladimir-dautov@yandex.ru

Ivan Aleksandrovich Doroshin – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Theology and Religious Studies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: ivansar@mail.ru

Nikolay Fedorovich Zhirnov – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nikolai.jirnov@yandex.ru

Rezeda Ilgizovna Ishmukhamedova – competitor of the History Institute named after S. Mardzhani of the Science Academy of the Republic of Tatarstan (Kazan)
e-mail: reseda-@mail.ru

Rafael Anatolievich Kalugin – post-graduate student of the National and Regional Economy Chair, Saratov Socio-Economic Institute of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov
e-mail: kaluginraf@gmail.com

Elena Viktorovna Kniga – post-graduate student of the International Private Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: knigae@mail.ru

Andrey Vadimirovich Korotenko – senior lecturer of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: Andreypooshka13@yandex.ru

Eduard Georgievich Lipatov – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: eduard.lipatov2010@yandex.ru

Nikolay Andreevich Luchkov – Candidate of Science (Sociology), Professor of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Luchkovna@mail.ru

Anna Vladimirovna Mendel – Candidate of Sciences (Economics), Docent of the Mathematics and Statistics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: a-mendel@yandex.ru

Aleksandr Nikolaevich Neverov – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Economic and Public Service Psychology Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: psychecon@gmail.ru

Azizdhan Nigmadzhanovich Nurmukhamedov – Head of the International Relations Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan
e-mail: international@dba.uz

Denis Aleksandrovich Rozevatov – Candidate of Sciences (Philology), lecturer of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: den18w@mail.ru

Nikita Sergeevich Safronov – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: safronovns@gmail.com

Aleksandr Nikolaevich Sergeev – post-graduate student of the History Chair, Kazan State Power Engineering University
e-mail: merchant08@inbox.ru

Roman Sergeevich Sorokin – post-graduate student of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sorokin.magistr@yandex.ru

Elena Yurevna Strigankova – Candidate of Sciences (Philosophy), Head of English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: English@pags.ru

Aleksey Konstantinovich Tikhonov – Candidate of Sciences (Law), Docent of the Pedagogies, Psychology and Law Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: tixonov1807@yandex.ru

Aleksandr Grigorievich Fedorov – Candidate of Sciences (Law), Docent, Head of the Customs Service and Legal Disciplines Chair, Kaluga branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: fedorov.reg40@gmail.com

Anna Valerievna Fedorova – Candidate of Science (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Elena Yurievna Shakirova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Chair of the Military Educational-Research Centre of Air Force “Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin” (branch in Syzran)
e-mail: 5526reu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Дорошин И.А.

Насилие и религия: социальный горизонт
и риски законодательной инициативы 4

Сергеев А.Н.

Секулярная и атеистическая модели взаимоотношения церкви и государства 11

Гаерилкина Ю.В.

Внеконкурсное назначение на должность государственной гражданской службы:
коллизии действующего законодательства 16

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

22

Лучков Н.А., Калугин Р.А.

Трансформация государственно-патриотической идеологии
на постсоветском пространстве 22

Нурмухамедов А.Н.

Конституция и гражданское общество:
достижение баланса интересов в Республике Узбекистан 29

Алиев Т.Р.

Перспективы применения домашнего ареста
в уголовном законодательстве Азербайджана:
опыт российской правовой системы 34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

42

Глухарёва Л.И.

Типология реформ в правозащитной сфере 42

Фёдоров А.Г.

Особенности правоотношений государства
и участников образовательного процесса вузов России 48

Книга Е.В.

Досрочное прекращение обязательств по договору
на выполнение проектных и изыскательских работ 54

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

59

Даутов В.В., Коротенко А.В.

Военная культура в образовательном и воспитательном процессах
военно-учебных заведений России: традиция и современность 59

Балыкина Г.А.

Трансформация коммуникативных практик управленческого образования 66

Ишмухамедова Р.И.

Исторический опыт реализации образовательной политики пореформенной России
среди татарского населения (на материалах Саратовской губернии) 72

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

79

Мендель А.В.

Особенности интеграции
социально-экономических систем государств – участников ЕврАзЭС 79

Тихонов А.К.

Становление законодательства о коррупции 87

Абубакиров Р.М.

Механизм антикоррупционной деятельности
в экономической сфере государства 93

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

99

Шакирова Е.Ю.

Основополагающие характеристики
российского социокультурного пространства 99

Фёдорова А.В.

Исследования современных организаций:
теоретические основания и методологические установки 108

Стриганкова Е.Ю.

Коммуникация и социализация
в формирующемся информационном обществе:
социально-философская рефлексия процессов взаимодействия 116

Жирнов Н.Ф.

Идеи консерватизма в работах Э. Бёрка, Э. Фёгелина и К. Шмитта 123

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

128

Сафронов Н.С.

Развитие институтов власти в региональном политическом пространстве 128

Сорокин Р.С.

Кодекс административного судопроизводства
как средство противодействия коррупции на государственной службе 135

164   2014   ●   ВЕСТНИК ПАГС

Розеватов Д.А.

Общественно-политические
и культурные аспекты существования американского общества
в модели мифа об американской мечте 141

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
147**

Неверов А.Н., Губайдуллина Г.Г.

Встречное движение психологии и экономики
в стенах Поволжского института управления имени П.А. Столыпина
(Вторая Международная научно-практическая конференция
«Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее»,
15–17 мая 2014 г.) 147

Представляем кафедру

административного и уголовного права

**Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ 153**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
157**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

- Doroshin I.A.**
Violence and Religion: Social Horizon and Risks of Legislative Initiative 4
- Sergeev A.N.**
Secular and Atheistic Models of the Relationship between Church
and the State in the Scientific and Political Thought 11
- Gavrilkina Yu.V.**
Non-Competitive Appointment to Civil Service:
Conflicts in the Existing Legislation 16

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

22

- Luchkov N.A., Kalugin R.A.**
Transformation of State-Patriotic Ideology in the Post-Soviet Space 22
- Nurmukhamedov A.N.**
Constitution and Civil Society: Gaining the Optimal Balance
of Interests in the Republic of Uzbekistan 29
- Aliiev T.R.**
Prospects of Application of House Arrest in the Criminal Law of Azerbaijan:
the Experience of the Russian Legal System 34

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

42

- Glukhareva L.I.**
Typology of Reforms in the Legal Advocacy Field 42
- Fedorov A.G.**
Peculiarities of Legal Relations between the State and the Participants
of the Russian Educational Process in Higher Education Institutions 48
- Kniga E.V.**
Early Termination of Obligations under the Contract
for Performance of Design and Survey Works 54

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

59

Dautov V.V., Korotenko A.V.

Military culture in the educational and upbringing process
of military educational institutions of Russia: tradition and modernity 59

Balykina G.A.

Transformation of Communicative Practices of Managerial Education 66

Ishmukhamedova R.I.

Historical Experience of Post-Reform Russia Educational Policy Realization among
Tatar Population (based on the materials of the Saratov Province) 72

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

79

Mendel A.V.

Features of Socio-Economic Systems Integration
of the Eurasian Economic Community Countries 79

Tikhonov A.K.

Formation of Legislation on Corruption 87

Abubakirov R.M.

The Mechanism of Anti-Corruption Activities
in the Economic Sphere of the State 93

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

99

Shakirova E.Yu.

Fundamental Characteristics of the Russian Cultural Space 99

Fedorova A.V.

Research of Modern Organizations:
Theoretical Bases and Methodological Attitudes 108

Strigankova E.Yu.

Communication and Socialization in Forming Information Society:
Socio-Philosophical Reflection of Interaction Processes 116

Zhirnov N.F.

Ideas of Conservatism in Works by E. Burke, E. Voegelin and K. Schmitt 123

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

128

Safronov N.S.

Development of Power Institutions in Regional Political Space 128

Sorokin R.S.

Administrative Court Proceeding Code as a Means of Counteraction against
Corruption in the Civil Service 135

Rozevatov D.A.

Social-Political and Cultural Aspects of the American Society Existence
in the Model of the Myth of "American Dream" 141

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
147**

Neverov A.N., Gubaydulina G.G.

Counter Movement of Psychology and Economics
in the Walls of Stolypin Volga Region Institute of Administration
(The Second International Scientific and Practical Conference
“Economic Psychology: Past, Present, Future”, May 15–17, 2014) 147

***We Present the Administrative and Criminal Law Chair
of Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration 153***

**INFORMATION
ABOUT THE AUTHORS
160**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 3 (42)

Редакторы *Т.П. Иванова, Ю.Н. Бирюкова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лыццевой*

Тем. план 2014 г., п. № 881

Подписано к печати 09.07.2014 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 13,87. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500. Заказ 518.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>